

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 1 (85) 2022

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)+

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Тебекин А.В. (Москва, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Теоретическая экономия: 12-й год разработки и развития в журнале4
Гордеев В.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Исследование теоретических предпосылок макродинамических основ эволюционной теории инноваций15
Матризаев Б.Д.

Школы экономической мысли и проблемы устойчивого развития: рыночный подход28
Бучинская О.Н.

Механизмы ценообразования в рыночной и плановой экономиках42
Беляев Л.С.

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Возможности умной специализации в проведении новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России57
Шевченко С.А., Морозова И.А., Кузьмина Е.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение70
Дяо Сяухуа

Перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов: мировой и национальный аспекты79
Тебекин А.В.

Эквилибристика статистических индикаторов социально-экономического развития страны и региональных систем94
Альпидовская М.Л., Аракелян С.М.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Энергосбережение и энергоэффективность как показатели достижения энергобезопасности в стране111
Тимонина В.И.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сбрасывают ли деньги цифровой экономики свои традиционные функции, как змея – кожу?.....120
Родина Г.А.

РЕЦЕНЗИИ

Исследование общественного воспроизводства - фундаментальная основа разработки теоретической экономии135
Гордеев В.А.

Теоретическая экономия: 12-й год разработки и развития в журнале

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Открывая 12-й год взаимодействия с читателем, главный редактор представляет обзор материалов 1-го (85-го) номера. По мнению редактора, публикации данного номера, представляют собой попытку продолжения разработки и развития в журнале выдвинутой нами ещё при его открытии концепции теоретической экономии. Показано, в чем заключается эта попытка в каждой публикуемой работе. Отмечено, что эта попытка присуща выступлениям как известных читателям, так новых авторов. Первостепенное внимание, как и в предыдущих номерах, уделено актуальным проблемам теоретической экономии, материалам очередной международной научной конференции в Ярославском государственном техническом университете, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономия; новая индустриализация; творчество молодых исследователей.

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: 12-й год разработки и развития в журнале / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.4-14. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 1-й (85-й), номер нашего журнала, которым мы начинаем 12-й год взаимодействия с Вами. По нашему мнению, материалы этого номера представляют собой попытку достойно продолжить практику предшествующих 84-х номеров, вышедших за 11 лет. Практику дальнейшей разработки и развития нашей концепции теоретической экономии. Думаем, что такая попытка характеризует публикуемые в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «**Актуальные проблемы теоретической экономии**». Здесь помещены две работы. Во-первых, статья под названием «Исследование теоретических предпосылок макродинамических основ эволюционной теории инноваций». Её написал уже знакомый Вам [см., например: 1 и 2] Матризаев Бахадыр Джуманиязович, кандидат экономических наук, доцент департамента экономической теории ФГБОУ «Финансовый университет при Правительстве РФ», (г. Москва, Российская Федерация). Целью настоящей статьи является проведение исследования теоретических предпосылок макродинамических основ эволюционной теории инноваций. Известно, что экономические сложные системы состоят из экономических агентов, которые неоднородны с точки зрения их возможностей, привычек, процедур и производительности и эти сложные системы по определению демонстрируют стабильное макроповедение на основе микро-нестабильности.

Макроскопические закономерности, основанные на изменчивости микромасштабов, отмечает автор, являются эмерджентными свойствами экономически сложных систем. При этом возникающая микро-изменчивость является эндогенной, поскольку каждый компонент обладает способностью генерировать новизну – креативность – и способностью учиться у экосистемы, и каждый компонент может изменить свое поведение, чтобы соответствовать экосистеме. Эта микро-изменчивость будет уменьшена в процессе отбора и непрерывно восстанавливаться на основе инноваций. В этом смысле, многие авторы, которые опираются на концепцию «сложности» в своих исследованиях в рамках неошумпетерианской и эволюционной парадигм, дают противоположные эмпирические результаты с точки зрения постановки главной научной гипотезы: должна ли система быть вертикальной или горизонтальной, или должна ли она способствовать процессу развития «снизу-вверх» и/или прямым вмешательствам. Это возможно потому, что комплексный подход еще не полностью разработан, и его границы все еще несколько размыты. В этом и заключается актуальность данного исследования. Научная новизна статьи заключается в определении теоретических предпосылок и выявлении эмпирических результатов различных групп исследователей неошумпетерианской эволюционной мысли. Автор предлагает, чтобы опыт, основанный на различных характеристиках «сложностей» системы, приводил к конвергенции практических рекомендаций в политике их влияния на формирование экономической динамики.

Во-вторых, в этой рубрике выступает новый для нас автор Бучинская Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН, (г. Екатеринбург, Российская Федерация). Она представила статью под названием «Школы экономической мысли и проблемы устойчивого развития: рыночный подход». Большинство предложений по экономическим изменениям, применяемых в ходе современных реформ, отмечает она, имеют под собой основу из теоретических наработок, разработанных школой экономической мысли, которой придерживаются авторы той или иной концепции развития. Парадигма этих школ во многом определяет инструменты, используемые для анализа объективной экономической реальности и рекомендации по достижению поставленных перед исследователями научных и практических целей. Стоящие перед современным мировым сообществом проблемы достижения целей устойчивого развития также столкнулись с разнообразными методиками решения проблем устойчивости, вытекающими из восприятия экономической реальности с точки зрения различных экономических школ. Ввиду достаточного разнообразия подходов к экономическому развитию их можно условно разбить, считает автор статьи, на подходы, придерживающиеся главенствующей роли государственного вмешательства для решения проблем устойчивости и отдающих первенство рыночному механизму в достижении устойчивого развития. Целью данной работы является исследование подходов школ экономической мысли, использующих рыночный подход, к проблемам устойчивого развития, выявление общих черт и различий в инструментарии, рекомендуемом для достижения целей устойчивого развития. Методологию исследования составили работы последователей концепции Й. Шумпетера, неоклассической школы, а также институционалистов. В результате анализа были выделены основные цели, поставленные во главу экономической политики достижения устойчивого развития с точки зрения исследуемых школ, проанализирован инструментарий исследования, применяемый сторонниками данных концепций. В работе выявлены основные цели устойчивого развития, попадающие в сферу анализа исследуемых школ экономической мысли, показаны преимущества и недостатки подходов, которые являются ограничениями для качественного достижения целей устойчивого развития в случае применения наработок той или иной экономической школы. Результаты данного исследования, по мнению автора, могут быть применены для совершенствования национальной и международной политик в достижении целей устойчивого развития, улучшения дизайна экономических и правовых институтов национальных государств,

разработки комплексных систем экологически безопасного экономического и социального развития России как на национальном уровне, так и на уровне отдельных регионов.

В-третьих, завершает данную рубрику статья под названием «Механизмы ценообразования в рыночной и плановой экономиках». Её представил впервые выступающий в нашем журнале Беляев Лев Спиридонович, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР, главный научный сотрудник Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения РАН, (г. Иркутск, Российская Федерация). Рассмотрены в этой работе особенности формирования цен в плановой (социалистической) экономике и их отличия от рыночной (капиталистической) экономики. Показано влияние закономерности повышения розничных цен на предметы потребления и платные услуги сверх затрат труда на их производство. В рыночной экономике это повышение происходит «стихийно», причем рыночные цены повышаются и на средства производства. В плановой экономике цены необходимо устанавливать централизованно в процессе планирования производства. При этом цены на средства производства устанавливаются по себестоимости продукции, а на предметы потребления необходимо устанавливать две системы цен: 1) основные цены – по себестоимости (для плановых и других экономических расчетов), и 2) розничные, как правило, более высокие цены для продажи их населению

Затем в рубрике - **«Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект»** - представлена в этом номере работа под названием «Возможности умной специализации в проведении новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России». Её авторы – исследователи из ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», (г. Волгоград, Российская Федерация): Шевченко Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент; Морозова Ирина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор; Кузьмина Екатерина Валериевна, кандидат экономических наук, доцент. Это новые для нас авторы, кроме С.А. Шевченко [см.: 13]. Целью их исследования является изучение особенностей новой индустриализации и предложение в качестве инструмента для её реализации использовать стратегию умной специализации. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания, которые позволили выявить и обосновать возможности умной специализации как инструмента новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России. В работе определены ключевые параметры новой индустриализации: развитие крупных промышленных производств, научная деятельность, кластеризация отраслей промышленности, цифровая трансформация отраслей промышленности, диверсификация отраслевой структуры промышленности, государственная поддержка, предпринимательская активность и креативность, технологические и социальные инновации. Выявлены возможности умной специализации в реализации новой индустриализации в регионе, которые включают: внедрение интеллектуальных технологий в процессы производства; технологическое развитие секторов в специализации региона; развитие предпринимательского знания для технологических траекторий; развитие эффективных коммуникаций между государством, наукой и бизнесом; формирование креативного класса для осуществления прорывных инноваций в высокотехнологичных отраслях. Использование умной специализации позволит достичь результатов экономического развития региона в направлениях: развития ресурсного потенциала; инвестиционной привлекательности в сфере исследований и разработок; продвижения инновационных продуктов и услуг на новые рынки; роста доходов от экспорта высокотехнологичной продукции; усиления региональных конкурентных преимуществ на локальном рынке и других. Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональной политики в целях научно-технологического развития территории. Вектор будущих исследований, считают авторы, заключается в изучении практического опыта применения умной

специализации в формировании и реализации инновационных стратегий регионов России.

В следующей рубрике, «**Современные проблемы мировой экономики**», Вашему вниманию в этом номере предлагаются три работы. Во-первых, статья под названием «Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение». Её представила член редколлегии нашего журнала Дяо Сюэуа, доктор экономических наук, профессор, (Даляньский технологический университет, г. Далянь, Китайская Народная Республика). Содействие устойчивому развитию сотрудничества между Северо-восточным регионом Китая и Дальним Востоком России, отмечает она, всегда было основной темой регионального экономического сотрудничества между Китаем и Россией. В данной статье анализируются новые успехи и новые преимущества экономического сотрудничества между этими двумя регионами. Считается, что Северо-восточный регион Китая и ДВ России экономически зависят друг от друга. На фоне освоения ДВ России и строительства важного окна для открытости КНР северу, экономическое сотрудничество китайско-российского региона, особенно сотрудничество между Северо-восточным регионом Китая и Дальним Востоком России развивается постепенно, а также сферы сотрудничества расширяются. На этой основе эффективные пути и меры укрепления сотрудничества между двумя сторонами были выдвинуты.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа с названием «Перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов: мировой и национальный аспекты». Её подготовил тоже член редколлегии нашего журнала Тебекин Алексей Васильевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, (г. Москва, Российская Федерация), знакомый Вам как активный автор [см., например, 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. В его новой работе проанализированы перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов. Представлены результаты анализа характеристик ноономики как нового состояния разумной экономики, которое может быть воплощено в реальность в рамках шестого технологического уклада. При анализе перспектив развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов и потенциального построения ноономики за основу приняты типы государственного устройства Платона, включая идеальное государство, в котором общественное благо представляет собой высшую ценность. На основе анализа характеристик неидеальных, но реально существующих видов государственного устройства по Платону, влияющих на тенденции развития общественного сектора экономики, по степени максимального подобию описано государственное устройство ведущих стран мира, включая Россию. Впервые на основе анализа теорий развития общественного сектора экономики в последние 200 лет показана их связь с фазами экономической активности в рамках больших (технологических) циклов Кондратьева Н.Д. Продемонстрированы основные векторы формирования общественного сектора экономики в фазе выхода из технологического кризиса 2020-х годов. Выделены прогрессивные и регрессивные составляющие развития общественного сектора в условиях перехода к новой фазе экономического развития в результате ее происходящих технико-технологических и социально-экономических трансформаций. Продемонстрированы особенности прогнозного развития общественного сектора в национальной экономике.

В-третьих, в этой рубрике публикуется статья «Эквилибристика статистических индикаторов социально-экономического развития страны и региональных систем». Её авторы - Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента

экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», (г. Москва, Российская федерация) и Аракелян Сергей Мартиросович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики и прикладной математики ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» (г. Владимир, Российская Федерация). Они уже выступали на страницах нашего журнала [см.: 26], а Марину Леонидовну Вы знаете и как члена редколлегии, и активного автора [см.: 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35]. В данной их работе обсуждается роль науки статистики в качестве как анализа и рекомендаций для властей по социально-экономическому развитию страны, так и по существующей практике обслуживания властей разного уровня в требуемом формате по оптимистическому сценарию. Приводится специфика математических методов теории вероятности, приложения статистических методов и моделирования с возможными некорректными выводами при неправильном использовании результатов статистических исследований, которые могут приводить к кардинально ошибочным выводам при определении траектории развития сложных социально-экономических процессов разного масштаба.

Затем Вашему вниманию предлагается рубрика «**Творчество молодых исследователей**», в которой публикуются работы для нас автора. Статья под названием «Энергосбережение и энергоэффективность как показатели достижения энергобезопасности в стране». С ней выступает Тимонина Виктория Ивановна, аспирант Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», (г. Москва, Российская Федерация). Стратегии повышения уровня энергосбережения и энергоэффективности в различных секторах и сферах экономики России, отмечает она, - ключевые направления социально-экономического развития. Для того чтобы в полной мере оценить опыт в развитии энергосбережения и энергоэффективности, необходимо выяснить, когда впервые люди начали уделять должное внимание данному виду деятельности. Поэтому автором статьи анализируются различные трактовки энергосбережения и энергоэффективности, описываются первые попытки и принятые соглашения (документы) по внедрению системы энергосбережения и энергоэффективности. Цель статьи - показать, что энергоэффективность в России может стать основой успеха развития экономики, так как неэффективное использование энергии в энергетическом секторе препятствует устойчивому и динамичному росту ВВП. Результатом исследования выступают данные, показывающие реальную структуру наличия и использования энергоресурсов, которые позволяют выявить нужные резервы для обеспечения дальнейшего социально-экономического развития. Большое значение приобретает инструмент поддержки принятия решений, не только по вопросам использования топливно-энергетических ресурсов, но и при разработке стратегий социально-экономического развития страны в целом, а также успешная реализация которых невозможна без необходимого энергообеспечения.

В следующей рубрике, «**Научная жизнь**», публикуется материал доклада, с которым на пленарном заседании 9.12.2021 выступила Родина Галина Алексеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и управление» ФГБОУ «Ярославский государственный технический университет», которая известна Вам, уважаемый читатель, и как заместитель главного редактора, и как активный автор нашего журнала [см., например: 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Данная её работа называется: «Сбрасывают ли деньги цифровой экономики свои традиционные функции, как змея - кожу?». Она посвящена рассмотрению актуальных вопросов трансформации традиционных функций денег в меняющемся мире. Экономическая наука активно изучает процесс изменения форм и видов денег, но вопрос о функциях денег остается дискуссионным. В статье поднимается вопрос о том, влияет ли существующее сегодня и развивающееся в будущем многообразие форм и видов денег на их функции, и если влияет, то каким образом и насколько глубоко. Выявив наличие в современной

экономической теории двух методологических подходов, эндотерического и экзотерического, автор вскрывает причины господства и границы эффективного применения функционального подхода, исследующего поверхностные формы, и обосновывает объективную необходимость выявления глубинного содержания экономической действительности под влиянием формирования цифровой экономики в XXI веке. Применение эндотерического подхода на основе анализа литературы по исследуемой теме позволило ответить на вопросы относительно того, что понимается под стоимостной сущностью денег, ловушкой ограниченности, покоящимися деньгами, проблемой персонализации и квази-анонимности, как классифицируются функции денег в традиционном и современном понимании. В ходе исследования выяснилось, что диджитальная экономика оказала сильное влияние на все денежные функции как в качественном, так и в количественном плане. В итоге полученных результатов был сформулирован вывод о необоснованности отказа от традиционных функций денег и замещения их так называемыми новыми, по большей части, неэкономическими функциями. Однако, с другой стороны, эти попытки были квалифицированы как запрос, порождаемый цифровой экономикой, на расширение междисциплинарных исследований.

Далее, в рубрике **«Рецензии, отклики»**, публикуется работа под названием «Исследование общественного воспроизводства - фундаментальная основа разработки теоретической экономии», которую подготовил Гордеев Валерий Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и управление», главный редактор сетевого издания «Теоретическая экономия» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). В работе показано, что многолетняя работа ученых из Ивановского государственного университета, докторов экономических наук Б.Д. Бабаева и Е.Е. Николаевой, по изучению многоуровневого общественного воспроизводства выступает фундаментальной основой разработки теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Особое внимание уделено рецензированию сборников научных трудов, изданных по этой проблематике под редакцией названных ученых в 2021 году. Раскрыты классификация уровней в рамках многоуровневого общественного воспроизводства, содержание каждого из этих уровней. Обращено внимание на актуализацию в постсоветский период проблематики регионального уровня общественного воспроизводства. Показана роль исследования общественного воспроизводства в разработке сущностно-содержательной составляющей концепции теоретической экономии.

Таково основное содержание материалов 1-го (85-го) номера. Как видите, они, действительно, представляют собой попытку продолжения разработки и развития выдвинутой нами 11 лет назад в журнале концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Уважаемый читатель, 4 марта 2022 года Финансовый Университет при правительстве Российской Федерации приглашает принять участие всех желающих в VIII Международной научно-практической конференции «Политическая экономия в эпоху структурно-системного перехода: история и логика процесса», мартовские чтения памяти д.э.н., профессора, члена-корреспондента РАН Дмитрия Евгеньевича Сорокина. Более подробная информация находится в информационном письме.

Цель конференции: реактуализация фундаментальных политико-экономических исследований закономерностей функционирования глобальной геоэкономической системы в условиях системного кризиса в период определения конфигурации новой мирохозяйственной системы, осмысление идеи социально-экономического развития, а также выявление возможных вариантов его интерпретаций, широкое междисциплинарное обсуждение ключевых проблем современной России в меняющемся

мире и выявление идей, моделей и механизмов переориентации национальной экономической политики в сторону новой экономической политики на основе приоритетного развития высокотехнологичного производства, интегрированного с передовыми достижениями науки и образования.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матризаев, Б.Д. Исследование социально-технических основ современной трехполярной системы инновационной политики [Текст] / Б.Д. Матризаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 6. — С. 53-62. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>

2. Матризаев, Б.Д. Исследование методологических особенностей системно-динамичных контуров долгосрочного инновационного развития [Текст] / Б.Д. Матризаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 7. — С. 74-85. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

3. Родина Г.А. Структура теоретической экономики: эволюция взглядов [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 5. — С. 26-36. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Родина, Г.А. Эволюция роли государства в условиях транснационализации экономического пространства [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 3. — С. 22-27. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

5. Родина, Г.А. Ещё раз о биткойне, блокчейне, фидуциарных деньгах [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 4. — С. 187-191. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

6. Родина, Г.А. Отзыв на статью А.А. Ананьева «Что мешает развитию российского машиностроения? Часть 1 – внутренние проблемы» [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 6. — С. 82-87. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Родина, Г.А. Альтернативные концепции трансформации экономической природы современных денег в условиях диджитализации экономики: сравнительный анализ [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 10. — С. 53-61. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Родина, Г.А. Современная финансовика: насколько правомерно её трактовать как «джанк-экономику»? [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 10. — С. 28-36. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Родина, Г.А. COVID-19 как триггер перехода к новому мировому порядку [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 11. — С. 31-38. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Родина, Г.А. Конкурентоспособность национальной экономики начинается с конкурентоспособности её социально-экономической модели [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 5. — С. 116-119. [Электронный ресурс] -

Режим доступа к журн. свободный: ИВ., <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Родина, Г.А. Политэкономический подход к появлению криптовалюты [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 6. — С. 52-59. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Родина, Г.А. Хорошо ли жить на Руси: эволюция критериев [Текст] / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 10. — С. 135-139. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

13. Шевченко, С.А. Приоритеты региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации России [Текст] / С.А. Шевченко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 12. — С. 43-51. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

14. Тебекин, А.В. Проблемы развития современной политэкономии [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 1. — С. 11-28. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

15. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Выбор подхода к формированию стратегии, обеспечивающей выход из глобального социально-экономического кризиса 2020 года [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 5. — С. 44-67. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

16. Тебекин, А.В. Оценка качества взаимосвязи составляющих триады управления социально-экономическими системами «цель-измеримость-практическая реализация» [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 11-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

17. Тебекин, А.В. Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 9. — С. 10-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

18. Тебекин, А.В. Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 10. — С. 11-27. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

19. Тебекин, А.В. Институциональные факторы распространения серой теневой экономики в России [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 4. — С. 49-65. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

20. Тебекин, А.В. Рецензия на проект рабочей программы учебного курса «Экономическая теория» [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 5. — С. 120-122. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

21. Тебекин, А.В. Анализ проблем развития населенных пунктов Российской Федерации [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 6. — С. 82-93. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

22. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Является ли инициатива «Индустрия 4.0» промышленной революцией? [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 7. — С. 59-73. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

23. Тебекин, А.В. Возможность использования положений школы предпринимательства для преодоления национальной экономикой системного кризиса [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный

научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 8. — С. 37-49. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

24. Тебекин, А.В. Риски роста «пузыря» на мировом финансовом рынке [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 9. — С. 72-86. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

25. Тебекин, А.В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [Текст] / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 10. — С. 13-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

26. Альпидовская, М.Л., Аракелян С.М. и Трифонова Т.А. Предсказательное моделирование реализации приоритетов социально-экономических трансформаций российского общества на принципах экосистемного подхода (риски угрозы национальной безопасности и независимости) [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 4. — С. 91-107. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

27. Альпидовская М.Л. Мифы и реалии модернизации по-российски [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 3. — С. 28-34. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

28. Альпидовская, М.Л. Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. — № 4. — С. 46-50. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

29. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 6. — С. 8-15. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

30. Альпидовская М.Л. К вопросу об экономических интересах или проблемы и перспективы развития современной России [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. — № 1. — С. 8-13. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

31. Альпидовская, М.Л. Целостность как императив расширенного воспроизводства национального хозяйства: проблемы современной фундаментальной экономической науки [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 1. — С. 12-17. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

32. Альпидовская, М.Л. О книге Б.С. Серджи «Изучение будущего российской экономики и рынков» [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 2. — С. 108-110. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

33. Альпидовская, М.Л. К вопросу об устойчивости теории Томаса Мальтуса [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 69-77. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

34. Альпидовская, М.Л. Общие контуры будущего: закономерности глобального постмодерна или альтер мира нового человека [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 8. — С. 11-23. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

35. Сироткина, А.И., Альпидовская М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность [Текст] / А.И. Сироткина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика»,

2020. — № 12. — С. 104-117. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

36. Беляев Л.С. Основные положения политической экономии социализма. – Иркутск: «Сибирская книга», 2019. – 224 с.

37. Беляев Л.С. Очерки политической экономии социализма. 2-е издание, переработанное. – Иркутск: Сибирская книга, 2018. – 352 с.

Theoretical economy: the 12th year of development in the journal

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Annotation. Opening the 12th year of interaction with the reader, the editor-in-chief presents an overview of the materials of the 1st (85th) issue. According to the editor, the publications of this issue are an attempt to continue the development in the journal of the concept of theoretical economy put forward by us at its discovery. It is shown what this attempt is in each published work. It is noted that this attempt is inherent in the performances of both well-known readers and new authors. Primary attention, as in previous issues, is paid to topical problems of theoretical economy, materials of the next international scientific conference at the Yaroslavl State Technical University, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, creativity of young researchers.

Keywords: theoretical economy; new industrialization; modern problems of the world economy, Creativity of young researchers

Исследование теоретических предпосылок макродинамических основ эволюционной теории инноваций

Матризаев Бахадыр Джуманиязович

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: matrizaev@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является проведение исследования теоретических предпосылок макродинамических основ эволюционной теории инноваций. Известно, что экономические сложные системы состоят из экономических агентов, которые неоднородны с точки зрения их возможностей, привычек, процедур и производительности, и эти сложные системы по определению демонстрируют стабильное макроповедение на основе микро-нестабильности. Макроскопические закономерности, основанные на изменчивости микромасштабов, являются эмерджентными свойствами экономически сложных систем. При этом возникающая микро-изменчивость является эндогенной, поскольку каждый компонент обладает способностью генерировать новизну – креативность – и способностью учиться у экосистемы, и каждый компонент может изменить свое поведение, чтобы соответствовать экосистеме. Эта микро-изменчивость будет уменьшена в процессе отбора и непрерывно восстанавливаться на основе инноваций. В этом смысле, многие авторы, которые опираются на концепцию «сложности» в своих исследованиях в рамках неошумпетерианской и эволюционной парадигм, дают противоположные эмпирические результаты с точки зрения постановки главной научной гипотезы: должна ли система быть вертикальной или горизонтальной, или должна ли она способствовать процессу развития «снизу-вверх» и/или прямым вмешательствам. Это возможно потому, что комплексный подход еще не полностью разработан, и его границы все еще несколько размыты. В этом и заключается актуальность нашего исследования. Научная новизна статьи заключается в определении теоретических предпосылок и выявлении эмпирических результатов различных групп исследователей неошумпетерианской эволюционной мысли. Мы предлагаем, чтобы опыт, основанный на различных характеристиках «сложностей» системы, приводил к конвергенции практических рекомендаций в политике их влияния на формирование экономической динамики.

Ключевые слова: Макродинамика, инновационная политика, инновации, эволюционная теория, экономическая система.

JEL codes: B00, B 15, B 41

Для цитирования: Матризаев, Б.Д. Исследование теоретических предпосылок макродинамических основ эволюционной теории инноваций / Б.Д. Матризаев. - DOI 10.52957/22213260_2022_1_15. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.15-27. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_15

Введение

В последние годы концепция «сложность» стала общей основой, в рамках которой нашли свое место различные проблемы эволюционной неошумпетерианской экономики. Ряд авторов [8], [12], [20] и др. в своих исследованиях определили в сложных системах общую структуру для учета целого ряда различных атрибутов, которые, как они утверждают, присутствуют в экономических системах. Некоторые из этих атрибутов упоминались на разных этапах истории экономической мысли разными авторами, но моделирование и возможности количественной оценки в прошлом ограничивали эти подходы оценочной теорией. С тех пор как эти ограничения стали ослабляться с развитием ИКТ, комплексный подход использовался в качестве всеобъемлющего инструментария моделирования. Тем не менее, это также вызвало более оживленную дискуссию об онтологических основах эволюционной теории инноваций. В качестве общей основы концепция «сложности» достаточно

широка, чтобы вместить самые разные позиции. Ряд авторов [11], [16] отмечают, что «сложность» заставляет инновационную экономику становиться плюралистической областью исследований. Среди неошумпетерианских исследователей-эволюционистов «сложность» рассматривается даже как синергетический подход, поскольку эволюционная теория состоит из различных наборов подходов и концепций, которые слабо связаны друг с другом. Это возможно, потому что комплексный подход еще не полностью разработан, и его границы все еще несколько размыты. Определения «сложных» систем, как правило, предполагают перечень функций, которые системы должны выполнять, чтобы считаться «сложными», но такие функции не всегда содержат одни и те же элементы, за исключением некоторых очевидных совпадений. Этот плюрализм отражается в том факте, что многие эволюционные и неошумпетерианские исследователи опираются на такие элементы концепции «сложности», как обратная связь, дивергенция, микрогетерогенность и самоорганизация, что в итоге приводит к противоречивости их практических рекомендаций. Сфера охвата этих рекомендаций включает в себя выбор секторов в рамках вертикального подхода или концепции «ориентированная на миссию инновационная политика». До тех пор, пока комплексный подход еще не полностью разработан и его границы все еще несколько размыты, эта противоречивость практических рекомендаций сосуществует в рамках эволюционной экономики. Более того, рекомендации часто сочетают оба типа вмешательства вместо того, чтобы выбирать один или другой тип. В этих случаях концепция «сложность» может обеспечить общую теоретическую основу, объединяющую обе точки зрения. В данной статье мы предлагаем изучить эту идею, определив предпосылки и тип практических вмешательств различных групп неошумпетерианских исследователей-эволюционистов. Мы предполагаем, что предпосылки, ориентированные на различные атрибуты «сложности», приводят к различным практическим последствиям в рамках эпистемологического и методологического плюрализма. После определения понятия «сложность» и описания ее основных измерений мы определяем два возможных пути развития концепции «сложности» в истории экономики. На первый из них указал Меткалф [22], [23], [24] и он начинается со А.Смита и заканчивается Хайеком [17], [18]. Общими нитями первого пути являются самоорганизация и появляющаяся новизна, и они сосредоточены на проблемах координации и трансформации. Второй путь также начинается с А.Смита, но заканчивается структурализмом и школой развития. В этом случае общими нитями являются нелинейность, зависимость от траектории и дивергенция. Как таковые, они сосредоточены на таких аспектах, как совокупная причинно-следственная связь и структурные изменения. В целом, в нашем исследовании мы покажем, что эти два пути приводят к различным последствиям вмешательства в экономику, и эта ситуация отражается в разнообразии практических рекомендаций, сделанных неошумпетерианскими последователями. Они включают политику вмешательства «снизу-вверх», т.е. наращивание потенциала и развитие институтов, способствующих инновациям и экономическому развитию, и политику «сверху-вниз», т.е. выбор секторов специализации и стимулирование структурных изменений. Мы покажем, что политика «сверху-вниз» и «снизу-вверх» дополняют друг друга, но их следует продвигать в разной степени в зависимости от того, насколько развита рассматриваемая страна. В развитых странах, т.е. в тех, которые уже имеют диверсифицированные и сложные производственные структуры, политика «снизу-вверх» имеет больше перспектив, чем политика «сверху-вниз», в то время как в менее развитых странах, где производственные структуры специализируются на нескольких сырьевых товарах, политика структурных изменений должна включать мероприятия «сверху-вниз», ведущие к созданию новых секторов. Тем не менее, в этом случае политика «сверху-вниз» должна быть дополнена политикой «снизу-вверх», направленной на повышение потенциала отдельных секторов.

Основные теоретические положения эволюционной концепции инновационной экономики

В своих недавних исследованиях несколько авторов эволюционной и неошумпетерианской

экономики выявили в экономически сложных системах общую основу для учета ряда атрибутов, которые, как они утверждают, присутствуют в экономических системах: самоорганизация, сетевое взаимодействие и положительные обратные связи, микрогетерогенность, возникающие свойства [11], [18], [25], [29]. Сложность, исходя из вышеприведенного, по-видимому, достаточно широка, чтобы вместить очень разные позиции, и она рассматривалась как объединяющий подход для эволюционных и неошумпетерианских течений. Этот подход отражается в том факте, что многие авторы, которые опираются на концепцию «сложности» в своих исследованиях в рамках неошумпетерианской и эволюционной парадигм, дают противоположные эмпирические результаты с точки зрения того, должна ли система быть вертикальной или горизонтальной, или должна ли она способствовать процессу развития «снизу-вверх» и/или прямым институциональным вмешательствам. Это возможно потому, что комплексный подход еще не полностью разработан и его границы все еще несколько размыты.

Вместе с тем в последние годы «сложность» стала общей основой, в которой нашли свое место различные положения эволюционной неошумпетерианской теории. В частности, в своих исследованиях Д.С. Меткалф [23], Г. Доси [15], К. Антонелли [8], П. Савиотти [29] и ряд других авторов определили в сложных системах общую структуру для учета ряда различных атрибутов, которые, как они утверждают, присутствуют в экономических системах: самоорганизация, сетевое взаимодействие и положительные обратные связи, микрогетерогенность, и возникающие свойства. Некоторые из этих атрибутов уже упоминались разными авторами в истории экономической мысли на разных этапах её эволюции, но моделирование и прогностические возможности в прошлом ограничивали эти идеи аппрессиативной (ценностно-ориентированной) теорией. С тех пор как ограничительные воздействия данной теории стали менее строгими с развитием ИКТ, комплексный подход использовался в качестве основного инструментария моделирования. Тем не менее эта теория уже успела вызвать в научных дискуссиях более глубокое обсуждение онтологических основ эволюционной теории инноваций и эпистемологические дискуссии по таким вопросам, как неопределенность [16] и интенциональность [14].

Категория «сложность», в том числе экономическая, весьма широка, чтобы в качестве общей основы вместить очень разные позиции. Например, в своих исследованиях Д. Дэвис [11] и М. Фонтана [16] отмечают, что «сложность» приводит к тому, что инновационная экономика становится плюралистической областью исследований. Среди последователей неошумпетерианских эволюционных концепций существует консенсус, что «сложность» может даже рассматриваться как синергетический подход, поскольку эволюционная теория состоит из набора различных направлений исследований, которые слабо связаны друг с другом. Разумеется, данную точку зрения можно считать возможной, поскольку до сих пор еще не полностью разработан хоть какой-нибудь комплексный подход, и, по мнению Д. Россера [28] и Р. Дея [12], границы эволюционной теории все еще несколько размыты.

Между тем в определениях «сложных» систем, как правило, авторы предлагают перечни функций, которые система должна выполнять, чтобы считаться «сложной», но эти перечни не всегда содержат одни и те же элементы, за исключением некоторых очевидных совпадений. Этот плюрализм отражается в том факте, что многие авторы исследований в области эволюционной и неошумпетерианской парадигм опираются на ряд принципов «сложности», такие, как дивергенция и обратная связь или микрогетерогенность и самоорганизация, и в результате, их теоретические взгляды и эмпирические результаты выглядят диаметрально противоположными. И до тех пор, пока комплексный подход не будет полностью разработан и, соответственно, границы эволюционной теории все еще остаются несколько размытыми, эта неоднородность взглядов и эмпирических результатов сосуществует в рамках эволюционной экономики. Более того, их рекомендации часто сочетают оба типа институционального вмешательства «снизу-вверх» и «сверху-вниз», вместо

того, чтобы выбирать один или другой тип. В этих случаях «сложность» может обеспечить общую теоретическую основу, которая объединяет обе точки зрения. В данной статье мы предлагаем изучить эту идею, определив предпосылки и тип институциональных вмешательств различных групп авторов исследований в рамках эволюционной и неошумпетерианской парадигм. Мы предполагаем, что предпосылки, ориентированные на различные атрибуты «сложности», приводят к различным эмпирическим результатам в рамках эпистемологического и методологического плюрализма.

В научной литературе имеется несколько подходов к определению концепции «сложности», в них перечислены атрибуты, которым должна соответствовать система, чтобы называться «сложной». В нашей статье мы их агрегируем по четырем признакам, включенным в эти определения, потому что у них есть четкие теоретические предпосылки и они полезны для увязки с эмпирическими результатами, изложенными нами у ранее упомянутых авторов исследований в рамках эволюционной и неошумпетерианской парадигм.

Этими атрибутами являются: 1) самоорганизация, 2) сетевое взаимодействие и положительные обратные связи, 3) микрогетерогенность, 4) возникающие свойства. Перечисленные четыре атрибута могут быть сформулированы в одном определении таким образом, что можно сказать: «сложные» системы состоят из разнородных взаимодействующих компонентов, расположенных в цепной сети, которые проявляются в возникающих свойствах. Эти атрибуты перекликаются с концепциями, описанными, среди прочих, Смитом, Маршаллом, Вебленом, Шумпетером, Хайеком, Янгом, Калдором и Хиршманом, а также современной эволюционной неошумпетерианской экономикой. Поскольку в задачу настоящего исследования не входит детальная характеристика этих атрибутов, то мы не станем останавливаться на них подробно.

По определению «сложные» системы демонстрируют стабильное макроповедение на основе микро-нестабильности, поскольку атрибут сетевого взаимодействия объясняет возникающий порядок. Представители австрийской школы, в особенности Ф.А. фон Хайек [17], уже заметили, что локальной и частичной передачи информации агентам с ограниченной рациональностью и ограниченными вычислительными возможностями достаточно для решения проблем координации. Наконец, возникающие свойства являются результатом взаимодействий в разных масштабах. Тот факт, что «сложные» системы представлены в различных масштабах пространства и времени, означает, что результаты каждого масштаба не могут быть получены линейно из более низких масштабов, каждый из которых показывает определенные атрибуты. Макроскопические закономерности, основанные на изменчивости микромасштабов, являются эмерджентными свойствами систем. Примерами этого являются дивергенция, блокировки и каскады изменений. Возникающие свойства являются ключевыми атрибутами любой «сложной» системы. Поскольку существуют эмерджентные свойства, система не сводима. Таким образом, четыре атрибута, упомянутые выше, можно рассматривать как онтологические допущения «сложности» системы.

В целом концепция «сложность» обеспечивает множественную основу для различных взглядов и подходов, которые принимают описанные выше онтологические допущения, хотя некоторые подчеркивают их больше, чем другие, в соответствии с их теоретическими интересами.

Ретроспективный анализ методологических подходов

Принятие эволюционной экономикой комплексного подхода основано на том факте, что взгляд ее предшественников согласуется с атрибутами «сложных» систем, обсуждавшимися нами выше. Действительно, некоторые авторы [13], [16], ссылаются на такие аспекты, как гетерогенность, взаимодействие, обратные связи и дивергенция. В частности, Д. Меткалф [22], Э. Бейнхокер [10], и ряд других авторов, в своих исследованиях прослеживают путь концепции «сложности» в экономике от Смита до Хайека, включая Маршалла, Шумпетера и Найта. Д. Меткалф же предполагает, что особенно большое значение имеют те идеи, которые связаны с нашим пониманием разделения

труда и роли инноваций в стимулировании процессов координации и самотрансформации. Вслед за А. Смитом Д. Меткалф [23] предполагает, что разделение труда в производстве товаров в связи с проблемами координации приводит к разделению труда в производстве знаний и, следовательно, к инновациям и преобразованиям. В частности, Д. Меткалф подчеркивает, что «... когда А. Смит писал о третьем классе разделения труда, помимо разделения труда внутри и между фирмами в области производства и использования машин, и специализации задач, он имел в виду разделение труда в производстве знаний для изобретений, разделение, отражающее деятельность этих фирм» [23]. Следовательно, проблема организации производства аналогична проблеме генерирования новых знаний. В первом случае речь идет о взаимодополняемости в производстве товаров и услуг, а во втором - о взаимодополняемости в генерировании различных видов знаний. Это согласуется с шumpетерианским взглядом на инновации как новые комбинации существующих знаний и с идеей Смита об инновациях, обусловленных специализацией. Согласно Й. Шумпетеру [30], генерация новых знаний в значительной степени производится путем объединения взаимодополняющих видов знаний, которые уже существуют в системе. Поэтому, как отмечает Ф.А. фон Хайек, взаимодействия, хотя и всегда локальные, достаточны и, следовательно, эффективны для наведения порядка в системе [23]. В этом контексте самоорганизация (проблема координации) и самотрансформация системы тесно связаны. Порядок, однако, не является равновесным, поскольку требует не глобальных взаимодействий, а локальных, и он подвержен привнесению новизны и эндогенным изменениям. Й. Шумпетер [30] утверждает, что экономическая система находится в неравновесном состоянии, хотя существует тенденция к порядку, которая обусловлена процессом рыночного отбора. Маршалл скорее являлся сторонником первого случая из-за его концепции порядка и экономической динамики, которая связана скорее с эволюцией, чем с равновесием. По мнению А. Маршалла [21], вариация и отбор действуют внутри отраслей посредством входа и выхода отдельных фирм. Его концепция экономической эволюции сосредоточена как на: а) возрастающей отдаче, получаемой в результате разделения труда и последующей новой формы организации, так и б) постоянно развивающейся предельной, то есть средней, фирме, которая непрерывно меняется с ростом и падением отдельных фирм [21]. По словам Д. Меткалфа, доминирующее направление в экономике после 1945 года, отдавало предпочтение идее равновесия, являвшейся естественным следствием мейнстрима: «рациональной согласованности экономических отношений» [24]. Согласно Хайеку [17], идея порядка в противоположность равновесию является ответом на необходимость признания некоторого уровня предсказуемости в экономике, а также частичной информации и локальных взаимодействий. Система никогда не может быть в равновесии, потому что сама природа процесса конкуренции ведет к инновации. Этот контекст присутствует в работе Хайека [17], но также может быть обнаружен и в работе Шумпетера [30], хотя последняя сильно отличается от первой в отношении уравнивающих сил. В частности, Й. Шумпетер считал, что равновесию постоянно угрожают процессы «созидательного разрушения» и непрерывное внедрение новых источников квазиаренты [30]. В отличие от равновесия, идея порядка не устраняет эндогенную неоднородность или возникающую новизну. Шумпетер представлял экономическую систему в неравновесном состоянии, хотя существует тенденция к порядку, которая проистекает из процесса рыночного отбора. Аналогичным образом Д. Меткалф [24] утверждает, что Хайек отличается от Маршалла в своем подходе к рыночному равновесию. Хайек считает, что конкурентное равновесие - это противоречие в терминах: «...соревноваться - это глагол, глагол - это слово, которое выражает действие, процесс. Однако в устойчивом состоянии совершенной конкуренции это относится не к действию, а к состоянию бездействия» [17]. Главный вопрос, который интересует Хайека, заключается в том, как общество решает проблему обработки знаний, когда информация распределена, и поэтому знания скудны и частичны. Ответ, данный Хайеком, на который теперь претендуют такие последователи эволюционной парадигмы, как Д. Меткалф, Д. Фостер, К. Допфер, К. Антонелли, и, наконец, Д. Поттс,

и связан с самим определением конкуренции. Если агрегировать мнение этих последователей, то получим следующее определение конкуренции: «конкуренция – это процесс открытия новых знаний, основанный на сочетании специализированных и ограниченных частных знаний».

Возвращаясь к Смиту, можно заметить, что точка зрения Смита относится к росту производительности, связанному с расширением рынка, что, в свою очередь, приводит к большему разделению труда и последующему внедрению инноваций. Однако экономика Вальраса привела к смещению интереса с динамичной и развивающейся экономики на статичную и ориентированную на равновесие, и знаменитая теория Смита, таким образом, была отклонена от неоклассического пути, хотя, конечно, были и заслуживающие внимания исключения.

Во-первых, Маршалл [21] внес значительный вклад, проанализировав микросложность, возникающую в результате взаимодействия между организациями на определенной территории и возникновения локализованных внешних факторов. Различие Маршалла между увеличением отдачи внутри фирм и увеличением отдачи, внешней по отношению к фирме, но внутренней по отношению к отрасли, было важно не только потому, что оно оправдывало гипотезу о том, почему увеличение отдачи не всегда приводит к монополии, но и потому, что оно объясняло взаимосвязь между ростом рынка, разделением труда, накоплением знаний и увеличением отдачи в производственной деятельности. В этом смысле Маршалл указал на существование обратной связи между микродинамикой отдельных фирм и формированием внешней экономики на отраслевом уровне. В частности, Маршалл отмечал, что «...если один человек начинает новую идею, ее подхватывают другие и объединяют с их собственными предложениями; и таким образом она становится источником дальнейших новых идей» [21].

Во-вторых, хотя Шумпетер не фокусировался на внешних эффектах, он заметил процессы положительной обратной связи, которые приводят к дивергенции. По его мнению, те системы, в которых процесс конкуренции основан на новых комбинациях, как правило, отличаются от тех, в которых конкуренция основана на ценах [30].

В-третьих, Янг [31] связал увеличение прибыли с экономическим прогрессом, включая понятия микроэволюции, структурных изменений и неравновесия. В этом направлении он указал, что макродинамика экономики характеризуется новизной и качественными изменениями: за ее пределами, в той более неизведанной области, из которой она черпает свою внешнюю экономику, происходят изменения другого порядка. Появляются новые продукты, фирмы берут на себя новые задачи, возникают новые отрасли промышленности. Одним словом, изменения в этом внешнем поле являются как качественными, так и количественными. Он также подчеркнул важность как внутренней, так и внешней экономики для фирм, возникающей в результате изменений в прямых и косвенных методах производства и производительности труда, связанных с расширением рынка. По словам Янга [31], производственная структура - это не экзогенная характеристика экономики, а эндогенный результат капиталистической динамики, который с точки зрения современного комплексного подхода может быть понят как возникающее свойство производственной системы. Янг показал, что каждое изменение в каждой части системы изменяет состав и организацию структуры системы и подпитывает новые волны технологических изменений за счет новых потоков внешних факторов [31]. На данный момент ясно, что в рамках этого пути основное внимание уделяется структурным изменениям и развитию как неравновесному процессу, в котором преобладают рост отдачи на отраслевом уровне и взаимодополняемость между секторами, и в котором новые сектора появляются и исчезают в рамках, в которых выход фирм на рынок и выход из него в рамках конкурентного процесса являются крайне нестабильными. Если бы главный вопрос касался самоорганизации и, в частности, того, как сделать развитие, самотрансформацию и структурные изменения совместимыми с экономическим порядком, то Хайек был бы тем, кто дал бы однозначный ответ.

В-четвертых, Калдор установил долгосрочную связь между ростом производства и ростом

производительности, весьма известное в науке как соотношение Калдора – Вердорна. Он проанализировал влияние этой взаимосвязи на существование путей развития в неравновесных условиях. В 1960-х годах Калдор разработал свою теорию кумулятивной причинно-следственной связи и ее влияния на динамичное увеличение прибыли, рост спроса и производительность. Хотя его работа не была предпринята с точки зрения «сложности», она связана со сложными системами, в которых присутствуют обратные связи и нелинейная динамика.

Ну, и в-пятых, школа экономического развития, возглавляемая А. Хиршманом [19], Р. Пребишем [27], Г. Мюрдалем [25], сформулировала многие из этих вопросов в рамках обсуждения конкретных проблем недостаточного развития. С этой точки зрения производственная структура развивающихся стран является ключевым фактором, ограничивающим их развитие. Это объясняется структурой производственной специализации, в которой преобладают продукты, использующие богатые ресурсы (сельскохозяйственные и горнодобывающие товары, а также дешевая неквалифицированная рабочая сила). Эти виды деятельности демонстрируют низкий уровень положительных обратных связей и увеличения отдачи, короткие производственные цепочки и незначительные горизонтальные и вертикальные связи с остальной производственной системой. В этом случае обратные связи относятся не к взаимодействиям между фирмами, как в первой традиции, а между производственными секторами, которые приводят к возникновению внешних эффектов, и между макроэкономическими агрегатами, вызывающими различную динамику между развитыми и развивающимися странами. Например, Г. Мюрдаль [25] показал, что дивергенция между странами обусловлена существованием кумулятивных причинно-следственных процессов. Он утверждал, что уровень инвестиций положительно зависит от уровня доходов за предыдущий период, который был усилен с помощью различных механизмов, таких, как увеличение прибыли, повышение производительности и иммиграционные потоки. В целом, авторы от Смита до Шумпетера могут разделять обе традиции, поскольку в их работах сосуществуют различные проблемы, от порядка до экономических изменений. Что касается того, является ли одна из этих двух основных проблем более важной, чем другая, то мнения разделяются. Первые строят свои гипотезы, исходя из того, как теоретические системы развиваются во времени, в то время как вторые учитывают эмпирические данные, основанные на времени, для определения объекта исследования и для теоретизирования. В целом же, разные авторы, работающие с современной эволюционной экономикой, пошли по этим двум направлениям. Уместно отметить, что оба направления в конечном счете развиваются, исходя из позиции «сложности», хотя с точки зрения развития второе направление кажется более привлекательным. Тем не менее, его можно было бы обогатить с точки зрения самоорганизации и самотрансформации, т. е. придания большего значения конкуренции в экономических процессах. Для этого нам нужно понять, в какой степени различные направления эволюционного мышления являются согласованными. В этом и заключается цель следующего раздела, которая посвящена эмпирической оценке результатов развития этих различных направлений.

Эмпирические результаты развития эволюционного подхода

За последние 30 лет был создан разнородный каскад, связанный с эволюционными и нешумпетерианскими историческими подходами, упомянутыми нами в первом разделе. В процессе построения своих концепций сторонники эволюционной парадигмы предприняли серьезные усилия, чтобы понять ее эпистемологические и онтологические основы и ее связь с теорией «сложности» [11], [18], [25], [27], [29]. Следуя шумпетерианской традиции, ряд теоретиков эволюционного подхода утверждают, что конкуренция проявляется как процесс «созидательного разрушения», который включает в себя изменения, трансформацию, нарушение равновесия и развитие. Хотя измерения, составляющие «сложность» – гетерогенность, сетевое взаимодействие, дивергенция и возникающие свойства – рассматриваются явно или неявно, они по-разному учитываются каждой группой

исследователей. В то время, как некоторые из них, близкие к первой исторической концепции, подчеркивают, что гетерогенность и дивергенция относятся к компонентам системы и их взаимодействиям [1], [7], [26], авторы, связанные со второй исторической концепцией, фокусируются на идее гетерогенности и дивергенции между производственными системами [3], [9], [10].

Согласно сторонникам самоорганизации, система решает проблемы координации, вытекающие из разделения труда, когда разнородные агенты обладают локальной и частичной информацией. Эта группа исследователей характеризуется своими сильными эволюционными и австрийскими корнями [13], [22], [26]. Эволюционные корни можно увидеть в интересе к объяснению самотрансформации экономических систем и динамики численности населения, обусловленной вариацией и отбором. Австрийские исследователи рассматривают изменение экономической системы, подчеркивая экономический порядок как эндогенный результат децентрализованных неравновесных взаимодействий между агентами системы. С точки зрения Д. Меткалфа [24], эволюционная конкуренция понимается как процесс структурной адаптации к имманентным инновациям, поэтому подчеркивается созидательная роль рынков. Конкуренция не идеальна в смысле свободного входа на рынок и равновесия, но это открытый процесс, который усиливает исследования и эксперименты. Таким образом, порядок или трансформация не противоречат друг другу. Шумпетерианский порядок нестабилен в рамках стабильной системы правил, которые организуют и направляют самотрансформацию системы. Опасения этих исследователей по поводу разделения труда не влияют на организацию производства знаний, потому что не может быть порядка без изменений, как и изменений без порядка. В свою очередь, К. Допфер [13] предложил аксиоматическую концепцию, которая объясняет динамику неошумпетерианской эволюционной системы. Он сформулировал макро – и микроуровни на мезоуровне. Макроуровень состоит из набора популяций, включая их текущие процедуры и взаимодействия, которые существуют между ними. Микроуровень - это набор процедур каждого индивида, которые конкурируют в рамках определенной популяции. Наконец, на мезоуровне отдельные процедуры изменяются (обновляются) в процессе конкуренции, создавая структуру процедур, которая не может быть сведена к характеристическому агенту.

Сторонники же подхода «привычки и рутина» близки к первой исторической концепции. Данная концепция связана с процессом обучения, генерируемым на уровне агентов системы, и его отправной точкой является ключевая роль привычек в объяснении динамики фирм и учреждений. Идея экономического порядка была дополнена достижениями теории организационных способностей, которая согласуется с теорией неошумпетерианского эволюционного развития. Эта группа сторонников определяется ее интересом к процессам обучения на уровне фирмы и поведению экономических агентов и институтов в рамках, связанных с институционализмом и исследованиями в области управления. Вместе с тем, она определила набор онтологических допущений для эволюционного мышления в экономике. В нем подчеркивается наличие ограниченной рациональности и неопределенности экосистемы, которые ограничивают доступ к информации, наращиванию потенциала и восприятию организацией предпочтений и представлений о мире. Ограниченная рациональность и немоделируемая неопределенность объясняют, почему фирмы действуют в соответствии с процедурами, созданными на их эволюционном пути. Эти процедуры составляют организационную память, с помощью которой фирмы развивают свою производственную и коммерческую деятельность и ищут квази-ренту. Эти процедуры позволяют фирмам действовать без раздумий. Они включают инструкции по воспроизведению и имитации одной фирмы другой. Процедуры проверяются, когда возникают конфликты и требуются обдуманые действия. В таких случаях инновации проявляются в форме изменения существующих процедур и создания новых. Это рутинное поведение согласуется с теорией поведения Г. Ходжсона [20], основанной на привычках, в которой он подчеркивает важность привычек над рациональным выбором в поведении экономических агентов. Он считает, что агенты действуют в рамках социально предопределенных параметров, чтобы

справляться с неопределенной и изменяющейся средой. Эти привычки определяются локально в зависимости от объема связей участников. Эта группа исследователей фокусируется главным образом на микроизмерениях и, следовательно, на конкуренции фирм, основанной на привычках. Вот почему эти авторы связаны с первой концепцией. Наконец, возникающие свойства, которые они подчеркивают в качестве руководящих принципов разработки политики, - это институциональные структуры, правила и привычки.

Сторонниками инновационных систем принято считать тех исследователей, в исследованиях которых подчеркивается системный аспект инноваций и технологических изменений на основе таких концепций, как: а) местная инновационная система, где сеть взаимодействия выделяется из-за ее важности для потоков знаний в местной среде; б) отраслевая инновационная система; и 3) национальные инновационные системы. Концепция инноваций, имеющих системный характер, является общей идеей для всех этих исследований. Они ставят инновации и процесс обучения на центральное место, применяя целостный, междисциплинарный подход и используя исторический взгляд. Их анализ выделяет такие элементы, как взаимозависимость, нелинейность и центральная роль институтов. Поскольку они подчеркивают различия между системами и признают существование расходящихся путей между ними, они в большей степени связаны со второй исторической концепцией.

Наконец, сторонники концепции кумулятивной причинности подчеркивают актуальность спроса на процессы кумулятивной причинности, микро- и мезодинамику и взаимодополняемость кейнсианских, шумпетерианских и кальдорианских источников роста. Сторонниками данной концепции являются Г. Доси [15], П. Савиотти и А. Пайка [29], которые подчеркивают, как фактор спроса в процессе роста, так и эволюционный вклад в международную торговлю. Ключевая роль абсолютного преимущества в определении модели специализации международной торговли, основанной на использовании возможностей расширения спроса наиболее выделена в идеях Калдора об обратной связи между спросом и производительностью. Поэтому в рамках этих исследований наличие постоянной неоднородности в предпочтениях, производительности и имманентной возможности инноваций рассматриваются как два сильных онтологических допущения. Другая же группа исследователей подчеркивает взаимосвязь между кумулятивной причинностью и эволюционными технологическими изменениями. Близость группы исследователей кумулятивных причинно-следственных связей ко второй исторической концепции объясняется с точки зрения ее интереса к пониманию долгосрочных процессов роста, основанных на расширении спроса. Идея Смита о том, что рост спроса является двигателем экономической диверсификации, создающим возможности для инноваций, является ключевым связующим звеном между кейнсианской и шумпетерианской динамикой роста. Наконец, основное возникающее свойство, которое они подчеркивают, - это структурные изменения, ведущие к появлению новых секторов и усложнению существующих. Эта группа исследователей сосредоточена на распространении технологий и эффектах блокировки.

Говоря об эмпирических последствиях различных взглядов на сложность, следует отметить, что, хотя в исследованиях концепции «сложности» есть место для неоднородности, исторические корни различных эволюционных нешумпетерианских групп приводят к различным эмпирическим результатам. Здесь мы кратко обсудим эмпирические результаты каждой группы и то, как они связаны как с историческими концепциями, так и с аспектами «сложности», которые они выделяют. Для этого мы расположим каждую из перечисленных групп на шкале, которая сочетает в себе их близость к каждому из двух исторических концепций и их эмпирические результаты, сосредоточенные на системе вмешательства между «сверху-вниз» и «снизу-вверх». Признавая, что идеальной корреляции не существует, под политикой «сверху-вниз» мы подразумеваем вертикальное вмешательство или политику, ориентированную на миссию, которая не обязательно направлена на устранение сбоев рынка, но на создание несвязанного разнообразия в производственной структуре. Мы признаем, что существуют некоторые исключения, а именно: горизонтальная политика «сверху вниз», направленная

на создание общественных благ, таких, как массовые программы профессиональной подготовки.

Однако, как правило, политика вмешательства «сверху-вниз» представляет собой в основном вертикальную политику, направленную на стимулирование процессов структурных изменений, как это предлагается во втором варианте. С другой стороны, под политикой «снизу-вверх» мы подразумеваем горизонтальную или ориентированную на распространение политику, направленную на обеспечение общественного блага или решение проблемы сбоя рынка. Здесь также применимо обратное. Можно найти государственную политику «снизу-вверх», действующую в конкретных стратегических секторах, таких, как поощрение связей и развитие потенциала, с тем чтобы способствовать возникновению технологических кластеров.

В итоге, как можно заметить, существует взаимосвязь между историческими концепциями и эмпирическими результатами. В общих чертах первую историческую концепцию можно связать с горизонтальной политикой, а вторую - с вертикальной. Однако наш анализ свидетельствует о существовании промежуточных позиций, которые предлагают интеграцию обоих типов политики с двумя историческими концепциями, упомянутыми выше в качестве теоретической основы. Во-первых, учет неоднородности приводит к разработке государственной политики, направленной на увеличение разнообразия. В этой связи с макроэкономической точки зрения привычки и самоорганизация подчеркивают важность гетерогенности как движущей силы процесса отбора. Поэтому сторонники данной концепции продвигают государственную политику, направленную на повышение индивидуальных навыков, что приведет к инновационным процессам и, следовательно, увеличению разнообразия. С этой эволюционной точки зрения цель инновационной политики состоит в том, чтобы повысить динамические возможности агентов и их процесс обучения, чтобы постоянно воссоздавались новизна и разнообразие. Политику, которую в основном продвигают сторонники данной концепции, можно обозначить как горизонтальную «снизу-вверх». Во-вторых, с теоретической точки зрения была подробно проанализирована структура сети и ее влияние на инновации и экономическое развитие. В-третьих, измерение «сложности» неравновесия, взаимодействия и дивергенции порождает набор государственных стратегий, направленных либо на поощрение положительных обратных связей, связанных с позитивной динамикой, либо на снятие блокировок, чтобы преодолеть дивергенцию. В-четвертых, возникающие свойства, рассматриваемые каждой группой, сами по себе должны быть целью политики. У сторонников самоорганизации / самотрансформации возникающим свойством системы является организация и координация. Поэтому государственная политика должна быть направлена на то, чтобы облегчить путь для этого. «Инновационная политика должна быть сосредоточена на содействии развитию и эволюции базовой структуры знаний, которая генерирует результаты деятельности на рынке, а не на самих результатах деятельности» [24].

Выводы.

В данной статье мы предположили, что понятие «сложности» достаточно велико, чтобы включать различные эволюционные неолшумпетерианские концепции, поскольку оно принимает набор онтологических допущений для сложных систем, которые по-разному подчеркивались каждой эволюционной концепцией. Мы также предположили, что набор идей, связанных с теорией «сложности», может быть раскрыт в рамках различных концепций в истории экономической мысли. Мы также подчеркнули, что различные, но взаимодополняющие представления о государственном промышленном и технологическом вмешательстве могут быть выведены из онтологических предпосылок «сложности».

Наконец, мы показали связь между этими историческими концепциями: каждая концепция демонстрирует различную связь с каждой парадигмой в истории экономической мысли и, следовательно, разные способы понимания государственного вмешательства. В этом контексте

существует контраст между двумя формами понимания государственного вмешательства, которые согласуются с историческими прецедентами и с теми аспектами «сложности», которые они подчеркивают. Важно отметить, что с одной стороны, для этих концепций инновации и развитие являются по преимуществу возникающими свойствами для экономических «сложных» систем. С другой стороны, концепции, которые стремились понять процесс трансформации как результат совокупного процесса, подчеркивали вопрос о дивергенции между сложными экономическими системами, вызванном положительными обратными связями между инновациями, структурными изменениями и ростом спроса. Отраслевые различия в отношении обучения, распространения технического прогресса и увеличения отдачи, а также признание различий в путях, связанных со структурными характеристиками, - все это приводит к принятию мер политики, направленных не только на создание условий для структурных изменений, но и на их непосредственное содействие, с тем чтобы избежать системных блокировок, таких, как ловушки с низким уровнем дохода или низким уровнем развития.

В целом, независимо от экономической динамики, возникшей с точки зрения «сложности», такая политика выявляет возникающие свойства, которые являются следствием одновременных процессов «снизу-вверх» и «сверху вниз». Другими словами, эволюционная динамика строится за счет индивидуальных действий, но на них также влияют макро- и мезоструктурные условия, включая институты, которые ограничивают их поведение, выбор и возможности для обучения. В этом смысле комплексный подход согласуется с эмпирическими результатами, в которых оправданы оба вида вмешательства. В этой статье мы показали, что «сложность» может быть полезна для эффективного сочетания эмпирических результатов всех концепций эволюционной неошумпетерианской парадигмы. Новизна нашей статьи заключается в том, что мы выявили интегральный подход, в котором политика вмешательства имеет теоретическую основу, а не просто инструментальную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов В.Н. и др., Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте «зеленого роста». Под редакцией академика Порфирьева Б.Н. – М.: Научный консультант, 2017. – 434 с.
2. Борисов В.Н. и др., Прогнозирование инновационного машиностроения. М.: МАКС Пресс, 2015. –180с.
3. Борисов В.Н. и др. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы. - М.: МАКС ПРЕСС, 2005. - 591 с.
4. Гульбина Н. И. К вопросу о классификации основных течений институциональной теории // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 4, 2009. – с. 77-86.
5. Мелихов В. Ю., Осадчая Т. Г. Основные этапы развития институциональной теории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 12, 2011. - с. 427-432.
6. Напольских Д. Л. Структурное моделирование институциональной среды инновационного кластера. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). № 12, 2012. - с. 40-45.
7. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 1, 2003. – с. 24-41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-1-24-41>
8. Antonelli, C., Collective knowledge communication and innovation: the evidence of technological districts. *Regional Studies* 34, 2000. 535–547.
9. Antonelli, C. *Handbook on the Economic Complexity of Technological Change*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2011.
10. Beinhocker, E.D. Evolution as computation: integrating self-organization with generalized Darwinism. *Journal of Institutional Economics*, 2011, 7, 393–423.

11. Davis, J.B. The turn in recent economics and return of orthodoxy. *Cambridge Journal of Economics*, 2008, 32, 249–366.
12. Day, R.H. The emergence of chaos from classical economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1983, 98, 201–213.
13. Dopfer, K. The economic agent as rule maker and rule user: Homo Sapiens Oeconomicus. *Journal of Evolutionary Economics* 2017, 14, 177–195.
14. Dosi, G., Fagiolo, G., Roventini, A. Schumpeter meeting Keynes: a policy-friendly model of endogenous growth and business cycles. *Journal of Economic Dynamics and Control* 34, 1748–1767 (*Computational perspectives in economics and finance: Methods, dynamic analysis and policy modelling*), 2010.
15. Dosi, G., Nelson, R.R. An introduction to evolutionary theories in economics. *Journal of Evolutionary Economics*, 1994, 4, 153–172.
16. Fontana, M. Pluralism(s) in economics: lessons from complexity and innovation. A review paper. *Journal of Evolutionary Economics*, 2014, 24 (1), 189–204.
17. Hayek, F.A. The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 1945, 35, 519–530.
18. Hayek, F.A. *Individualism and Economic Order*. University of Chicago Press, Chicago and London. 1948
19. Hirschman, Albert Otto. *The strategy of economic development*. New Haven, Conn: Yale Univ. Press. ISBN 0-300-00117-7, 1958.
20. Hodgson, G.M. Darwinism, causality and the social sciences. *Journal of Economic Methodology*, 2004, 11, 175–194.
21. Marshall A. *The Economics of Industry* (with Mary Paley Marshall). <http://www.library.fa.ru/files/Marshall-economics.pdf>.
22. Metcalfe, J.S. Evolutionary economics and technology policy. *The Economic Journal*, 1994, 104, 931–944.
23. Metcalfe, J.S., Foster, J., Ramlogan, R. Adaptive economic growth. *Camb. J. Econ.* 2006, 30, 7–32, <http://dx.doi.org/10.1093/cje/bei055>.
24. Metcalfe, J.S. Alfred Marshall's Mecca: reconciling the theories of value and development. *Economic Record*, 2007, 83, S1–S22.
25. Myrdal, G. The principle of circular and cumulative causation and the drift towards regional economic inequalities in a country. In: *Economic Theory and Under-developed Regions.*, 1957, pp. 11–38.
26. Potts, J. *The New Evolutionary Microeconomics: Complexity, Competence and Adaptive Behaviour*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, 2000.
27. Prebisch, R. The role of commercial policies in under-developed countries. *American Economic Review* 1959, 49, 215–273.
28. Rosser, J.B. On the complexities of complex economic dynamics. *The Journal of Economic Perspectives* 1999, 13, 169–192.
29. Saviotti, P.P., Pyka, A. Economic development by the creation of new sectors. *Journal of Evolutionary Economics* 2004, 14, 1–35.
30. Schumpeter, Joseph A. Opie, Redvers. *The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1983. ISBN 9780878556984.
31. Young, A.A. Increasing returns and economic progress. *The Economic Journal*, 1928, 38, 527–542.

Investigation of the theoretical prerequisites of the macrodynamic foundations of the evolutionary theory of innovation

Matrizaev Bahadyr Jumaniyazovich

candidate of economic sciences, associate professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: matrizaev@mail.ru

Annotation. This article investigates the theoretical prerequisites of the macrodynamic foundations of the evolutionary theory of innovation. It is known that economic complex systems consist of economic agents that are heterogeneous in terms of their capabilities, habits, procedures and productivity, and, by definition, these complex systems demonstrate stable macro-behavior based on micro-instability. Macroscopic patterns based on the variability of microscales are emergent properties of economically complex systems. At the same time, the resulting micro-variability is endogenous, since each component has the ability to generate novelty - creativity - and the ability to learn from the ecosystem, and each component can change its behavior to match the ecosystem. This micro-variability will be reduced during the selection process and continuously restored based on innovation. In this sense, many authors who rely on the concept of «complexity» in their research within the neo-Schumpeterian and evolutionary paradigms give opposite empirical results in terms of whether the system should be vertical or horizontal, or whether it should contribute to the bottom-up development process and/or direct interventions. This is possible because the integrated approach has not yet been fully developed, and its boundaries are still somewhat blurred. This is the relevance of our research. The scientific novelty of the article lies on the definition of theoretical prerequisites and the identification of empirical results of various groups of researchers of neo-Schumpeterian evolutionary thought. We propose that the experience based on various characteristics of the «complexities» of the system should lead to a convergence of practical recommendations in the policy of their influence on the formation of economic dynamics.

Keywords: Macrodynamics, innovation policy, innovation, evolutionary theory, economic system.

Школы экономической мысли и проблемы устойчивого развития: рыночный подход

Бучинская Ольга Николаевна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,

Институт экономики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: buchinskaia.on@uiec.ru

Аннотация. Большинство предложений по экономическим изменениям, применяемых в ходе современных реформ, имеют под собой основу из теоретических наработок, разработанных школой экономической мысли, которой придерживаются авторы той или иной концепции развития. Парадигма этих школ во многом определяет инструменты, используемые для анализа объективной экономической реальности и рекомендации по достижению поставленных перед исследователями научных и практических целей. Стоящие перед современным мировым сообществом проблемы достижения целей устойчивого развития также столкнулись с разнообразными методиками решения проблем устойчивости, вытекающими из восприятия экономической реальности с точки зрения различных экономических школ. Ввиду достаточного разнообразия подходов к экономическому развитию их можно условно разбить на подходы, придерживающиеся главенствующей роли государственного вмешательства для решения проблем устойчивости и отдающих первенство рыночному механизму в достижении устойчивого развития. Целью данной работы является исследование подходов школ экономической мысли, использующих рыночный подход, к проблемам устойчивого развития, выявление общих черт и различий в инструментарии, рекомендуемом для достижения целей устойчивого развития. Методологию исследования составили работы последователей концепции Й. Шумпетера, неоклассической школы, а также институционалистов. В результате анализа были выделены основные цели, поставленные во главу экономической политики достижения устойчивого развития с точки зрения исследуемых школ, проанализирован инструментарий исследования, применяемый сторонниками данных концепций. В работе выявлены основные цели устойчивого развития, попадающие в сферу анализа исследуемых школ экономической мысли, показаны преимущества и недостатки подходов, которые являются ограничениями для качественного достижения целей устойчивого развития в случае применения наработок той или иной экономической школы. Результаты данного исследования могут быть применены для совершенствования национальной и международной политик в достижении целей устойчивого развития, улучшения дизайна экономических и правовых институтов национальных государств, разработки комплексных систем экологически безопасного экономического и социального развития России как на национальном уровне, так и на уровне отдельных регионов.

Ключевые слова: цели устойчивого развития; экономический рост; зеленая экономика; экономические школы; экономическая политика; неоклассическая школа; институционализм; шумпетерианство.

JEL codes: B20, O30, Q01

Для цитирования: Бучинская, О.Н. Школы экономической мысли и проблемы устойчивого развития: рыночный подход / О.Н. Бучинская. - DOI 10.52957/22213260_2022_1_28. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2021 - №1. - С.28-40. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_28

Введение

Совокупность экономических, социальных и экологических проблем, стоящих перед мировым сообществом, сформировала концепцию устойчивого развития. В концентрированном виде она отражается в пуле из принятых в 2015 г. 17 целей, направленных на достижение безопасности и качества жизни населения Земли к 2030 году.

Необходимо отметить, что зеленая экономика, равно как и экономика устойчивого развития, не формируется, как отдельная область экономики, а представляя собой разработку теоретических

концепций и основанных на них практических подходов к оценке человеческого влияния на окружающую среду и проблемы снижения благосостояния людей, разработке и реализации стратегий по решению данных проблем. Фактически, подходы экономистов различных школ представляют собой рекомендации для разработки стратегий по решению проблем устойчивого развития в целом и сохранения окружающей среды в условиях усиления воздействия человека на окружающую среду и истощения природных ресурсов.

Целью настоящего исследования является объединение разрозненного опыта представителей различных школ экономической теории в достижении целей устойчивого развития. Для достижения этой цели были исследованы и систематизированы подходы шumpетерианской, неоклассической и институциональной школ экономической мысли. Выделены основные направления исследований представителей данных школ относительно достижения целей устойчивого развития, ключевые рекомендации по достижению данных целей, а также недостатки, оказывающие влияние на качество данных рекомендаций.

Подходы отдельных школ к проблемам устойчивого развития существенно отличаются и, на текущий момент, нельзя выделить какой-либо «абсолютно правильный подход» к переориентации экономики на достижение целей устойчивого развития. В ряде школ имеются допущения, слабо реалистичные модели, основанные на догматике того или иного направления. Однако и достижения, и провалы теоретических подходов современных экономических школ необходимы для разработки глобальных рекомендаций к достижению целей устойчивого развития и их адаптации к применению в условиях отдельных стран с различным социально-экономическим устройством.

Шumpетерианский подход к устойчивому развитию

Теория экономического развития, разработанная Й. Шumpетером и его последователями, является одной из первых, связанных с концепцией устойчивого развития. В основе данной теории лежит концепция «созидательного разрушения»: эволюционный процесс непрерывно сменяющих друг друга инноваций, приводящих к циклическому возникновению, развитию и прекращению деятельности инновационных организаций. Соответственно, инновации, особенно связанные с техническими изменениями, и также возможности, которые они предоставляют предпринимателям для обеспечения временной монопольной прибыли, являются основным драйвером экономического роста [1, с. 24].

Шumpетерианская концепция созидательного разрушения основана на следующих предпосылках:

1) Качественные изменения затрагивают все уровни экономики, и поэтому должны учитываться не только структурные изменения, но и устранение ограничений, сдерживающих развитие при существующем статус-кво и позволяющих развиваться в новых условиях.

2) Качественные изменения не появляются постоянно во времени, а соответствуют идее прерывистого равновесия, охватывающего периоды плавного и регулярного развития, а также периоды радикальных изменений.

3) Качественные изменения демонстрируют сильную нелинейность и эффекты положительной обратной связи [2].

Согласно теории Шumpетера именно потенциал инноваций позволяет преодолевать пределы текущих ресурсных ограничений. Таким образом, человеческая изобретательность является ключом к экономическому развитию, несмотря на проблемы с исчерпанием природных ресурсов. Накопление человеческого капитала и повышение изобретательской активности позволяет развить инновации для достижения целей устойчивого развития.

Шumpетерианцы уделяют значительное внимание социальному предпринимательству и корпоративному социальному предпринимательству. Социальное предпринимательство

понимается как инновационная деятельность с социальной целью в частном или некоммерческом виде [3]. Корпоративное социальное предпринимательство определяется как процесс использования всего потенциала предприятия за счет инноваций и внутреннего предпринимательства внутри предприятия, а также сотрудничества и партнерства с заинтересованными сторонами по всей цепочке создания стоимости для решения экономических, социальных и экологических проблем [4]. Таким образом, школа шумпетерианцев предполагает, что предприниматель, будь то человек или организация, исходя из доброй воли, пытаются создать для общества социальную полезность, как через инновационную активность и создание востребованных обществом товаров и услуг, так и используя свои мощности для решения проблем общества. Так, Смит и Стивенс [5] предлагают воспринимать социальных предпринимателей как социальных инженеров, которые сосредотачиваются на крупномасштабных проблемах общества. Наиболее важным ресурсом для решения данных проблем является легитимность действий социального инженера в глазах общества и связанный с ней политический капитал, который обеспечивает предпринимателю доступ к необходимым ресурсам. При этом на деятельности социального предпринимателя сосредотачивается достижение всех целей устойчивого развития – от борьбы с голодом, неравенством и дискриминацией, до развития институтов и сетевого сотрудничества по устойчивому развитию.

Выделяются следующие причины, по которым корпорация или предприниматель обращаются к достижению устойчивого развития [6]:

- этическая ответственность – ожидание от корпораций «моральности» в соответствии с нормами, ценностями, при этом компания как бы замещает неэффективный общественный сектор;
- экономическая ответственность – изучение различных стратегий, применяемых (или пропагандируемых) с целью достижения устойчивости;
- юридическая ответственность – реакция фирм на изменение в законодательстве относительно прав человека, оплаты труда, экологических норм и т.д.;
- филантропическая ответственность – добровольное финансовое участие в решении проблем общества.

Таким образом, фирма может прибегать к социальному предпринимательству для получения экономической прибыли, снижения налогооблагаемой базы, поддержки репутации бренда, признания своей ценности обществом и т.д.

Относительно зеленой экономики, шумпетерианцы утверждают, что даже при уже имеющихся технологиях можно существенно снизить воздействие на окружающую среду, и делают ставку на радикальное сокращение использования невозобновляемых ресурсов. Большое внимание уделяется производству замкнутого цикла, производству из переработанных материалов. Успех применения данных технологий заключается в разработке мер экономической политики, позволяющей применять подобные технологии. Для этого рекомендуется: принятие высоких нормативов и стандартов для производимой продукции, поощрение компаний к тщательному анализу своих экологических показателей и улучшению экологичности производства продукции.

Развиваемая шумпетерианцами Зеленая технико-экономическая парадигма понимается как рост применения экологических технологий в рамках технологического (инновационного) прогресса. Она интегрирует вопросы экологической эффективности (экоэффективности) инноваций и влияния производимого продукта на окружающую среду. Понятие экоэффективности связывает создаваемые блага или экономические показатели со степенью воздействия на окружающую среду, таким образом, что, чем более деятельность является экологически эффективной, тем больше благ достигается при минимальном использовании ресурсов и общем воздействии на окружающую среду. Таким образом, экологическая эффективность превратилась из негативной эвристики, наносящей ущерб конкурентоспособности, в позитивную эвристику, повышающую конкурентоспособность [7].

Современные представители шумпетерианского направления рассматривают различные

варианты перехода рынков к экологически-ответственному ведению бизнеса. А. Липиета и А. Малавски [8] разрабатывают математическую модель, которая показывает, что рынок достаточно легко адаптируется к введению экологических механизмов – изменений структуры рынка, приводящих к улучшению состояния окружающей среды. Они доказывают, что внедрение подобных механизмов как минимум не ухудшает положения экономических агентов. Дж. Мэтьюз [9] связывает экологизацию экономики с развитием умных цифровых платформ, объединяющих фирмы, преследующих цель сделать свое производство более экологически эффективным и применяющих для этого современные технологии, включая применение искусственного интеллекта. В то же время Дж. Чен и др. рассматривают экологизацию экономики через систему гражданских инноваций, когда нововведения, в том числе «зеленые», идут не со стороны производителя, а вводятся отдельными индивидами и распространяются через коллаборативное взаимодействие между экономическими агентами [10]. В работе Х. Ариси и М. Уйсала [11] анализируются подходы к оценке влияния лидерства на развитие зеленых инноваций и зеленой креативности. Авторы отмечают, что организации смещаются к зеленым технологиям в случае эффективного лидерства, причем отмечают повышенный интерес азиатских исследователей к данной проблематике. Примечательной является статья Е. Фурбон и др. [12], которая на примере Южной Кореи показывает, что правительства могут играть сдерживающую роль в переходе к зеленой экономике.

Шумпетерианский подход отличается ведущей ролью предпринимательской инновационной активности в достижениях цели устойчивого развития. Соответственно, рекомендацией шумпетерианцев относительно целей устойчивого развития является предоставление корпорациям возможностей и ресурсов для ведения социальной предпринимательской активности. Однако подобная идеализация предпринимательства является и слабым местом данного направления: любая инновация будет воспринята фирмой только в случае ее прибыльности в краткосрочном периоде, будь то финансовая, репутационная прибыль, повышение производительности и т.п. Необходимые обществу изменения не будут поддержаны фирмой, если они означают для нее какой-либо убыток.

Необходимо также отметить, что ряд предпринимательских инициатив, изначально понимаемых как социальное предпринимательство, могут усиливать социальные проблемы. Так микрокредитование, с одной стороны, считается прорывом в социальном предпринимательстве и, теоретически, нацелено на снижение бедности, повышение предпринимательской инициативы у малообеспеченных слоев населения [13]. Это также отмечено тем, что 2005 г. был объявлен ООН годом микрокредита. В 2006 г. Нобелевскую премию мира получил энтузиаст микрокредитования М. Юнус. Тем не менее, эмпирические исследования [14, 15] показывают, что фактически микрофинансовые организации не затрагивают действительно беднейшие и дискриминируемые слои населения. Хотя при пользовании микрокредитом увеличивается потребление домохозяйств, их располагаемые доходы и предпринимательская активность при этом падают, т.е. использование микрокредитов может не снижать, а даже увеличивать бедность населения. Необходимо крайне осторожно относиться к возможности достижения целей устойчивого развития через предпринимательскую инициативу без эмпирического анализа деятельности предпринимателей и государственного контроля, направляющего социальную и экологическую деятельность бизнеса.

Неоклассическая концепция

Неоклассическое направление формирует мейнстрим современной экономической теории, являясь прямым наследником классической политической экономии Адама Смита и Давида Рикардо. В связи с этим неоклассическая концепция во многом переняла классический научный аппарат, в частности:

- понимание человека как “*homo economicus*” – центрального участника экономических отношений, действующего абсолютно рационально (и имеющего полную информацию о рынках) для

достижения максимального удовлетворения своих потребностей.

- концепция совершенной конкуренции как идеала рынка, в котором наиболее эффективно действуют экономические силы и отсутствуют искажающие факторы.

В основу инструментария неоклассической школы вошли концепции взаимозаменяемости факторов производства (первоначально рассматривалась концепция взаимозаменяемости труда и капитала. Впоследствии, как это будет указано ниже, принцип взаимозаменяемости распространился на природные ресурсы). Рыночная стоимость факторов производства приравнивалась к предельной полезности данных факторов.

Соответственно, задачей распределения ресурсов становится выбор их оптимального сочетания в зависимости от предельной производительности ресурсов для достижения поставленной цели: максимизации выпуска либо максимизации потребления.

Неоклассическая школа достаточно широко использует математический аппарат и приемы экономико-математического моделирования. Однако, модели во многом иллюстрируют «идеальные» условия, абстрагируясь от ряда моментов, имеющих место в реальной экономике, в частности ограниченной рациональности, неполной информации о рынках, невозможности полной взаимозаменяемости ресурсов и т.д.

Относительно целей устойчивого развития, неоклассическая школа прежде всего анализирует вопросы устойчивого экономического роста. При этом уже изначально в моделях экономического роста предполагается, что экономика находится в состоянии полной занятости (что делается для упрощения модели). Также необходимо отметить, что для анализа школа использует преимущественно концепцию слабой устойчивости. Слабая устойчивость предполагает, что факторы производства взаимозаменяемы и природный капитал может быть заменен физическим и человеческим. При этом нет существенных различий между видами благосостояния, которые они создают. В то же время концепция сильной устойчивости отвергает взаимозаменяемость ресурсов и считает их взаимодополняемыми компонентами производственного процесса [16, 17]. Таки образом, в моделях экономического роста ставится задача моделирования экономического развития в условиях:

- замены природного ресурса финансовым капиталом и/или человеческим капиталом;
- достижения устойчивых темпов экономического роста при оптимизированном постоянном (не увеличивающемся) потреблении.

Неоклассическая концепция первоначально была основана на концепции слабой устойчивости достижении равновесия в условиях полной занятости. Наиболее известной моделью неоклассического подхода к устойчивому развитию является модель Солоу-Хартвика (Solow-Hartwick), комбинирующая классическую модель экономического роста Солоу-Свона с правилом Хартвика. Согласно данной теории, если экономическая рента от добычи сырья полностью тратится на накопление капитала, то уровень потребления в экономике будет постоянным, при условии, что производственная функция характеризуется постоянной отдачей от масштаба и отсутствует технический прогресс [18]. Все факторы производства в модели Солоу-Хартвика демонстрируют замедление темпов роста производительности ресурсов по мере приближения к полной занятости, что, в конце концов приводит к возникновению устойчивого равновесия.

Второй аспект неоклассического направления – это подход к проблеме устойчивого развития с позиции сохранения экосистем. Проблемы окружающей среды рассматриваются неоклассиками как «провалы рынка» т.е. ситуации, когда рынки не могут достичь оптимального результата. Неоклассический подход рассматривает эти провалы как результат того, что экологические товары не имеют рыночной оценки. Первые попытки, связанные с оценкой ценообразования на невосполняемый ресурс связаны с работой Х. Хотеллинга 1931 г. Правило Хотеллинга устанавливает, что, для того чтобы добыча невозобновляемого ресурса оставалась оптимальной, нетто-цена (рыночная цена за минусом затрат на добычу) единицы природного исчерпаемого ресурса, должна со временем расти

темпом, равным ставке процента [19]. Однако данная теория преследовала установление равновесия и не решала проблемы исчерпаемости ресурсов. В настоящее время неоклассическая школа поднимает проблему оценивания этих затрат через выявления «рыночной стоимости» или «теневого цены» различных видов экологических издержек и выгод. Ценность окружающей среды определяется поведением потребителей на рынках. Когда затраты выявлены, неоклассическая концепция заключается в том, чтобы вернуть рыночную оценку данных затрат (интернализировать их) через повышение цен на вредные виды деятельности с помощью налогов, сборов, торговых разрешений и т.д. Необходимость платить более высокие цены или налоги меняет поведение рыночных агентов и они уменьшат наносимый окружающей среде ущерб. Таким образом, общая сумма экологического ущерба снижается до уровня, на котором предельные издержки на использование невозобновляемых ресурсов равны предельным выгодам от их использования. Более того, такое равновесие будет достигнуто с наименьшими возможными издержками для общества: в отличие от использования «нерыночных» инструментов регулирования, негибкость которых приводит к гораздо более высоким затратам [20]. Практическим применением неоклассической зеленой политики можно считать создание карбоновых рынков, как это показывает Н. Магалхаес [21].

С точки зрения неоклассической теории, применение мер экологической политики приводит к возрастанию издержек и снижению прибыли, как утверждают Р. К. Брахмана и М. Контеса [22]. Соответственно для применения экологической политики необходимо стимулирование привлечения дополнительных инвестиций. Е. Дзиворк и Дж. Ягер [23] приводят такие механизмы поддержки частных инвесторов как государственно-частное партнерство и схемы государственных гарантий по зеленым кредитам. Также они описывают применение количественного смягчения, снижения требований к минимальному количеству капитала для «зеленых» кредитов, использование цифровых валют для таргетирования частных зеленых инвестиций. П. М. Фальконе [24] отмечает, что фирмы, через применение зеленого инвестирования могут улучшить свою прибыль через получение доступа на «зеленые» рынки и получение благоприятной «экологической» репутации.

Рекомендации по экономической политике, даваемые представителями неоклассической школы для достижения целей устойчивого развития, нацелены на обеспечении действий рыночного механизма при минимизации роли государственного вмешательства и включают:

1) Улучшение бизнес-среды. Необходимо формирование ряда институтов по защите прав интеллектуальной собственности, развитие профессиональных финансовых институтов, сокращающих асимметричность информации и повышение прозрачности на рынке.

2) Содействие мобильности ресурсов и перетеканию знаний. Имобильность ресурсов нарушает действие рыночного механизма и принцип полноты информации. Соответственно, устранение асимметрии информации и свобода перемещения ресурсов будет содействовать распространению результатов исследований.

3) Поддержку инфраструктурных технологий.

4) Интернализацию внешних издержек через применение налогов и субсидий, тарифов на импорт, чтобы изменять цены для достижения оптимального распределения издержек.

5) Поддержку государственного образования и фундаментальных исследований [25].

Неоклассическая концепция является привлекательной за счет мощной теоретической базы и убедительного математического моделирования. В то же время неоклассические модели излишне идеализированы. Подразумевается, что экономика находится в условиях совершенной конкуренции, полной занятости, ресурсы используются эффективно. Неоклассики рассматривают процессы оптимизации используемых ресурсов, потребления, выпуска, проблему размещения ресурсов, игнорируя вопросы распределения результатов производства среди субъектов экономических отношений, особенности экономического развития стран, степени монополизированности их экономик. Сама концепция слабой устойчивости во многом поощряет развитие ресурсозависимых

экономик, несмотря на то, что в модели подразумевается, что вся рента будет направляться на рост инвестиций в капитал.

В условиях невмешательства государства, как это предусмотрено в неоклассической модели, инвестиции направляются в отрасли с наибольшей вероятности получения прибыли, что в экономиках богатых ресурсами, означает, что инвестиции направляются на развитие капитала ресурсодобывающих отраслей. Такое положение дел может привести к вытеснению и, даже отмиранию отраслей перерабатывающей промышленности, сферы услуг, не востребованных ресурсодобывающими производствами.

Подобное состояние экономики, получившее название «голландская болезнь», во многом подрывает перспективы страны не только в плане экологической устойчивости, но и сокращают возможности технологического и экономического развития этой страны в дальнейшем, предоставляя пальму первенства технологическом развитии другим странам. Кроме того, в открытой экономической системе принцип свободной торговли вступает в противоречие с целями устойчивого развития. [26]. Таким образом, влияние неоклассической школы на цели устойчивого развития крайне неоднозначно: с одной стороны, несомненным достижением этой школы, используемым на практике, является механизм рыночной интернализации экологических издержек через систему налогов и сборов. С другой стороны, практическое применение принципов либерализации экономики и снижения государственного вмешательства уводит экономическое развитие от реального достижения целей устойчивости.

Экологическое направление в институциональной школе.

Институционализм, по сути, не рассматривает непосредственно цели устойчивого развития (хотя в цели устойчивого развития уже включено качество институтов как таковое, а также именно институты крайне важны для обеспечения партнерства в плане достижения целей устойчивого развития как на международном, так и на региональном уровнях). В сферу внимания данной школы попадает влияние институтов на экономические изменения, происходящие в попытке подстройки экономических систем для достижения данных целей, а также дизайна самих институтов, позволяющих осуществить данный переход.

Представители институционального направления наряду с понятием промышленного, человеческого и природного капитала используют такой термин как институциональный капитал, представляющий собой способы и структуру институционального управления, позволяющие снизить неопределенность и стимулировать процессы адаптации к изменениям [27]. Система институционального управления определяется как совокупность государственных и частных организаций и институциональных механизмов, посредством которых достигаются экономические и социальные результаты [28].

Исходя из работы Платье [29], в которой представлено 8 сценариев взаимодействия формальных и неформальных институтов относительно достижения устойчивого развития, неформальные институты имеют для достижения целей устойчивого развития даже большее значение, нежели формальные.

Институционализация какой-либо идеи начинается с осознанного признания существования данной идеи в повседневной жизни общества. Чем сильнее связь между концепцией «устойчивости» и основной повседневной деятельностью организаций, тем более признанной, широко распространенной и легитимной становится эта концепция среди них. Таким образом, чем более типичным и рационализированным становится понятие «устойчивость», тем выше вероятность того, что некоторые из его компонентов будут приняты и узаконены действиями в обществе, включая бизнес-организации [30].

С точки зрения институционального подхода рекомендации по проведению экономической

политики в плане достижения целей устойчивого развития принимают форму развития механизмов и стратегий институционального дизайна.

Е. Александр [31] выделяет три уровня, институционального дизайна:

- на самом высоком «уровне» институциональный дизайн применяется ко всему обществу или затрагивает важные макросоциальные процессы и институты. Это институционализация социальных норм в новых формах права;

- на среднем уровне происходит институциональное проектирование структур и процессов: создание или использование межорганизационных сетей, создание новых организаций или преобразование существующих, а также разработку и внедрение стимулов и ограничений в виде законов, нормативных актов и ресурсов для разработки и реализации политики и т.д.;

- на низком уровне институциональный дизайн включает внутриорганизационный дизайн: касающийся создания и взаимодействия организационных подразделений, формальных и неформальных групп.

Таким образом, дизайн институтов для устойчивого развития должен охватывать институты основополагающего государственного преследования целей устойчивого развития, включения их в государственные стратегии развития (верхний уровень), реформу законодательства, обеспечивающего реализацию целей устойчивого развития (средний уровень), институты применения практик по достижению устойчивого развития (нижний уровень).

Относительно высших уровней институционального дизайна выделяются следующие компоненты:

- создание на государственном уровне центров по управлению устойчивым развитием;
- горизонтальная интеграция и координация министерств и ведомств для достижения баланса и соблюдения взаимозависимости между социальными, экономическими и экологическими аспектами целей устойчивого развития;

- вертикальная интеграция и координация между уровнями государственной власти, включение региональных и местных органов власти в разработку и реализацию программ для достижения устойчивого развития. При разработке данных институтов особое внимание обращается на риск уклонения региональных правительств от реализации целей устойчивого развития или размывания целей устойчивого развития на региональном уровне, что потребует дополнительных усилий по мониторингу и координации;

- социальная интеграция – необходимость реализации целей устойчивого развития с максимально широким участием общества. При дизайне таких институтов необходимо обратить внимание на потенциальные негативные побочные эффекты, возникающие при участии частного сектора, стремящегося к максимизации полезности и прибыли в краткосрочном периоде [32].

Таким образом, институциональное направление играет особую роль в развитии устойчивости. Эффективное достижение любой из целей устойчивого развития, от ликвидации голода до международного партнерства невозможно без изменения институтов, причем не только законодательства, но также норм, обычаев и традиций каждого отдельного общества. Институциональный вклад в теорию устойчивого развития экономики показывает неэффективность формирования политики устойчивого развития исключительно насаждением «сверху вниз» через принятие норм и законов. Приверженность целям устойчивого развития должна зародиться в головах всех стейкхолдеров. Не только государства, но и бизнеса и, прежде всего, населения. Соответственно задача государства:

- 1 – создать те институциональные рамки, которые позволят населению осознать необходимость целей устойчивого развития и предпринимать усилия по организации своей жизнедеятельности в гармонии с данными целями,

- 2 – стимулировать экономических агентов к разработке и внедрению экологических инноваций,

достижению социального, экономического, гендерного равенства, партнерства и др.

Сильные государственные институты, как показывают Л. Алдиери и др. [33], способствуют не только росту применения зеленых технологий, но также и их позитивному влиянию на экономику через создание новых рабочих мест, в то время как в странах со слабыми институтами внедрение экологичных производств может приводить к сокращению компаниями рабочей силы. Важность институциональной составляющей имеет место не только на уровне государства, но также на уровне фирм, включающих как коммерческие, так и некоммерческие организации, а также отдельных индивидов. Набирает известность концепция Корпоративной социальной ответственности (Corporate social responsibility, SCR) которая иллюстрирует эволюцию институтов ведения бизнеса. Ф. Форкадел и Е. Ансил [34] отмечают важную роль развития корпоративной ответственности транснациональных корпораций в развивающихся странах как института, помогающего достижению Целей устойчивого развития, выдвинутых Генеральной Ассамблеей ООН в качестве плана по преодолению глобальных проблем современного мирового сообщества. К. Брандтнер и Д. Суарез [35] отмечают существенную роль некоммерческих организаций в достижении целей устойчивости на примере американских городов. К. Йе и др. [36] демонстрируют влияние на достижение устойчивости внутреннего удовлетворения индивидов от экологически и социально ориентированного поведения. Согласно результатам исследования, подобное удовлетворение воздействует на формирование среди предпринимателей экологических инноваций гораздо больше, чем альтруизм или даже институты регулирования и нормы.

Тем не менее не все институциональные изменения, направленные на достижение устойчивого развития, происходят гладко: невозможно напрямую импортировать успешные институты, не учитывая региональных и национальных особенностей, что сказывается на качестве институциональных реформ. П. Кивимаа и др. [37] выделяют следующие виды дестабилизационных факторов, влияющих на институты достижения устойчивости: несовпадение формальных институтов, политики и регулирования институциональных изменений; дестабилизирующие отношения акторов, сетевого взаимодействия, а также проблемы институтов собственности.

Институциональное направление не предлагает конкретных рецептов дизайна институтов ввиду сильной дифференциации различных стран в социо-экономическом, культурном, религиозном и др. аспектах. Но оно предлагает рамки, благодаря которым власти могут разрабатывать и внедрять институты с учетом своей национальной специфики. В связи с этим, вклад институционального направления в теорию устойчивого развития следует принять как наиболее комплексный.

Общие выводы и заключение

Исходя из результатов исследования подходов различных школ экономической мысли к достижению целей устойчивого развития, охват данных целей в зависимости от конкретной школы весьма различен и, во многом, соответствует основной парадигме той или иной школы.

Представители рыночного подхода, куда вошли последователи Й. Шумпетера, представители неоклассической и институциональной школ придерживаются мнения, что рыночный механизм, при создании соответствующих институциональных условия и минимизации роли государства справится с проблемами устойчивого развития самостоятельно. Специфика охвата и рецепты достижения целей устойчивого развития, в зависимости от подхода, представлены на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, шумпетерианская школа пытается охватить все 17 целей устойчивого развития, однако подходит к их достижению достаточно прямолинейно, абсолютизируя роль предпринимательства и рынка в их достижении. Подход неоклассической школы более избирателен и касается прежде всего достижения устойчивого экономического роста, к которому, как ответ на современные экологические проблемы добавляется сохранение экосистем, что объединяет цели устойчивого развития относительно сохранения экосистемы суши, океана, а также климатические проблемы. Достижение данных целей также отдается на откуп рыночным отношениям, где

государству отводится прежде всего роль института поддержки бизнес-среды. Однако, в свете экологических проблем поощряется разработка и применение государственного вмешательства для решения экологических проблем в регулировании цен на неэкологичные виды деятельности через систему квот, налогов и сборов. Основной упор в обеих школах делается на то, что будущие технологии, как производственные, так и управленческие, под влиянием рынка в состоянии решить проблемы устойчивого развития, что делает подход данных школ излишне оптимистическим.

Рисунок 1 – Охват целей устойчивого развития и основные рецепты их достижения в рамках сторонников рыночного подхода

Источник: составлено автором

Несколько особняком в плане достижения целей устойчивого развития стоят представители институционального направления: несмотря на то, что они рассматривают прежде всего институты необходимые для устойчивого развития и их эффективность, именно качество институтов во многом обеспечивает успешность экономических преобразований и таким образом косвенно влияет на все остальные цели устойчивого развития. К рецептам институционалистов относятся рекомендации по дизайну формальных и неформальных институтов, развитие государственных центров управления устойчивым развитием, повышения взаимодействия между органами государственной власти.

По нашему мнению, следует крайне осторожно относиться к имплементации рыночных концепций в условиях современных экономических реалий. Очевидно, что необходим качественно новый дизайн институтов, который бы позволял закрепить цели устойчивого развития и ответственное поведение экономических агентов относительно сохранения окружающей среды. Однако абсолютизация рыночного механизма может принести обратный эффект: в первую очередь необходимо избегать технологического оптимизма, поскольку ресурсы в реальной экономике конечны и их исчерпание может привести к серьезным экономическим и экологическим потрясениям. Во-вторых, абсолютизация роли предпринимателя, как носителя идеи устойчивого развития на сегодняшний день не приведет к решению стоящих перед обществом проблем. В современных реалиях даже изначально привлекательная для достижения устойчивости инициатива при ориентации на получение прибыли может привести не к снижению напряженности, а к усугублению проблем. Так налоги на выбросы парниковых газов могут усугубить неравенство между странами, учитывая, что

развитые страны уже вывели большую часть «грязного» производства в страны с более дешевыми ресурсами и рабочей силой. Таким образом, взимание налогов приведет к повышению издержек и цен на продукцию прежде всего в развивающихся странах, что, в сочетании с развивающимся «ресурсным проклятием» таких стран, гораздо более медленным развитием цифровых и инновационных производств, сферы услуг, приведет к дальнейшей дивергенции экономического развития стран. В связи с этим, развивающимся странам необходимо обратить внимание на недопущение ослабления роли государства в процессах экономического и, тем более, экологического регулирования. Рынок не в состоянии оперативно решать проблемы общества и страны, «оптимизировавшие» здравоохранение, оказались более уязвимыми перед пандемией по сравнению со странами, сохранившими элементы плановой экономики. Поэтому крайне важно определить роль и функции, как государства, так и международных организаций, параметры и условия их сотрудничества в решении проблем устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Phillimore J. Schumpeter, Schumacher and the greening of technology // *Technology Analysis & Strategic Management*. – 2001. – Vol. 13. – №. 1. – P. 23-37. <https://doi.org/10.1080/09537320120040428>
2. Hanusch H., Pyka A. Principles of neo-Schumpeterian economics // *Cambridge Journal of Economics*. – 2007. – Vol. 31. – №. 2. – P. 275-289. <https://doi.org/10.1093/cje/bel018>
3. Dees G. The Meaning of “Social Entrepreneurship” [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocial Entrepreneurship.pdf](http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocial%20Entrepreneurship.pdf) (дата обращения: 28.05.2021).
4. Rahdari A., Sepasi S., Moradi M. Achieving sustainability through Schumpeterian social entrepreneurship: The role of social enterprises // *Journal of Cleaner Production*. – 2016. – Vol. 137. – P. 347-360. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.06.159>
5. Smith B. R., Stevens C. E. Different types of social entrepreneurship: The role of geography and embeddedness on the measurement and scaling of social value // *Entrepreneurship and Regional Development*. – 2010. – Vol. 22. – №. 6. – P. 575-598. <https://doi.org/10.1080/08985626.2010.488405>
6. Bergman M. M., Leisinger, K. M., Bergman, Z., & Berger, L. An analysis of the conceptual landscape of Corporate Responsibility in academia // *Business and Professional Ethics Journal*. – 2015. – Vol. 34. – №. 2. – P. 165-193. <https://doi.org/10.5840/bpej20157728>
7. Andersen M. M. Eco-innovation Dynamics-Creative Destruction and Creative accumulation in green Economic Evolution // *Schumpeter Conference 2010, Aalborg June 21-24*. – 2010. – P. 21-24.
8. Lipieta A., Malawski A. Eco-mechanisms within economic evolution: Schumpeterian approach // *Journal of Economic Structures*. – 2021. – Vol. 10. – №. 1. – P. 1-31. <https://doi.org/10.1186/s40008-021-00234-8>
9. Mathews J. A. Schumpeterian economic dynamics of greening: propagation of green eco-platforms // *Journal of Evolutionary Economics*. – 2020. – Vol. 30. – №. 4. – P. 929-948. <https://doi.org/10.1007/s00191-020-00669-5>
10. Chen J., Han L., Qu G. Citizen innovation: Exploring the responsibility governance and cooperative mode of a “post-schumpeter” paradigm // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2020. – T. 6. – №. 4. – P. 172. <https://doi.org/10.3390/joitmc6040172>
11. Arici H. E., Uysal M. Leadership, green innovation, and green creativity: a systematic review // *The Service Industries Journal*. – 2021. – P. 1-41. <https://doi.org/10.1080/02642069.2021.1964482>
12. Thurbon E., Kim S. Y., Mathews J. A., & Tan H. More ‘Creative’ Than ‘Destructive’? Synthesizing Schumpeterian and Developmental State Perspectives to Explain Mixed Results in Korea’s Clean Energy Shift // *The Journal of Environment & Development*. – 2021. – Vol. 30. – №. 3. – P. 265–290. <https://doi.org/10.1177/10704965211013491>
13. Palmås K. Re-assessing Schumpeterian assumptions regarding entrepreneurship and the social//

- Social Enterprise Journal. – 2012. – Vol. 8(2), P. 141–155. <https://doi.org/10.1108/17508611211252855>
14. Waelde H. Demasking the impact of microfinance. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://download.uni-mainz.de/RePEc/pdf/Discussion_Paper_1115.pdf (дата обращения: 28.05.2021).
15. Khan W., Shaorong S., Ullah I. Doing business with the poor: the rules and impact of the microfinance institutions //Economic research-Ekonomska istraživanja. – 2017. – Vol. 30. – №. 1. – P. 951-963. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2017.1314790>
16. Davies G. R. Appraising weak and strong sustainability: Searching for a middle ground //Consilience. – 2013. – №. 10. – P. 111-124.
17. Ekins P., Simon S., Deutsch L. M., Folke C., De Groot R. A framework for the practical application of the concepts of critical natural capital and strong sustainability //Ecological economics. – 2003. – Vol. 44. – №. 2-3. – P. 165-185. [https://doi.org/10.1016/S0924-6460\(02\)00111-1](https://doi.org/10.1016/S0924-6460(02)00111-1)
18. Бондаренко О. Ю., Веселов Д. А. Оптимальное накопление капитала в ресурсной экономике //Научные доклады лаборатории макроэкономического анализа ГУ ВШЭ. – М: Высшая школа экономики. – 2009. – С. 4-12.
19. Hotelling H. The economics of exhaustible resources //Journal of political Economy. – 1931. – Vol. 39. – №. 2. – P. 137-175.
20. Jacobs M. Sustainability and markets: On the neoclassical model of environmental economics // New Political Economy. – 1997. – Vol. 2. – №. 3. – P. 365-385. <https://doi.org/10.1080/13563469708406313>
21. Magalhães N. The green investment paradigm: Another headlong rush //Ecological Economics. – 2021. – Vol. 190. – P. 107209. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107209>
22. Brahmana R. K., Kontesa M. Does clean technology weaken the environmental impact on the financial performance? Insight from global oil and gas companies //Business Strategy and the Environment. – 2021. – Vol. 30. – №7. – P. 2845-3423 <https://doi.org/10.1002/bse.2810>
23. Dziwok E., Jäger J. A Classification of Different Approaches to Green Finance and Green Monetary Policy //Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – №. 21. – P. 11902. <https://doi.org/10.3390/su132111902>
24. Falcone P. M. Environmental regulation and green investments: The role of green finance // International Journal of Green Economics. – 2020. – Vol. 14. – №. 2. – P. 159-173. <http://doi.org/10.1504/IJGE.2020.109735>
25. Ghazinoory S., Narimani M., Tatina S. Neoclassical versus evolutionary economics in developing countries: convergence of policy implications Evolutionary Economics. – 2017. – Vol. 27. – №. 3. – P. 555-583. <https://doi.org/10.1007/s00191-017-0490-z>
26. Daly H. E. From Adjustment to Sustainable Development: The Obstacle of Free Trade //Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. – 1992. – Vol. 15. – №. 1. – P. 33-44.
27. Platje J. An analysis of trends and requirements for the development of sustainable agriculture in Poland //Ecological Agriculture and Rural Development in Central and Eastern Europe–NATO Science Series V: Science and Technology Policy. – 2004. – Vol. 44. – P. 15-37.
28. Griffiths A., Zammuto R. F. Institutional governance systems and variations in national competitive advantage: An integrative framework //Academy of Management Review. – 2005. – Vol. 30. – №. 4. – P. 823-842.
29. Platje J. “Institutional capital” as a factor of sustainable development-the importance of an institutional equilibrium //Technological and Economic Development of Economy. – 2008. – Vol. 14. – №. 2. – P. 144-150.
30. Jennings P. D., Zandbergen P. A. Ecologically sustainable organizations: An institutional approach //Academy of management review. – 1995. – Vol. 20. – №. 4. – P. 1015-1052. <https://doi.org/10.2307/258964>
31. Alexander E. Institutional design for sustainable development //Town Planning Review. – 2006. – Vol. 77. – №. 1. – P. 1-28.
32. Breuer A., Leininger J., Tosun J. Integrated policymaking: Choosing an institutional design for implementing the Sustainable Development Goals (SDGs). – Discussion Paper, 2019. – №. 14/2019. <https://www.econstor.eu/handle/document/112111>

doi.org/10.23661/dp14.2019

33. Aldieri, L., Barra, C., Ruggiero, N., & Vinci, C. P. Green Energies, Employment, and Institutional Quality: Some Evidence for the OECD //Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – №. 6. – P. 3252. <https://doi.org/10.3390/su13063252>

34. Forcadell F. J., Aracil E. Can multinational companies foster institutional change and sustainable development in emerging countries? A case study //Business Strategy & Development. – 2019. – Vol. 2. – №. 2. – P. 91-105. <https://doi.org/10.1002/bsd2.45>

35. Brandtner C., Suárez D. The structure of city action: Institutional embeddedness and sustainability practices in US cities //The American Review of Public Administration. – 2021. – Vol. 51. – №. 2. – P. 121-138. <https://doi.org/10.1177/0275074020930362>

36. Ye, Q., Zhou, R., Anwar, M. A., Siddiquei, A. N., & Asmi, F. Entrepreneurs and environmental sustainability in the digital era: Regional and institutional perspectives //International journal of environmental research and public health. – 2020. – Vol. 17. – №. 4. – P. 1355. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041355>

37. Kivimaa P., Laakso, S., Lonkila, A., & Kaljonen, M. Moving beyond disruptive innovation: A review of disruption in sustainability transitions //Environmental Innovation and Societal Transitions. – 2021. – Vol. 38. – P. 110-126. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2020.12.001>

The schools of economic thoughts and sustainable development problems: a free-market approach

Buchinskaia Olga Nikolaevna

candidate of economic sciences, Senior Researcher,

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: buchinskaia.on@uiec.ru

Annotation. Most of the proposals of economic changes used in modern reforms have support from theoretical recommendations, developed by the school of economic thought to which the authors of a particular development concept have adhered. A paradigm of these schools largely defines the tools used to analyse the economic reality and approaches to achieve scientific and practical objectives. The sustainable development goals established by the modern global community had led to the development of various methods of solving sustainability problems, arising from the perception of economic reality from the point of view of different economic schools. With the vast amount of diversity of approaches to economic development, the schools of economic thought can be approximately divided into schools, that believe in the dominant role of the state in solving the problems of sustainability, and the free-market proponents, who trust in the power of the market mechanism in achieving sustainable development. The purpose of this work is to study the methods of free market wing of schools of economic thought, used to analyse the sustainable development problems, the identification of general features and differences in the tools recommended achieving sustainable development goals. The study method comprises the works of J. Schumpeter followers, neoclassical school, as well as institutionalists. As a result of the analysis, we allocated the primary objectives of the economic policy for the achieving of sustainable development goals for each school; the school's toolkit was analysed. This study revealed the primary objectives of sustainable development in the scope of analysis of the studied schools of economic thoughts, demonstrated the advantages and disadvantages of approaches, showed the restrictions for the qualitative achievement of sustainable development goals by using certain economic school recipes. The results of this study can be applied to improve national and international policies to achieve sustainable development goals, developing the design of economic and legal institutions of national states, the evolution of integrated systems of environmentally friendly economic and social development of Russia, both at the national level and at the level of individual regions.

Keywords: sustainable development goals; economic growth; green economy; economic schools; economic policies; neoclassical school; institutionalism; Schumpeterians.

Механизмы ценообразования в рыночной и плановой экономиках

Беляев Лев Спиридонович

доктор технических наук, профессор,

Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения РАН, г. Иркутск, Российская Федерация.

E-mail: belyaev@isem.irk.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности формирования цен в плановой (социалистической) экономике и их отличия от рыночной (капиталистической) экономики. Показано влияние закономерности повышения розничных цен на предметы потребления и платные услуги сверх затрат труда на их производство. В рыночной экономике это повышение происходит «стихийно», причем рыночные цены повышаются и на средства производства. В плановой экономике цены необходимо устанавливать централизованно в процессе планирования производства. При этом цены на средства производства устанавливаются по себестоимости продукции, а на предметы потребления необходимо устанавливать две системы цен: 1) основные цены – по себестоимости (для плановых и других экономических расчетов), и 2) розничные, как правило, более высокие цены для продажи их населению.

Ключевые слова: Капиталистическое и социалистическое производство; рыночные, плановые и розничные цены; труд для общества.

JEL codes: P16, P19, P21, P22, P26, P27

Для цитирования: Беляев, Л.С. Механизмы ценообразования в рыночной и плановой экономиках / Л.С. Беляев. - DOI 10.52957/22213260_2022_1_42. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2021 - №1. - С.42-56. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_42

Введение

Анализ механизмов ценообразования при социализме выявил закономерность, которая ранее оставалась мало заметной, и которая по-разному проявляет себя в капиталистическом и социалистическом производствах. Кратко эту закономерность можно сформулировать следующим образом: «Превышение розничных (или рыночных) цен на предметы личного потребления и платные услуги над затратами труда на их производство». Повышение розничных цен требуется для соблюдения денежного баланса страны для обеспечения примерного равенства доходов и расходов населения.

Дело в том, что предметы личного потребления и платные услуги, на которые население расходует свои денежные доходы, создаются трудом только части общества – работниками производственной сферы и сферы платных услуг. В последнюю по опыту СССР входят жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), весь пассажирский транспорт, театры, столовые и т.п. Обеспечивают же эти предметы потребления и услуги жизнь (существование) всего общества, включая непроизводственную и социальную сферы. Общие денежные доходы населения будут включать еще заработную плату работников непроизводственной сферы (органов государственного управления, армии, милиции и др.), сферы бесплатных услуг (образование, здравоохранение и т.п.), а также социальные выплаты пенсионерам, нетрудоспособным и др. Естественно, общие затраты труда (оцениваемые зарплатой) на производство всех предметов личного потребления и платных услуг значительно меньше, чем суммарные трудовые и нетрудовые денежные доходы населения.

Речь идет об общем (суммарном) повышении розничных цен всех предметов потребления и платных услуг сверх их трудоемкости, или себестоимости. Степень повышения цен различных

(конкретных) предметов потребления и услуг может быть разной: для некоторых из них розничные цены могут устанавливаться даже ниже себестоимости или распределяться вообще бесплатно (например, лекарства). Важно, чтобы сумма розничных цен всех предметов личного потребления и услуг, предлагаемых населению, превышала общие денежные доходы населения. В противном случае (если платежеспособный спрос населения не удовлетворяется полностью) будут возникать дефицит предметов потребления (и услуг) и недовольство населения.

Рассматриваемая закономерность начинает действовать при капитализме, когда товарное производство приобретает всеобщий характер, а денежные балансы должны соблюдаться для страны в целом. При социализме она продолжает действовать, наиболее ярким ее проявлением был «налог с оборота» на предметы потребления, введенный в СССР в начале 1930-х гг.

Условия возникновения закономерности повышения розничных цен

Уже давно, со времен распада первобытно-общинного строя человек начал производить больше, чем минимально необходимо для существования его и его семьи. Появились классы эксплуататоров, начали развиваться науки и искусство. Затем появились товарное производство, деньги, торговля и др. При капитализме производство приобрело общественный характер в рамках всей страны или даже группы стран. Все больше расширялась непроизводственная сфера, работники которой получают зарплату, и куда направляется также часть продукции производственной сферы (механизмы, оборудование, вооружение). Ориентировочно, рассматриваемая закономерность начала проявлять себя в 19-м веке в передовых капиталистических странах с развитым товарным производством и денежным обращением. Поясним ее при несколько упрощенном (укрупненном) представлении экономики.

Рассмотрим сферы экономики (и общества), где совершается товарно-денежное обращение, оставив «в стороне» натуральное хозяйство крестьян и ремесленников, производящих продукцию только для собственного потребления. Выделим четыре таких сферы:

- 1) подразделение группы «А» производственной сферы по производству средств производства; 2) подразделение группы «Б» производственной сферы по производству предметов личного потребления;
- 3) сфера платных услуг населению;
- 4) непроизводственная сфера.

В каждой из этих сфер и подразделений за определенный период времени, например год, будут потребляться (расходоваться) средства производства, представляющие овеществленный труд, общей стоимостью C , а также выплачиваться заработная плата (оплачиваться живой труд) общей суммой V . Следовательно полные издержки производства (L) будут равны $L=C+V$. Применительно к сфере платных услуг это будут фактически «издержки предоставления услуг», а к непроизводственной сфере – «расходы государства» на управление, обеспечение безопасности, социальных обязательств и т.п. Заглавные буквы C , V и L с нижними индексами 1, 2, 3 и 4 мы будем применять для обозначения соответствующих величин по подразделению или сфере в целом, а без индекса – для всей страны. С учетом этого можно записать следующие уравнения для четырех подразделений и сфер:

$$C_1 + V_1 = L_1, \quad (1)$$

$$C_2 + V_2 = L_2, \quad (2)$$

$$C_3 + V_3 = L_3, \quad (3)$$

$$C_4 + V_4 = L_4. \quad (4)$$

В этих уравнениях величины V_i представляют суммарную заработную плату, выплаченную в соответствующих подразделениях или сферах за рассматриваемый период времени (год). Социальные выплаты населению (пенсии, пособия, стипендии и т.п.) будем включать в заработную плату непроизводственной сферы V_4 . Тогда сумма этих четырех величин будет представлять общий годовой денежный доход населения:

$$V_1 + V_2 + V_3 + V_4 = V, \quad (5)$$

характеризующий платежеспособный спрос населения, который нужно обеспечить предметами личного потребления (с издержками производства L_2) и платными услугами (с издержками их предоставления L_3). Между тем, эти издержки значительно меньше годового дохода населения:

$$L_2 + L_3 < V. \quad (6)$$

В этом можно убедиться, продолжив анализ системы уравнений (1) – (4). Величины C_i в этих уравнениях представляют стоимость средств производства, израсходованных за год в соответствующих подразделениях или сферах. Эти средства производства восстанавливаются (заново производятся) в подразделении группы «А» (см. уравнение (1)). Кроме того, в этом подразделении в текущем году создаются средства производства стоимостью ΔC для расширения (роста) всех сфер экономики в следующем году. Поэтому, система уравнений (1)-(4) должна удовлетворить условию:

$$L_1 = \sum C_i + \Delta C. \quad (7)$$

или, учитывая, что C_1 восстанавливается в самом подразделении «А»:

$$V_1 = \sum C_i + \Delta C. \quad (7a)$$

Следовательно, зарплата V_1 в подразделении «А» будет превышать расходы средств производства C_2 и C_3 на величину $(C_4 + \Delta C)$, а денежный доход населения (5) включать еще V_4 (кроме V_1 , V_2 и V_3). Учитывая, что $C_4 + V_4 = L_4$, превышение денежных доходов населения страны V над издержками производства предметов личного потребления L_2 и предоставления услуг L_3 (обозначим это превышение буквой M) можно выразить для принятого укрупненного представления экономики следующим образом:

$$(V_1 + V_2 + V_3 + V_4) - (L_2 + L_3) = M = L_4 + \Delta C. \quad (8)$$

Как видно из этого уравнения, общие денежные доходы населения превышают суммарные издержки производства предметов личного потребления и предоставления платных услуг на величину M , равную сумме «расходов государства» по содержанию непромышленной сферы L_4 и накопления средств производства ΔC для расширения всех сфер экономики и общества в следующем цикле производства (году). Для обеспечения баланса денежных доходов и расходов населения страны розничные цены на предметы личного потребления и тарифы на платные услуги должны быть суммарно (на все предметы потребления и услуги по всей стране) повышены на эту величину M сверх издержек их производства (или предоставления).

Такое повышение требуется как в капиталистическом производстве, так и в социалистическом. В капиталистическом производстве это повышение будет происходить стихийно (и «автоматически») на рынках всех товаров под влиянием соотношения спроса и предложения, а в социалистическом производстве повышенные розничные цены и тарифы должны устанавливаться централизованно («в плановом порядке») путем расчетов по специальным методикам. Механизмы стихийного и «планового» повышения розничных цен и тарифов будут в дальнейшем рассмотрены подробнее. Пока отметим только, что это повышение необходимо при любых физических объемах производства предметов личного потребления и предоставления платных услуг. При больших физических объемах требуемое суммарное повышение розничных цен M распределится на большее число предметов потребления и услуг, и уровень повышения будет меньше. При небольших физических объемах, наоборот, уровень повышения цен будет выше.

Для величины M трудно подобрать единый термин, подходящий и для капиталистического, и для социалистического производства. Как будет показано ниже, в капиталистическом производстве превышение розничных цен над издержками производства имеет сходство с «прибавочной стоимостью» товаров (и прибылью частных собственников), а в социалистическом – с «налогом с оборота» на предметы личного потребления (введенного в СССР в начале 1930-х годов). И в том, и в другом случаях это повышение вызвано необходимостью поддержания денежного баланса в стране.

Временно (в рамках данной статьи) мы будем называть величину M , а также повышение розничных цен на отдельные предметы потребления и услуги «балансо-обусловленным повышением». В дальнейшем этот термин можно уточнить.

Балансо-обусловленное повышение цен в капиталистическом производстве

В рыночной капиталистической экономике балансо-обусловленное повышение цен всех товаров сверх издержек их производства происходит постепенно, можно сказать «естественно», по мере развития и расширения товарного производства. У отдельных (конкретных) товаров такое повышение может быть большим или меньшим в зависимости от соотношения спроса и предложения. Фактически оно представляет собой прибыль собственника средств и продукции производства, размеры которой регулируют объемы производства.

Для рыночной цены товара можно записать следующее выражение:

$$c = c + v + \mu, \quad (9)$$

где c – стоимость (в рыночных ценах) израсходованных материалов, энергии и других средств производства; v – выплаченная зарплата; μ – балансо-обусловленное повышение цены.

Это выражение совпадает по своей структуре и во многом по смыслу с широко известной формулой стоимости товара, открытой К.Марксом:

$$p = c + v + m, \quad (10)$$

где c и v – то же, что и в выражении (9), а m – прибавочная (неоплаченная) стоимость товара.

Здесь предполагается, что труд наемного работника создает новую стоимость ($v+m$), а зарплата v соответствует стоимости его рабочей силы, т.е. наемный работник продает владельцу средств производства свою рабочую силу, которая, как правило, может создать новую стоимость, превышающую стоимость рабочей силы. Это простое и логичное предположение положено в основу теории прибавочной стоимости, подробно разработанной К.Марксом (и Ф.Энгельсом), которая раскрывает механизмы роста капитала за счет эксплуатации наемных работников, формирования цен и другие особенности капиталистического производства [1-3].

Стоимость товара (10) интерпретируется, в соответствии с трудовой концепцией стоимости, как «общественно необходимые затраты труда на производство товара». Ее невозможно определить расчетным путем, она выявляется лишь в процессе практической торговли на рынках. Сформировавшиеся рыночные цены и будут отражать стоимость товаров. То же самое можно сказать о рыночной цене (9) – ее невозможно определить расчетным путем, ввиду зависимости величины μ от очень многих факторов. Рассмотрим их вкратце.

Главное, что определяет, в конечном итоге, балансо-обусловленное повышение цен отдельных товаров μ , несмотря на изменения других факторов, – это состояние денежного баланса страны, характеризуемого уравнением (8) и, конкретно, величиной M – необходимым повышением цен всех предметов личного потребления и тарифов на платные услуги над издержками их производства или предоставления. От величины M будет зависеть общий уровень повышения всех розничных цен и тарифов. Если величину M для страны в целом еще можно, по-видимому, оценить хотя бы приближенно, то ее распределение по отдельным предметам потребления и услугам определить явно не удастся из-за огромного числа предметов потребления и услуг и влияния других факторов.

Вторым важным фактором или обстоятельством является стремление всех частных собственников к получению максимальной прибыли. Этот закон (и цель) капиталистического производства приводит к «переливу» капитала из отрасли в отрасль и к выравниванию нормы прибыли. Вследствие этого, балансо-обусловленное повышение цен происходит не только на предметы личного потребления, которые производятся в подразделении группы «Б», но и на средства производства, изготавливаемые в группе «А». Таким образом, хотя для поддержания денежного баланса страны требуется повышение цен на предметы личного потребления и платные услуги, реально цены

повышаются и на средства производства. Издержки производства предметов потребления (и услуг) при этом увеличиваются, а прибыль от их продажи уменьшается, т.е. часть прибыли «передается» из подразделения «Б» в подразделение «А».

Еще одним фактором, влияющим на повышение розничных цен, очевидно, будут «государственные расходы» по содержанию непроизводственной сферы L_4 в уравнении (8). От абсолютного значения L_4 , входящего в M , зависит общий уровень повышения цен. На благосостояние различных слоев населения будет оказывать влияние система налогообложения по наполнению государственного бюджета для финансирования непроизводственной сферы. Наиболее справедливым следует считать прогрессивный налог на доходы физических лиц, при котором значительная часть прибыли M , образующейся у частных собственников вследствие балансо-обусловленного повышения цен, поступает в бюджет государства. «Плоская» шкала налогов (например 13 %, как сейчас в России) выгодна лишь частным собственникам. Данный фактор создает дополнительную неопределенность в определении розничных цен.

Укажем еще одну особенность капиталистического производства, от которой зависят состав и цены рыночной торговли, - распределение прибыли, получаемой каждым собственником, между его потреблением и накоплением (расширением производства). В условиях частной собственности развитие производства (модернизация или строительство новых мощностей) совершается за счет собственных средств владельцев фирм и компаний (включая и государственные). Эти средства отчисляются из прибыли, получаемой компанией, наряду с расходами на собственное потребление владельцев компаний (приобретение предметов потребления и оплату услуг). Для расширения производства требуется приобретать средства производства, а для собственного потребления – предметы потребления и услуги. Следовательно, от распределения прибыли (остающейся после уплаты налогов) зависят состав и количество (а также стоимость) средств производства, предметов потребления и услуг каждого частного собственника. Это также усложняет рыночную торговлю и практически исключает определение рыночных цен расчетами.

Однако, практически такая торговля осуществляется, платежеспособный спрос на все виды товаров и их цены выявляются, и денежный баланс доходов и расходов населения страны выполняется. Все это происходит в динамике, соотношения спроса и предложения различных товаров и размеры получаемой прибыли определяют направления развития производства (увеличения или снижения объемов производства конкретных товаров в следующем производственном цикле). У частных собственников и менеджеров государственных предприятий и организаций постоянно имеется неопределенность в принятии решений (иногда доводящая до кризисов).

Следует подчеркнуть, что рыночные цены товаров (9) в капиталистическом производстве являются фактически и розничными ценами. Они формируются «стихийно» (случайным образом) как на рынках средств производства, так и на рынках предметов потребления (в социалистическом производстве предметы потребления имеют две цены – «учетную» по затратам труда и розничную для продажи населению).

Особенности социалистического производства

Анализ опыта СССР выявил необходимость разделения социализма, как первой фазы коммунизма, не менее, чем на две стадии: «раннего» и «зрелого» социализма. Представления о социализме, сложившиеся в СССР в 1930-е годы, не охватывали всех условий и требований, которые классики марксизма-ленинизма предъявляли к первой фазе коммунизма, и их можно рассматривать, как «ранний» социализм. Условия же «зрелого» социализма, соответствующие первой (низшей) фазе коммунизма в представлениях классиков марксизма-ленинизма [4-7], предполагают, что:

– основные средства и продукция производства становятся собственностью всех членов общества (общенародной собственностью); частная собственность, естественно, отсутствует, а коллективная

собственность (колхозы, кооперативы) почти полностью преобразована в общенародную;

- соответственно, общество становится бесклассовым, однородным;
- в достаточной мере реализован принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», достаточной, чтобы считать, что заработная плата трудящихся является денежным эквивалентом совершённого труда с учетом его сложности (квалификации, интенсивности, тяжести, опасности и т.п.), т.е. затраты труда могут измеряться выплаченной зарплатой;
- достигнуты соответствующие уровни (высокие) развития производительных сил, образования, культуры и сознательности трудящихся;
- разработаны, законодательно закреплены и внедрены методы управления социалистическим обществом и производством, при которых реализуются власть и права трудящихся.

Эта стадия «зрелого» социализма предполагает выделение трех (а не двух) стадий (или периодов) становления и развития социализма:

- 1) переходный период от капитализма к социализму;
- 2) стадия «раннего» социализма, когда уже нет частной собственности на средства производства и эксплуататорских классов, но еще не созданы указанные условия для социалистических производственных отношений;
- 3) «зрелый» (или «полный») социализм, соответствующий первой фазе коммунизма.

В СССР переходный период от капитализма к социализму закончился в конце 1930-х гг., когда был ликвидирован последний эксплуататорский класс кулаков и проведена коллективизация сельского хозяйства. Была осуществлена также социалистическая индустриализация страны.

Необходимость выделения стадии «раннего» социализма показал печальный опыт СССР, где социализм считался построенным и провозглашалось начало перехода к коммунизму, однако произошел распад страны с возвратом к капитализму в России и почти всех бывших союзных республиках.

Подробно выделение стадии «раннего» социализма обсуждалось и обосновывалось на конференции РУСО в 2016 г. [8]. Этому вопросу посвящены доклады Братищева И.М «Обновленный социализм: основные черты, условия становления и развития в России» [8, с.19-40], Бударина В.А. «Через неонэп к обновленному социализму» [8, с.125-147] и других. Разделение социализма на стадии «полный» («зрелый») и «ранний» со ссылкой на В.И.Ленина зафиксировано в «Рекомендациях» конференции [8, с. 394-404], Указанные три периода или стадии развития социализма подробно освещены также в наших работах [9,10].

Мы не сможем в данной статье подробно рассмотреть отличия «зрелого» социализма от «раннего», имевшегося в СССР. Это сделано в указанных наших монографиях. Отметим лишь главные теоретические ошибки, допущенные в СССР, которые и способствовали возврату к капитализму. В СССР предполагалось сохранение при социализме кооперативной собственности в сельском хозяйстве. Это означало сохранение товарно-денежных отношений:

- в виде актов купли-продажи между государственными и кооперативными предприятиями с сохранением таких понятий и категорий, как «доходы», «прибыль», «прибавочная стоимость», «стоимость» и т.п.;
- на уровне хозяйственного расчета предприятий, основанного на получении максимальной прибыли.

Это привело, с одной стороны, к ошибкам в ценообразовании, а с другой стороны, - к постепенному расстройству всей экономики из-за стремления всех предприятий к завышению цен своей продукции (вместо их снижения). Между тем, при «зрелом» социализме актов купли – продажи уже не будет, а ошибочный хозрасчет предприятий, требующий максимума прибыли, будет заменен системой учета затрат труда (с требованием их минимизации), контроля за выполнением плана и качеством продукции и материального поощрения коллектива (9,10).

Возвращаясь к теме «балансо-обусловленного повышения» розничных цен на предметы личного потребления и платные услуги, укажем, что главным отличием социалистического производства от рассмотренного капиталистического будет полная оплата труда по принципу «от каждого по способностям, каждому по труду» с учетом сложности (или «качества») труда, но без какой-либо «прибавочной стоимости» или «прибавочного (неоплаченного) труда».

Для оценки труда различной сложности (и сопоставления труда разных профессий и должностей), что необходимо при социализме для создания стимулов к повышению квалификации работников и производительности их труда, приходится использовать деньги. Оценка труда только по его продолжительности при социализме недопустима, так как это приводит к «уравниловке» и утрате указанных стимулов. Поэтому при «зрелом» социализме сохраняются деньги для оценки и оплаты труда разной сложности, а также назначения розничных цен на предметы личного потребления и услуги для распределения их «по труду» (в соответствии с полученной зарплатой).

Оценка и сопоставление труда различных профессий, квалификации и должностей представляет серьезные трудности, однако опыт СССР показал, что это возможно с приемлемой точностью (достоверностью). Это дает основания полагать, что затраты труда на производство различной продукции могут измеряться выплаченной при этом зарплатой, которая становится денежным эквивалентом совершённого труда. Тем самым, можно определить «трудоемкость» производства всех видов продукции, т.е. затраты живого и овеществленного труда на производство продукта. Количественно трудоемкость (l) равна сумме заработной платы, выплаченной на последней стадии производства продукта (живой труд v), и зарплаты, выплаченной ранее при изготовлении израсходованных материалов, сырья, энергии, а также используемого оборудования и сооружений в части их амортизации (овеществленный труд c):

$$l=c+v, \quad (11)$$

Понятие или категория «трудоемкость» тождественна категории «себестоимость», применявшейся в СССР. Мы будем употреблять эти термины как синонимы (для социалистического производства). При «зрелом» социализме категория «стоимость» теряет смысл, поэтому термин «себестоимость» становится неудачным и термин «трудоемкость» предпочтителен.

По трудоемкости ($c+v$) назначаются основные «учетные» цены всех видов продукции и услуг, которые используются при планировании и других экономических расчетах, когда требуется минимизировать затраты труда. Они определяются путем тщательного учета расходуемой зарплаты и трудоемкости промежуточных продуктов (средств производства), передаваемых по «производственной цепочке» изготовления конечных продуктов.

Известный всеобщий закон экономии труда (или рабочего времени) при «зрелом» социализме проявляется (конкретизируется) в виде требования минимизировать трудоемкость производства продукции. Минимум трудоемкости является критерием оптимальности во многих плановых задачах; по себестоимости (т.е. исходя из полной оплаты труда) в СССР устанавливались в 1930-1950-е годы цены на средства производства, а экономия затрат труда (живого и овеществленного), приводящая к снижению себестоимости продукции, считалась главным показателем эффективности при хозрасчете государственных предприятий [11].

В социалистическом производстве отсутствует частная собственность и эксплуатация трудящихся, поэтому отсутствует прибавочная стоимость « m », а «балансо-обусловленное повышение» μ будет входить уже в розничную цену продукта, которая превышает «учетную» цену, равную трудоемкости производства продукта. Розничные цены предметов потребления (и тарифы на платные услуги) в социалистическом производстве будут определяться по формуле, аналогичной формуле рыночной цены (9) в капиталистическом производстве (обозначим розничную цену тоже буквой « c »):

$$c = c + v + \mu = l + \mu, \quad (9a)$$

где $(c+v)$ – трудоемкость, или себестоимость l , а «балансо-обусловленное повышение» μ должно определяться по специальным методикам.

Механизм балансо-обусловленного повышения розничных цен в социалистическом производстве

Теперь, после сделанных пояснений обратимся к интерпретации уравнений (1)-(8) применительно к социалистическому производству.

Можно сохранить разделение социалистической экономики (и общества) на четыре подразделения или сферы, указанных в начале статьи. Их состав, естественно, изменится по сравнению с капиталистическим производством, в частности, сократится сфера платных услуг и расширится непроизводственная сфера. Однако, мы не будем подробно анализировать здесь состав подразделений и сфер. Важно, чтобы соблюдались два условия (или обстоятельства). Во-первых, выплата зарплаты V_i в этих четырех подразделениях и сферах (включая социальные выплаты пенсий, пособий и т.п. в непроизводственной сфере) за определенный период времени должна составлять весь денежный доход населения страны за этот период, т.е. должно соблюдаться равенство (5). Во-вторых, продукция подразделения «Б» (предметы личного потребления) и сферы платных услуг должна охватывать все направления расходования денег населением.

Уравнения (1)-(4) характеризуют в социалистическом производстве полные затраты труда овеществленного C_i и живого V_i в соответствующих подразделениях и сферах за рассматриваемый период времени. В социалистическом производстве, как уже указывалось, затраты труда могут измеряться выплаченной зарплатой, поэтому V_i выражает одновременно и затраты живого труда, и выплаченную зарплату, а C_i – затраты овеществленного труда, измеряемые по трудоемкости, или себестоимости (в «учетных» ценах) израсходованных материалов, энергии и других средств производства. Величины L_i выражают общую трудоемкость продукции соответствующих подразделений и сфер (в «учетных» ценах). Величина ΔC представляет накопление средств производства (в «учетных» ценах) для расширения производства во всех четырех подразделениях и сферах. Все эти величины определяются при планировании производства на очередной период времени.

Необходимо сделать оговорку в отношении непроизводственной сферы, где не производятся материальные продукты, а лишь затрачиваются живой труд и средства производства для обеспечения государственных обязанностей, общественных и социальных нужд, бесплатных услуг и т.п. Непроизводственная сфера является фактически сферой общественного потребления, и величину L_4 лучше назвать просто «затратами труда», а не «трудоемкостью».

В политэкономии социализма (см., например, [11]) вводятся понятия «труд для себя» - для обеспечения личных потребностей трудящихся (и членов их семей) и «труд для общества» - для обеспечения общественных (и общегосударственных) потребностей, обязанностей или нужд вместо понятий «необходимый труд» и «прибавочный (неоплачиваемый) труд» в политэкономии капитализма. Как уже неоднократно указывалось ранее, при социализме (особенно «зрелом») труд оплачивается полностью в соответствии с принципом «каждому по труду». Прибавочный (неоплаченный) труд, создающий прибавочную стоимость товаров, присваиваемую капиталистом, при социализме просто отсутствует. Поэтому, каждый труженик в социалистическом обществе совершает два вида труда: «для себя» и «для общества». Рассмотрим, что они из себя представляют для отдельного работника и на уровне всего общества.

Для отдельного работника «труд для себя» измеряется полученной им заработной платой, которая является денежным эквивалентом совершённого труда с учетом его сложности («качества»). Иными словами, зарплата характеризует трудовой вклад каждого работника в труд всего общества.

Одновременно, по выплаченной зарплате может оцениваться трудоемкость $(c+v)$ производства всех видов продукции (и предоставления услуг), а по трудоемкости назначаться «учетные» цены продуктов.

На уровне всего общества «труд для себя» (зарботная плата) будет формировать вместе с социальными («нетрудовыми») выплатами приходную часть денежного баланса населения страны, см. уравнения (5) и (8). И, как было показано ранее, суммарный денежный доход населения V превышает трудоемкость производства (в «учетных» ценах) всех предметов личного потребления L_2 и предоставления всех платных услуг L_3 , см. неравенство (6) и уравнение (8).

Уравнение (8) можно записать по-другому:

$$\Sigma V_i = (L_2 + L_3) + (L_4 + \Delta C), \quad (12)$$

где сумма в первой скобке равна трудоемкости производства всех предметов личного потребления L_2 и предоставления всех платных услуг L_3 , т.е. выражает фактически «труд для себя» у всего общества в целом, а сумма во второй скобке – представляет затраты труда в непроизводственной сфере (или сфере общественного потребления) L_4 и накопление для расширения производства ΔC , т.е. фактически включает суммарный «труд для общества» по стране в целом.

Следовательно, в социалистическом производстве четко выделяется «труд для себя» в виде зарботной платы каждого работника и общей трудоемкости всех предметов личного потребления и платных услуг для общества в целом. А «труд для общества» по стране в целом равен рассматриваемому «балансо-обусловленному повышению» розничных цен:

$$M = L_4 + \Delta C \quad (13)$$

Это повышение складывается из повышений λ_{mi} на отдельные предметы личного потребления и услуги в формуле (9а), умноженных на объемы производства этих предметов потребления и услуг.

Отметим еще ряд моментов (положений), связанных с «балансо-обусловленным повышением» розничных цен:

1. При повышении розничных цен труд для общества совершают трудящиеся всех сфер общества. Каждый член общества получает зарплату v , равную количеству и качеству совершённого им труда, но, ввиду повышения розничных цен, на эту зарплату он может приобрести предметов потребления (и услуг), общая трудоемкость которых $l_{п.п.}$ меньше, чем совершённый труд v . Общая трудоемкость приобретенных предметов (и услуг) будет выражать его фактический «труд для себя», а разница $(v - l_{п.п.})$ будет представлять его «труд для общества» $T_{общ.}$:

$$v - l_{п.п.} = T_{общ.} \quad (14)$$

Доля труда для общества в общем труде, совершённом каждым тружеником, может быть различной. Она будет зависеть от состава приобретенных предметов (и услуг), так как степень повышения розничных цен над трудоемкостью (себестоимостью) разных предметов (и услуг) может быть различной. Однако, труд для общества (14) совершает каждый трудящийся.

Это – важное положительное качество рассматриваемого «балансо-обусловленного повышения» розничных цен, которое ставит в равные условия оценку и оплату труда всех членов социалистического общества, вне зависимости от места их работы.

2. Требуемое повышение розничных цен будет зависеть от планируемых объемов производства предметов личного потребления и услуг, так как расходы населения представляют произведение объемов закупаемых предметов или услуг на их розничные цены. Если суммарную стоимость всех предметов личного потребления (в запланированных объемах и по установленным розничным ценам) обозначить Π_2 , а всех запланированных платных услуг $-\Pi_3$, то должно удовлетворяться неравенство:

$$\Pi_2 + \Pi_3 > (V_1 + V_2 + V_3 + V_4). \quad (15)$$

Неравенство необходимо, чтобы имелся запас денежных средств у государства на случай, если не все запланированные предметы потребления (и услуги) найдут спрос у населения (и на них в

последующем придется снижать цены).

Соблюдение неравенства (15), уточняющего уравнения (8) и (12), является главной причиной «балансо-обусловленного повышения» розничных цен и главной трудностью в их централизованном установлении. Сначала должны быть запланированы объемы производства предметов личного потребления (и услуг), обеспечивающие все повышающийся жизненный уровень населения. Затем – оценены затраты труда (выплата зарплаты V_i) в четырех сферах деятельности социалистического общества. И только после этого может решаться грандиозная задача установления розничных цен и тарифов на тысячи видов предметов личного потребления и платных услуг (см. ниже).

3. При назначении розничных цен может и должна учитываться социальная значимость конкретных предметов потребления и услуг. Это позволит уменьшить материальное неравенство трудящихся, неизбежное при социализме при распределении предметов потребления «по труду», - известно, что люди обладают разными физическими и интеллектуальными способностями, имеют различный состав семьи и др. В наибольшей степени должны повышаться розничные цены на алкоголь, табачные изделия, предметы роскоши, новые дефицитные предметы и т.п. В то же время, на другие социально значимые предметы (например, лекарства, детскую одежду и школьные принадлежности) розничные цены могут назначаться ниже «учетных» цен. Затраты труда («учетные» цены) играют здесь только второстепенное значение. Главное – социальная значимость предметов потребления и услуг, и соблюдение денежного баланса (15).

Рассмотрим теперь методологию назначения розничных цен на предметы потребления и платные услуги по формуле (9а).

Исходной величиной для назначения розничной цены конкретного предмета потребления, естественно, служит его «учетная» цена – трудоемкость $(c+v)$, входящая в формулу (9а). Фактически необходимо определить третье слагаемое этой формулы – «балансо-обусловленное повышение» λ .

Во-вторых, приходится констатировать, что отсутствует какой-либо единый для всех предметов потребления алгоритм определения «налога с оборота». Для каждого отдельного предмета потребления эта наценка, в принципе, может быть любой – большей или меньшей и даже отрицательной. Каких-либо объективных (внешних, экономических, методических) ограничений на величину розничной цены отдельного предмета потребления не существует. Однако, должны выдерживаться определенные общие тенденции или требования:

– должна учитываться социальная значимость конкретных предметов потребления и услуг, о чем уже говорилось выше;

– необходимо учитывать соотношения спроса и предложения – снижать розничную цену при избытке какого-то предмета потребления, и наоборот, повышать при его дефиците.

В-третьих, розничные цены будут зависеть, как уже отмечалось, от общих объемов производства предметов потребления и предоставления услуг. Чем больше будут эти физические объемы, тем меньше потребуются увеличивать розничные цены над «учетными» ценами. Объемы производства предметов потребления (продукции предприятий группы «Б») определяются в процессе составления годовых и перспективных планов развития народного хозяйства. Это – очень важная работа, обеспечивающая фактически выполнение основного экономического закона социализма – максимально возможное удовлетворение материальных и культурных потребностей всех членов общества [7,11]. Для этого должны составляться научно обоснованные прогнозы потребностей населения в различных продуктах с учетом статистических данных о продажах (спросе населения), опросов, заказов и др. Заметим, что при разработке планов производства используются основные «учетные» цены всех предметов потребления, а розничные цены устанавливаются или уточняются позднее по плановым и фактическим объемам производства. Следовательно, величина розничных цен и возможные ошибки в их назначении не влияют непосредственно на процесс планирования и качество (оптимальность) планов.

В-четвертых, при указанной «свободе» в назначении розничных цен на отдельные предметы потребления (и услуги) необходимо, вместе с тем, выдержать общее по стране условие (15), чтобы не создавался дефицит предметов потребления. Розничные цены должны снижаться по мере роста общественной производительности труда.

Методология назначения розничных цен на предметы потребления и платные услуги будет состоять в поиске и уточнении цен конкретных предметов и услуг, удовлетворяющих отмеченным тенденциям, общим требованиям и условиям. Очевидно, что эта задача допускает множество решений (не является однозначной). Несомненно также, что с учетом большой свободы в назначении розничных цен на конкретные (отдельные) предметы потребления и услуги такие решения существуют, могут быть найдены и систематически улучшаться. Об этом свидетельствует, в частности, опыт СССР в 1930-1950-е годы, особенно систематическое снижение потребительских цен в 1947-1954 гг. [12].

Установление розничных цен и их корректировка, включая снижение, - процесс длительный и практически непрерывный. Должны учитываться спрос населения и социальная значимость конкретных предметов потребления и услуг. Естественно, в первую очередь нужно снижать цены на предметы потребления, оказавшиеся в избытке. Для дефицитных, в том числе новых предметов должны заблаговременно разрабатываться меры (планы) по увеличению их производства, т.е. снижение цен на предметы, пользующиеся спросом, должно сопровождаться увеличением объемов их производства.

Изменяя розничные цены с учетом социальной значимости конкретных предметов потребления и услуг, можно смягчать материальное неравенство трудящихся, еще неизбежное при социализме. Как уже указывалось, это неравенство обуславливается неодинаковыми физическими и интеллектуальными способностями трудящихся и различным составом их семей. Регулируя розничные цены, можно смягчать это неравенство, в дополнение к бесплатному («по потребностям») использованию фондов общественного потребления.

Заключение

1. Повышение розничных (или рыночных) цен на предметы личного потребления и платные услуги сверх затрат труда на их производство следует рассматривать как объективную экономическую закономерность, связанную с денежным обращением – необходимостью соблюдения баланса (примерного равенства) денежных доходов и расходов населения страны.

2. В рыночной капиталистической экономике рассмотренное «балансо-обусловленное повышение» цен на предметы личного потребления \backslash т.и. создает прибыль у производителя – собственника этих предметов. Под влиянием конкуренции, соотношения спроса и предложения на рынках товаров, а также тенденции к усреднению нормы прибыли в рыночной экономике:

– происходит повышение цен всех товаров (и предметов потребления, и средств производства) сверх издержек их производства;

– устанавливаются единые рыночные цены как на средства производства, так и на предметы потребления (в социалистическом производстве на предметы личного потребления необходимо устанавливать две цены);

– «автоматически» соблюдается баланс денежных доходов и расходов населения страны.

В данной статье проведен лишь предварительный анализ влияния на капиталистическое производство выявленной закономерности «балансо-обусловленного повышения» цен. Требуются дальнейшие исследования.

3. В социалистическом производстве необходимо, с одной стороны, устанавливать два вида цен: 1) основные «учетные» цены, характеризующие затраты труда, на производство всех видов продукции; 2) розничные, как правило, более высокие цены на предметы личного потребления (и платные услуги). «Учетные» цены нужны для плановых и других экономических расчетов, в которых

затраты труда должны минимизироваться. Повышение розничных цен требуется для поддержания баланса денежных доходов и расходов населения страны.

С другой стороны, эти два вида цен приходится устанавливать централизованно (в «плановом порядке») путем расчетов по соответствующим методикам. Это создает трудности, но позволяет более эффективно управлять производством и распределением продукции.

До начала 1950х гг. теория социалистического производства развивалась в СССР в правильном направлении, в частности, были введены понятия (или категории) «труд для себя» и «труд для общества» с отказом от использования понятий «прибавочный (неоплаченный) труд», «прибыль» и т.п., т.е. предполагалась полная оплата труда по социалистическому принципу «каждому по труду». Это позволило чрезвычайно быстро провести индустриализацию страны и восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны, а также создать благоприятные условия для первых послевоенных пятилеток. К сожалению, со 2-й половины 1950-х гг. начались ошибки сначала в экономической теории, а затем и в проводимых экономических реформах.

4. «Труд для себя» характеризуется (оценивается) заработной платой, предназначенной для личного потребления трудящегося (и его семьи). Оценка и сопоставление труда разных профессий, квалификации и должностей представляет значительные трудности, но, как показал опыт СССР, это осуществимо с приемлемой точностью (достоверностью).

Зарплата при социализме (при полной оплате труда), в свою очередь, характеризует затраты труда на производство различных видов продукции. Появляется возможность оценить себестоимость (или «трудоемкость») производства продукции, как сумму заработной платы, выплаченной на последней стадии производства продукта (живой труд v) и заработной платы, выплаченной раньше при производстве использованных материалов, энергии, сырья и др. (овеществленный труд c).

В масштабах всей страны труд для себя представляет суммарную трудоемкость производства всех предметов личного потребления L_2 и предоставления всех платных услуг L_3 , см. уравнения (1)-(8).

5. Труд для общества является в социалистическом производстве вторым видом труда, совершаемым каждым трудящимся. «Прибавочный (неоплаченный) труд» («труд для капиталиста») при социализме отсутствует, а планирование производства потенциально исключает ненужный труд.

В начале 1930-х гг. в СССР был установлен «налог с оборота» на предметы личного потребления, который тождественен рассмотренному в статье «балансо-обусловленному повышению» розничных цен. Это было очень мудрое и правильное решение, обеспечившее и наполнение государственного бюджета для финансирования труда для общества, и поддержание денежного баланса страны. При этом вполне логично предполагалась полная оплата труда (без какой-либо «прибавочной стоимости»).

Во 2-й половине 1950-х годов возобладали ошибочные представления в экономической теории социализма. Накопления для расширения производства ΔC , а вместе с ними и весь труд для общества стали отождествлять с «прибавочной стоимостью». Вернулись к определению цен всех продуктов производства по формуле стоимости $(c+v+m)$, где m рассматривалось как труд для общества. Ввели понятие «плановая прибыль», которая перечислялась в бюджет аналогично «налогу с оборота», в том числе и со средств производства. Научно обоснованной методики определения «плановой прибыли» для отдельных (конкретных) средств производства и предметов потребления, естественно, не существовало, и это внесло «сумбур» в ценообразование.

Эти и другие ошибки привели к искажению цен и планов, а затем постепенно к расстройству всей советской экономики, что явилось одной из причин распада СССР. Можно уверенно утверждать, что при отсутствии этих экономических причин, при развитии экономики с темпами, которые были до середины 1950-х годов, и, тем более, при снижении розничных цен на предметы потребления, происходившем в 1947-1954 гг., крушения СССР не произошло даже при наличии других причин.

Исправление этих ошибок экономического характера не представляет серьезных трудностей (фактически это возврат к тому, что было в 1930-1950-е годы в СССР). Сложнее исправить ошибки социально-политического плана, из-за которых было допущено разложение КПСС и предательство ее лидеров.

6. Кроме рассмотренных экономических причин распада СССР были еще внешние (интервенция, войны) и внутренние причины и обстоятельства идеологического и социально-политического характера. Они не рассматривались в данной статье, но им посвящено множество работ в постсоветский период, включая упоминавшиеся наши монографии. Наиболее обстоятельный анализ причин гибели СССР проведен в [13-15]. Имевшиеся ошибки и недостатки не свойственны природе (свойствам и особенностям) социализма, как первой фазы коммунизма. Они вызваны недостаточным развитием многих аспектов теории социалистического общества и его экономики. Поэтому, распад СССР не является объективно обусловленным (закономерным), его следует считать случайным и временным.

Такой вывод подтверждается также последствиями реставрации капитализма в России и других бывших соцстранах. Изменения в экономике, социальной сфере, морали и нравственности, произошедшие в России после контрреволюционного переворота, не просто отрицательны – они разрушительны, чудовищны, безнравственны. Ликвидированы более 80 тысяч промышленных предприятий, многие тысячи сел и поселков, школ, больниц, научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций. Вместо развития и роста произошел спад промышленного и сельскохозяйственного производства по сравнению с 1990-м годом. Появилась безработица, произошло обнищание большинства трудящихся и обогащение кучки нуворишей, сократилась продолжительность жизни и численность населения страны. Превышение смертности над рождаемостью за эти четверть века составило более 15 млн. человек. По интегральному показателю качества жизни Россия находится сейчас на уровне 1960 г., т.е. мы отброшены назад на полвека.

Можно констатировать, что «эксперимент» по реставрации капитализма позорно провалился. История еще раз практически подтвердила преимущества социалистического строя перед капиталистическим по результатам такого сурового для советского народа испытания. Соответственно, остаются справедливыми основные положения марксизма и историческая неизбежность возврата народов СССР на социалистический путь развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. – М.: Политиздат, 1988. – 891 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.2./ Под ред. Ф.Энгельса. – М.: Политиздат, 1988. – 654 с.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.3./ Под ред. Ф.Энгельса. – М.: Политиздат, 1989. – 508 с.
4. Маркс К. Критика Готской программы. / К.Маркс и Ф.Энгельс. Избр. произв. Т.3. – М.: Политиздат, 1985. – С. 5-28.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг /К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2-е изд-е. Т.20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 1 – 338.
6. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. ПСС. Т. 33. – М.: Политиздат, 1974. – С.1-120.
7. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Политиздат, 1952. 95 с.
8. Социализм: теория, практика, тенденции обновления в XXI веке. Монография (по материалам Международной научно-практической конференции). Под ред. И.М. Братищева. – М.: РУСО, 2016. – 560 с.
9. Беляев Л.С. Очерки политической экономии социализма. 2-е издание, переработанное. – Ир-

кутск: Сибирская книга, 2018. – 352 с.

10. Беляев Л.С. Основные положения политической экономии социализма. – Иркутск: «Сибирская книга», 2019. – 224 с.

11. Политическая экономия. Учебник. – М.: Политиздат, 1954.

12. Чистов Д. Сталинское снижение цен. – Ижевск, 2013. – 100 с.

13. Катков В.И. Спасите Россию. – М.: 2020. – 116 с.

14 Петров В.П. Социология СССР: Очерк становления и гибели Советского Союза. Сборник 2. – М.: 2007. – 159 с.

15. Чуньков Ю.И. Экономическая теория. Учебное пособие в 3 частях. Часть 3. Глобализм и социализм. – М.: ИТРК, 2013. – 688 с.

Pricing mechanisms in market and planned economies

Belyaev Lev Spiridonovich

Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Researcher,

Melentiev Institute of Energy Systems Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia.

E-mail: belyaev@isem.irk.ru

Annotation. The paper addresses specific features of price formation in a planned (socialist) economy and their distinctions from the market (capitalistic) one. The study shows the impact of regularity in the increase in retail prices of consumer goods and paid services over labor costs on their production. This increase in the market economy occurs spontaneously with the rise in market prices for the means of production as well. In a planned economy, central Bodies should establish prices during production planning. In this case, the prices of the means of production are set at the level of prime cost, while the consumer goods prices need two systems of prices: 1) basic prices, according to prime cost (for planned and other economic calculations), and 2) retail, as a rule, higher prices for selling them to population.

Keywords: capitalist and socialist production; market, planned and retail prices; labour for society, pricing

Возможности умной специализации в проведении новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России

Работа выполнена в рамках проекта «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий»

Шевченко Светлана Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация.

E-mail: svetashhev@mail.ru

Морозова Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация.

E-mail: morozovaira@list.ru

Кузьмина Екатерина Валериевна

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», г. Волгоград, Российская Федерация.

E-mail: katerina993@yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение особенностей новой индустриализации и предложение в качестве инструмента для её реализации использовать стратегию умной специализации. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания, которые позволили выявить и обосновать возможности умной специализации как инструмента новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России. В работе определены ключевые параметры новой индустриализации: развитие крупных промышленных производств, научная деятельность, кластеризация отраслей промышленности, цифровая трансформация отраслей промышленности, диверсификация отраслевой структуры промышленности, государственная поддержка, предпринимательская активность и креативность, технологические и социальные инновации. Выявлены возможности умной специализации в реализации новой индустриализации в регионе, которые включают: внедрение интеллектуальных технологий в процессы производства; технологическое развитие секторов в специализации региона; развитие предпринимательского знания для технологических траекторий; развитие эффективных коммуникаций между государством, наукой и бизнесом; формирование креативного класса для осуществления прорывных инноваций в высокотехнологичных отраслях. Использование умной специализации позволит достичь результатов экономического развития региона в направлениях: развития ресурсного потенциала; инвестиционной привлекательности в сфере исследований и разработок; продвижения инновационных продуктов и услуг на новые рынки; роста доходов от экспорта высокотехнологичной продукции; усиления региональных конкурентных преимуществ на локальном рынке и других. Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональной политики в целях научно-технологического развития территории. Вектор будущих исследований в изучении практического опыта применения умной специализации в формировании и реализации инновационных стратегий регионов России.

Ключевые слова: регион, отрасль, технологическое развитие, инновации, предпринимательская активность.

JEL codes: R58, O14, O31, O32, R58

Для цитирования: Шевченко, С.А. Возможности умной специализации в проведении новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России/ С.А.Шевченко, И.А.Морозова Е.В.Кузьмина. - Текст: электронный// Теоретическая экономика. - 2021 - №1. - С.57-69. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_57

Введение.

В условиях глобализации экономики научно-технологическое развитие отраслей народного хозяйства Российской Федерации - один из важных факторов, влияющих на трансформацию пространственной организации экономики. В современных условиях важным изменением в пространственной организации экономики Российской Федерации является концентрация научной, научно-технической и инновационной деятельности в регионах.

Косновным проблемам пространственного развития экономики Российской Федерации позиции государства относятся: высокая доля низко-технологичных производств в структуре экономики регионов, низкий уровень предпринимательской активности, неэффективное взаимодействие науки и бизнеса на региональном и муниципальном уровнях и другие [1]. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации задекларировано, что ускорение экономического роста регионов России основано на научно-технологическом и инновационном развитии территорий. В этом направлении определены ключевые задачи: развитие высокотехнологических и наукоемких отраслей производства товаров, услуг, творческих (креативных) индустрий; кооперация учреждений науки и образовательных организаций высшего образования с бизнесом; формирование инновационных научно-технологических центров.

Особенности научно-технологического развития Российской Федерации в рамках национальных приоритетов прописаны в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года. В данном документе научно-технологическое развитие Российской Федерации определяется как трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы. К приоритетам научно-технологического развития относятся направления, в рамках которых создаются и используются технологии, которые обеспечиваются различными видами ресурсов территории (кадровыми, инфраструктурными, информационными, финансовыми и другими ресурсами) [2].

К приоритетным задачам научно-технологического развития Российской Федерации относятся: технологическое обновление традиционных отраслей экономики и увеличение доли продукции новых высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте; создание условий для эффективного взаимодействия научных организаций, государства и представителей бизнеса; развитие сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе кластерных форм развития высокотехнологичного бизнеса; повышение эффективности капиталовложений в научную сферу, результативности и востребованности исследований и разработок; повышение инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок; продвижение российских технологий и инновационных продуктов на новые рынки, рост доходов от экспорта высокотехнологичной продукции.

Решение задач выше перечисленных Стратегий требует выявление эффективных инструментов для реализации процессов новой индустриализации в регионах России.

Основой для данного исследования послужили результаты научных работ зарубежных и отечественных авторов. Вопросы теории новой индустриализации рассмотрены в работах Гордеева В.А. [3], Сабитовой Н. М. [4], Ленчук Е.Б. [5], Шевченко С.А. и др. [6], Силина Я.П. [7] и др. Вопросы влияния инновационной деятельности региона на успешное проведение новой индустриализации, особенности её потенциала исследованы в работах Акимовой О.Е. и др. [8], Илларионовой Е.А. [9], Татаркина А.И. [10] и др. Стратегия умной специализации, её характерные признаки исследованы в работах Balland P.A. [11], Шевченко С.А. и др. [12]. Вопросы взаимосвязи умной специализации с инновационной деятельностью и технологическим развитием региона отражены в работах Benner M. [13], Antonioli D. [14] и др., Kaivo-oja J. и др. [15], Артюховой И.В. [16], Жексин Я.и др. [17], Киреевой А.А. [18] и др.

Однако анализ работ зарубежных и отечественных авторов показал, что ряд научных аспектов

в реализации новой индустриализации в регионе изучен недостаточно. Не представлены в полной мере эффективные инструменты новой индустриализации, не рассмотрен потенциал умной специализации в решении вопросов новой индустриализации. Таким образом, в современных исследованиях недостаточно научных работ по изучению возможностей умной специализации как инструмента новой индустриализации, что и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – обосновать возможности умной специализации для осуществления новой индустриализации в регионах России. В процессе исследования решались следующие задачи: уточнение ключевых параметров новой индустриализации в регионе; определение целей, задач и условий новой индустриализации в регионе; определение возможностей умной специализации для осуществления новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания, которые позволили выявить и обосновать возможности умной специализации как инструмента новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития.

Теоретические аспекты новой индустриализации в регионе.

Каждый регион Российской Федерации должен выстраивать свою уникальную стратегию инновационного развития, основанную на научно-технологических приоритетах. В то же время регион специализируется на определенной продукции. Специализация и комплексное развитие экономики региона направлены на увеличение вклада региона в экономику страны и обеспечение наиболее эффективного удовлетворения потребностей населения региона. Развитие экономики региона должно осуществляться на основе рационального развития природных, научных, технологических и социально-экономических ресурсов. Также важно осуществлять поддержку рациональной пропорции между отраслями специализации с целью социально-экономического развития региона [19]. Научно-технические приоритеты государства в отношении развития регионов придают современной экономике свойство технологичности, которая является основной характеристикой новой индустриализации. Определение приоритетных специализаций современных регионов базируется на их индустриально-технологическом уровне развития потенциала.

В научных экономических исследованиях рассматриваются различные аспекты новой индустриализации в регионе: экономическое неравенство регионов, производительность труда, вопросы влияния новой индустриализации на отраслевую структуру промышленности, вопросы приоритета науки и социальных инноваций в реализации новой индустриализации, формирование конкурентных преимуществ на основе технологических инноваций и другие.

Так, например Н. М. Сабитова рассматривает новую индустриализацию с позиции неравенства регионов по экономическому развитию, полагая, что новая индустриализация - процесс структурных преобразований, направленный на развитие отраслей экономики регионов России. Вместе с тем автор делает акцент на необходимости дифференциации государственной поддержки (финансирование национальных проектов) в отношении регионов для развития новой индустриализации [4].

Б.В. Дроздов отмечает важную составляющую новой индустриализации - производительный труд. С позиции автора новая индустриализация – это развитие крупных промышленных производств, интегрированных в индустрию жизнеобеспечения региона на основе новых, высокоэффективных технологий, позволяющих значительно увеличить показатели технической вооруженности труда и его производительность [20].

Ю.В. Развадовская при изучении процессов новой индустриализации применяет концепции фазовости, при этом выделяя: фазу инициации; фазу концентрации ресурсов; фазу развертывания как вовлечения максимального количества ресурсов и отраслей в процесс индустриализации и фазу стабилизации инновационного развития [21].

Е.Б. Ленчук определяет новую индустриализацию как процесс диверсификации отраслевой

структуры промышленности, который позволяет обеспечить масштабные изменения в индустриальной базе хозяйства региона. Автор выделяет следующие особенности новой индустриализации в регионе: модернизация производственного аппарата; диверсификация производственных возможностей для различных секторов промышленности; учет возможностей ресурсного потенциала региона и другие [5].

В.А. Гордеев отмечает такие особенности новой индустриализации как необходимость государственной финансовой поддержки, приоритет науки и социальных инноваций. Государственная финансовая поддержка должна быть основана на разработке комплексных многоуровневых программ по внедрению и сопровождению новой индустриализации. Проекты в рамках программ должны охватывать все социальные слои населения, все экономические единицы, субъекты, объединяя всё в единую систему. В обеспечении процессов новой индустриализации важная роль отводится науке, которая способствует развитию интеллектуальных знаний и новых технологий. Автор отмечает также роль социальных инноваций в осуществлении новой индустриализации [3]. В качестве социальных инноваций могут выступать продукты, изменения в производственном процессе или технологии, идеи или комбинация перечисленных элементов. Социальные инновации помогают найти новые решения социальных проблем с помощью выявления и развития новых услуг, нацеленных на организацию новых рынков труда, новых компетенций, новых видов работ и новых форм взаимодействия бизнеса и общества, которые улучшают положение участников трудовых коллективов. Для отраслей промышленности социальные инновации являются результатом взаимодействия науки и практики в направлении повышения производительности труда и улучшения его качества [22].

Я.П. Силин новую индустриализацию рассматривает как способ преодоления технико-технологического отставания России с целью вовлечения в мегатренды третьей и четвертой промышленных революций. В работе отмечается взаимосвязь новой индустриализации с экономическим ростом региона на основе модернизации экономики в направлении инновационного развития [7].

С позиции М.А. Миллера, одной из особенностей новой индустриализации выступает развитие конкурентных преимуществ региона на основе технологических инноваций, а не низких затрат. В рамках Индустрии 4.0, новая индустриализация предусматривает массовое внедрение информационных технологий в промышленность, масштабную автоматизацию бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта. [23].

Структура экономических отношений в регионе во многом зависит от уровня технологического развития. По мнению А.И. Татаркина важным фактором развития технологической базы, которая является основой функционирования региона, является человек как создатель и потребитель результатов экономического роста территории. От креативности, ментальности и предпринимательской активности человеческих ресурсов возрастает значимость использования различных видов ресурсов региона [10].

По мнению Е.А. Илларионовой новая индустриализация в регионе связана с инновационным путем развития региона, который включает: развитие предпринимательской активности и привлечение капитала в экономику региона; развитие человеческого потенциала; диверсификацию структуры экономики на основе научно-технологического развития; переход к новой модели пространственного развития экономики и другие [9].

Г.Б. Коровин к региональным аспектам новой индустриализации относит: развитие индустриального потенциала территории; формирование территориально-производственных комплексов в индустриальной сфере; создание территориально сконцентрированных промышленных зон, конкурентоспособных в мировом масштабе для обеспечения привлекательности для инвесторов и другие [24].

Одним из важных факторов, влияющим на процессы новой индустриализации является

потенциал региона. С позиции Н.В. Новиковой, потенциал новой индустриальной модернизации региона - это совокупность реальных и потенциальных ресурсов региона, позволяющих активизировать процесс новой индустриализации на территории региона, технически обновить традиционные отрасли экономики региона и развить новые высокотехнологичные производства [15]. К ведущим отраслям региона относятся отрасли промышленности, в которых важная роль принадлежит технологическому предпринимательству. Основным отличием технологического предпринимательства от других типов является наличие инновационной деятельности. Инновации, как результат инновационной деятельности позволяют не только обеспечить технологические требования к производственному оборудованию, но и удовлетворить социальные потребности общества.[25].

Региональная политика в отношении осуществления новой индустриализации должна быть направлена на развитие новой технологической базы промышленности; формирование территориальных зон индустриального роста с целью наращивания промышленного потенциала региона; развитие интеллектуальных ресурсов; осуществление процессов кластеризации для получения дополнительных конкурентных преимуществ [6].

Необходимость и возможности концепции умной специализации в решении задач новой индустриализации в регионе

Новая индустриализация возможна только при условии использования эффективных инструментов и средств, учитывающих направления научно-технологического развития России. Представляется более перспективным использование в качестве инструмента осуществления новой индустриализации - концепции умной специализации.

Концепция умной специализации является объектом многих научных исследований. В логике нашего исследования мы определяем умную специализацию с позиции технологического подхода как - инструмент технологического усиления прежних специализаций региона и выявления высокопотенциальных новых технологических областей. Умная специализация задает последовательность действий региональных органов в направлении развития эффективных отраслей специализации на основе использования регионального потенциала. Технологическое обновление отраслей осуществляется через инновационную деятельность и межрегиональное взаимодействие [12].

С позиции европейских исследователей умная специализация позволяет выстраивать альтернативные технологические траектории с использованием концепций технологической связанности, диверсификации, предпринимательского знания [11]. В рамках умной специализации создаются технологические платформы на основе эффективных коммуникаций между государством, наукой и бизнесом, цель которых коммерциализация результатов научной деятельности в виде наукоемких технологий высших технологических укладов. В своем исследовании И.В. Артюхова определяет следующие особенности технологических платформ: обеспечение активизации инновационной деятельности, повышение инвестиционной привлекательности инновационных проектов и распределения рисков. Технологические платформы – коммуникационные площадки для взаимодействия представителей науки, бизнеса и власти [16].

Зарубежный практический опыт реализации умной специализации показывает, что её можно рассматривать как часть стратегического плана территории региона, которая позволяет достичь его экономического развития. Стратегия базируется на ключевых элементах: науке, инновациях, интеллектуальных знаниях, институциональных открытиях и технологиях. При этом достигается успех региона в экспортной деятельности, что приводит к повышению показателей экономического роста региона. Умная специализация основывается на принципах приоритетов инновационного развития региона и определения предпочтения отраслям в направлении осуществления

государственной финансовой поддержки. При этом увеличивается объем используемых ресурсов и расширяются инновационные возможности региона [13,14,15].

По мнению А.А. Киреевой и Н.К. Нурлановой реализация умной специализации в регионе способствует: осуществлению масштабной технологической модернизации традиционных секторов экономики на базе современных технологий; созданию производств в IT-индустрии и других развивающихся отраслях для формирования новых рынков; разработке и применению прорывных технологий и технологий «экономики знаний» [18].

Ян Жексин и И.В.Филимоненко в своей работе доказывают, что умная специализация в направлении научно-технологического развития регионов позволяет ориентировать базовые отрасли специализации региона на внедрение интеллектуальных технологий в процессы производства и управления, создавать и развивать новые сфер деятельности на региональном уровне, использовать новые технологические и рыночные возможности для усиления региональных конкурентных преимуществ. Авторы рассматривают направления осуществления новой индустриализации посредством концепции умной специализации: развитие новых знаний и технологий; диверсификация отраслевой структуры экономики региона и развитие новых высокотехнологичных секторов; развитие формирования экономики знаний [17].

Результаты исследования

Анализ научных источников показал, что в экономической науке сформировались определенные взгляды на процессы новой индустриализации в регионе. Авторы исследований рассматривают сущность и содержание новой индустриализации с позиции различных аспектов, что в целом позволяет выделить ключевые параметры новой индустриализации в регионе (таблица 1).

Таблица 1- Ключевые параметры новой индустриализации

Авторы	Ключевые параметры
Н.М.Сабитова	Дифференцированная государственная поддержка, структурные преобразования отраслей региона
Б.В.Дроздов	Высокоэффективные технологии
Ю.В.Развадовская	Цифровизация отраслей промышленности, смешанная форма собственности на ресурсы промышленности для осуществления кооперационных процессов; кластеризация и рост производительности труда за счет цифровизации; новые технологии и знания.
Е.Б.Ленчук	Модернизация производственной базы региона; диверсификация отраслевой структуры промышленности на основе перехода на новую технологическую основу производства в различных секторах хозяйства региона.
В.А.Гордеев	Государственная финансовая поддержка, приоритет науки и социальных инноваций в осуществлении новой индустриализации.
М.А.Миллер	Технологические инновации, внедрение информационных технологий в промышленность, масштабная автоматизация бизнес-процессов.
А.И.Татаркин, Е.А. Илларионова	Креативность, ментальность и предпринимательская активность человеческих ресурсов
Г.Б. Коровин	Развитие индустриального потенциала территории; формирование территориально-производственных комплексов в индустриальной сфере; учет интересов бизнес-структур в промышленной специализации региона; привлекательность для инвесторов

Авторы	Ключевые параметры
Н.В.Новикова	Потенциал новой индустриализации региона, техническое обновление традиционных отраслей, развитие новых высокотехнологичных производств.

Источник: оставлено авторами на основе источников 4,5,6,7,8,11,12,14. 15

Новая индустриализация региона включает процессы структурных преобразований отраслей региона, цифровизацию отраслей промышленности, модернизацию производственной базы, автоматизацию бизнес-процессов, развитие креативности и активности человеческих ресурсов, развитие высокотехнологичных производств и другие.

С нашей точки зрения к ключевым параметрам новой индустриализации в регионе относятся:

- наличие фаз в осуществлении новой индустриализации (инициация, концентрация, развертывание и стабилизация) для идентификации основных доминант процесса;
- приоритет науки для развития интеллектуальных знаний и новых технологий;
- креативность, ментальность и предпринимательская активность человеческих ресурсов;
- технологические инновации: автоматизация бизнес-процессов и распространение искусственного интеллекта в направлении повышения производительности труда и конкурентоспособности региона;
- развитие крупных промышленных производств и территориально сконцентрированных промышленных зон, интегрированных в индустрию жизнеобеспечения региона, конкурентоспособных в мировом масштабе для обеспечения привлекательности для инвесторов;
- кластеризация промышленности и кооперация производства с учетом интересов бизнес-структур в промышленной специализации региона;
- цифровая трансформация отраслей промышленности для формирования нового технологического базиса производства и роста производительности труда;
- социальные инновации как результат взаимодействия науки и практики в направлении повышения производительности труда и улучшения его качества;
- диверсификация структуры промышленности с целью обеспечения масштабных изменений в индустриальной базе региона;
- государственная поддержка в направлении стимулирования трансформационных процессов в промышленности.

Ключевые параметры новой индустриализации в регионе представлены на рисунке 1.

На основе результатов исследования и с учетом направлений научно-технологического развития России были сформулированы цели и задачи новой индустриализации в регионе.

Целью новой индустриализации в регионе является развитие новой технологической базы промышленности региона с целью преодоления технологического отставания. Для реализации цели должны быть решены задачи: технологически обновить традиционные отрасли экономики региона; создать новые производства в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики региона для формирования новых рыночных ниш; модернизировать структуру отраслей экономики в направлении инновационного развития на основе диверсификации производственных возможностей региона.

Результат решения задач новой индустриализации: повышение показателей технической вооруженности и производительности труда; инвестиционная привлекательность региона в сфере исследований и разработок; востребованность исследований и разработок на локальном и международном уровнях; продвижение технологий и инновационных продуктов на новые рынки; рост доходов региона от экспорта высокотехнологичной продукции.

Таким образом, для решения задач новой индустриализации в регионе должны быть созданы условия для:

- развития интеллектуальных знаний, креативности и предпринимательской активности

человеческих ресурсов;

-эффективного взаимодействия научных организаций, государства, общества и бизнес-структур в направлении создания новых технологий для промышленной специализации региона;

-использования преимуществ государственно-частного партнерства в направлении развития высокотехнологичных производств;

-развития сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности: кластеризация промышленности и кооперация производства.

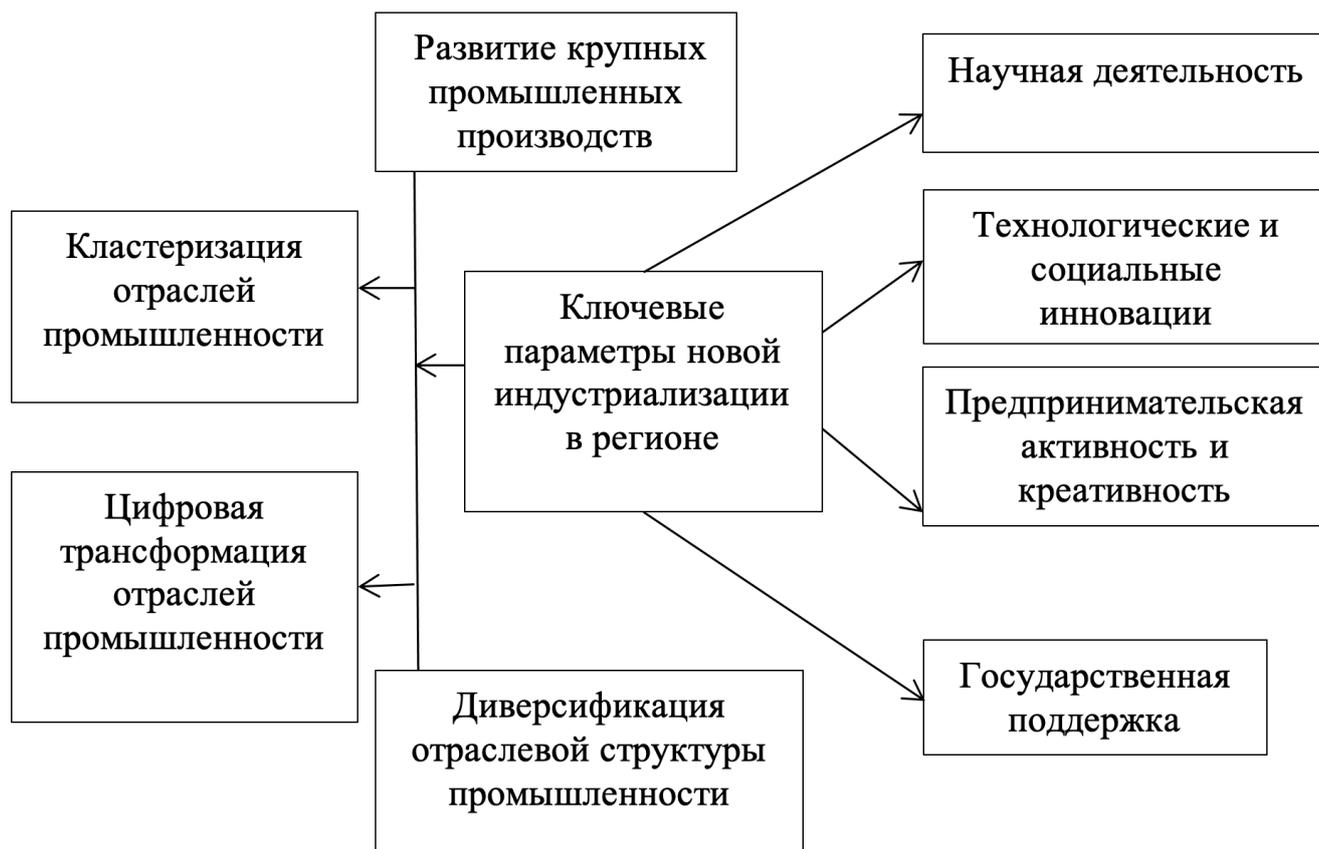

Рисунок 1- Ключевые параметры новой индустриализации в регионе

Источник: составлено авторами

В результате проведенного исследования, мы выделили возможности умной специализации в осуществлении новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России:

-поиск и использование новых возможностей для развития уникального ресурсного потенциала региона в направлении научно-технологического развития;

-ориентация базовых отраслей специализации региона на внедрение интеллектуальных технологий в процессы производства и управления с целью усиления региональных конкурентных преимуществ на локальном рынке;

-стратегическое планирование на основе выявления новых развивающихся в технологическом плане секторов в специализации региона;

-выстраивание альтернативных технологических траекторий с использованием концепций технологической связанности, диверсификации и предпринимательского знания;

-осуществление эффективных коммуникаций между государством, наукой и бизнесом посредством создания кластеров, технологических платформ для модернизации перспективных для

развития региона видах экономической деятельности и коммерциализация результатов научной деятельности;

-формирование креативного класса с целью получения синергетического эффекта от влияния интеллектуального потенциала региона на осуществление прорывных инноваций в высокотехнологичных отраслях;

-развитие экономики знаний для формирования потенциала креативной промышленной деятельности (умные среды, умные системы, умные производства) с целью диверсификации отраслевой структуры экономики.

Возможности умной специализации в реализации новой индустриализации в регионе представлено на рисунке 2.

Рисунок 2 - Возможности умной специализации в осуществлении новой индустриализации в регионе

Источник: составлено авторами

Заключение

Данное исследование уточняет и дополняет научные знания в области процессов новой индустриализации применительно к региону. В процессе исследования определены ключевые

параметры новой индустриализации: развитие крупных промышленных производств, научная деятельность, кластеризация отраслей промышленности, цифровая трансформация отраслей промышленности, диверсификация отраслевой структуры промышленности, государственная поддержка, предпринимательская активность и креативность, технологические и социальные инновации.

Целью новой индустриализации в регионе является развитие новой технологической базы промышленности региона с целью преодоления технологического отставания. Для реализации цели должны быть решены задачи: технологически обновить традиционные отрасли экономики региона; создать новые производства в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики региона для формирования новых рыночных ниш; модернизировать структуру отраслей экономики в направлении инновационного развития на основе диверсификации производственных возможностей региона.

Выявлены возможности умной специализации в реализации новой индустриализации в регионе, которые включают внедрение интеллектуальных технологий в процессы производства; технологическое развитие секторов в специализации региона; развитие предпринимательского знания для технологических траекторий; развитие эффективных коммуникаций между государством, наукой и бизнесом; формирование креативного класса для осуществления прорывных инноваций в высокотехнологичных отраслях.

Использование умной специализации в качестве инструмента новой индустриализации будет способствовать достижению следующих результатов в направлении экономического развития региона в направлениях: развитие ресурсного потенциала, достижение инвестиционной привлекательности в сфере исследований и разработок, продвижение инновационных продуктов и услуг на новые рынки; рост доходов от экспорта высокотехнологичной продукции, усиление региональных конкурентных преимуществ на локальном рынке; диверсификация отраслевой структуры экономики региона.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональной политики в целях научно-технологического развития территории. Вектор будущих исследований в изучении практического опыта применения умной специализации в формировании инновационных стратегий регионов России.

Работа выполнена в рамках проекта «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. Ред. от 31.08.2019. Доступ из справ.- правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: -URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/
2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 год. Утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016, № 642. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/.
3. Новая индустриализация в РФ как фактор обгоняющего развития: первые итоги, причины

торможения и пути их преодоления: коллективная монография; под ред. В.А. Гордеева, М.А. Угрюмовой, С.В. Шкиотова. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2017. – 220 с. С.20-24.

4. Сабитова Н.М. Экономическое неравенство регионов и возможности новой индустриализации: Новая индустриализация России: экономика- наука-человек- природопользование//Материалы научных трудов VII Урал. науч. чтений. – Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020.- 163 с.-С.25-27.

5. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики. Научный доклад/ Е.Б. Ленчук, В.И. Филатов, Г.А. Власкин, А.Е. Иванов, И.И. Смотровская, С.И. Черных.- М., ИЭ РАН, 2013.-с.61.

6. Шевченко С.А. Приоритеты региональной промышленной политики в условиях новой индустриализации России //Теоретическая экономика», 2019.- № 12(60). – С. 43-52.

7. Силин Я.П. Российская модель новой индустриализации: к постановке проблемы/ Я.П.Силин, Е.Г. Анимица// Известия УрГЭУ, 2017.-№5(73).- С.44-45.

8. Akimova O. Regional Entrepreneurship Support Infrastructure: Volgograd Region Case Study / O.Akimova, S.Volkov, V.Kabanov, N.Ketko, I.Kuzlaeva // WSEAS Transactions on Environment and Development, 2020.- Vol.16.- P.397-412.

9. Илларионова Е.А. Предпосылки к новой индустриализации региона (на примере Белгородской области)// Вестник Алтайской академии экономики и права, 2018. – № 4. – С. 52-56.

10. Татаркин А.И. Ресурсы новой индустриализации/ А.И. Татаркин, О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов// Вестник УРФУ:серия экономика и управление,2014.-№ 3.-С.13-18.

11. Balland P.A. Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification / P.A. Balland , R. Boschma, J.Crespo, D.L. Rigby // Regional Studies, 2018. – Vol. 3.– P.1-17.

12. Шевченко С.А. Стратегия «умной специализации»: характерные признаки и условия успешной реализации в регионе / С.А. Шевченко, Е.В. Кузьмина, М.И. Кузьмина // Экономика. Информатика, 2021. – Т.48.-№ 1. – С. 44-58.

13. Benner M. Smart specialization and institutional context: the role of institutional discovery, change and leapfrogging/ M. Benner // European Planning Studies, 2019. – Vol. 27(9).- P.1791-1810.

14. Antonioli D. Regional Innovation Policy and Innovative Behaviour: Looking for Additional Effects/ D. Antonioli, A. Marzucchi, S. Montresor // European Planning Studies, 2014. – Vol 22(1).- P.64-83.

15. Kaivo-oja J. Smart specialization strategy and its operationalization in the regional policy: case Finland /J.Kaivo-oja, S.Vähäsantanen, A. Karppinen, T. Haukioja //Business, Management and Education, 2017.- Vol.- 15(1).- P.28–41.

16. Артюхова И.В. Менторинг организации технологических платформ (перспективы реализации в Республике Крым)//Теоретическая экономика, 2020.-№3.-С.22-24.

17. Жексин Я. Модели управления развитием регионов на основе Smart-технологий: «умная специализация» [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: -URL: <http://congress.sfu-kras.ru/files/%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%98.%D0%92..pdf>

18. Киреева А.А. Организационно-экономические механизмы реализации технологической модернизации регионов Казахстана / А.А. Киреева, Н.К. Нурланова // Проблемы развития территории,2018. -№ 4 (96).-С. 168–180. 11

19. Региональная экономика: учебное пособие / В.А. Гордеев, М.А. Майорова, М.И. Маркин – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2017. – 256 с.-С.115-117.

20. Дроздов Б.В. Основные положения концепции научно-технологического и промышленного развития России (ОП КНТПР) (Концепция новой индустриализации России) [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: - URL: <https://rusrand.ru/ideas/koncepciya-novoy-industrializacii-rossii-osnovnye-polojeniya>.

21. Развадовская Ю.В. Новая индустриализация: фазы, доминанты и паттерны// Вестник Томского государственного университета. Экономика,2020. -№ 52.-С.292-295.
22. Митякова О.И. Инновационное развитие регионов России:социальные инновации/ О.И. Митякова, С.Н. Митяков, Н.А. Митяков, Е.С.,Егорова//Инновации,2018.-№4(234).-С.56-58.
23. Миллер М.А. Новая индустриализация в контексте пространственного развития регионов// Вестник Омского университета. Серия «Экономика»,2019.- Т. 17, № 2.- С. 185-193.
24. Коровин Г.Б. Ресурсные и технологические возможности проведения новой индустриализации региональной экономики// Вестник ЗабГУ, 2013.-№ 09 (100).-С.-143-148.
25. Новикова Н.В. Потенциал новой индустриальной модернизации: подходы к определению и региональному экономическому измерению//Известия УрГЭУ,2017.-№5(73).-С.128-131.

Possibilities of smart specialization in conducting new industrialization in the region in the context of scientific and technological development of Russia

Shevchenko Svetlana Alekseevna

Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Morozova Irina Anatolievna

Doctor of economics, professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Kuzmina Ekaterina Valerievna

Candidate of economic sciences, associate professor,
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Annotation. The purpose of this study is to study the features of new industrialization and suggest using a smart specialization strategy as a tool for its implementation. The study used theoretical and empirical methods of scientific knowledge, which made it possible to identify and substantiate the possibilities of smart specialization as a tool for new industrialization in the region in the context of the scientific and technological development of Russia.

The paper identifies the key parameters of new industrialization: the development of large industrial production, scientific activity, clustering of industries, digital transformation of industries, diversification of the sectoral structure of industry, government support, entrepreneurial activity and creativity, technological and social innovation. The possibilities of smart specialization in the implementation of new industrialization in the region have been identified, which include: the introduction of intelligent technologies into production processes; technological development of sectors in the specialization of the region; developing entrepreneurial knowledge for technological trajectories; development of effective communications between the state, science and business; the formation of a creative class for the implementation of breakthrough innovations in high-tech industries. The use of smart specialization will make it possible to achieve the results of economic development of the region in the following directions: development of resource potential; investment attractiveness in the field of research and development; promoting innovative products and services to new markets; growth in income from the export of high-tech products; strengthening regional competitive advantages in the local market and others. The research results can be used in the development of regional policy for the scientific and technological development of the territory. The vector of future research in the study of practical experience in the use of smart specialization in the formation and implementation of innovative strategies in the regions of Russia.

Keywords: region, industry, technological development, innovation, entrepreneurial activity.

Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение

Дяо Сюхуа

доктор экономических наук, профессор,
Даляньский технологический университет, г. Далянь, КНР.
E-mail: diaoxiuhua@dufe.edu.cn

Аннотация. Содействие устойчивому развитию сотрудничества между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России всегда было основной темой регионального экономического сотрудничества между Китаем и Россией. В данной статье анализируются новые успехи и новые преимущества экономического сотрудничества между этими двумя регионами. Считается, что Северо-восточный регион Китая и ДВ России экономически зависят друг от друга. На фоне освоения ДВ России и строительства важного окна для открытости КНР северу, экономическое сотрудничество китайско-российского региона, особенно сотрудничество между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России развивается постепенно, а также сферы сотрудничества расширяются. На этой основе эффективные пути и меры укрепления сотрудничества между двумя сторонами были выдвинуты.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, Дальний Восток России, региональное экономическое сотрудничество, возможности, предложение.

JEL codes: A10; A11; B41; H41

Для цитирования: Дяо Сюхуа, Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение / Дяо Сюхуа. - DOI 10.52957/22213260_2022_1_70. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.70-78. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_70

Благодарности: Данная статья является частью исследования проекта «Анализ по созданию высокогорья для сотрудничества СВА и содействию возрождению Северо-Востока Китая в новой эпоху», которое утверждено крупным проектом государственного фонда общественных наук Китая(20&ZD098); частью исследования «Анализ российских мер по сокращению бедности и обит России для Центральной Азии, Индии и Пакистана», которое утверждено фондом гуманитарных и общественных наук Министерства образования Китая (№: 19YJAGJW002)

Введение

Северо-Восточный регион Китая примыкает к Дальнему Востоку России. В последние годы торгово-экономическое сотрудничество в этих регионах было чрезвычайно оживленным между Китаем и Россией, и это сотрудничество принесло плодотворные результаты. В частности, «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)», подписанная Китаем и Россией в сентябре 2009 года, и «Программы развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционных сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 годы», подписанные Си Цзиньпином и Владимиром Путиным в сентябре 2018г. в ходе 4-го Восточного экономического форума и ратифицированные в ходе 23-й регулярной встречи премьеров КНР и РФ 7 ноября того же года, это не только показывает устойчивость экономического сотрудничества Китая и России, но и в значительной степени способствовала развитию торгово-экономического сотрудничества

между Китаем и Россией. Более того, региональное сотрудничество между Китаем и Россией имеет новую основу и платформу для развития в новой ситуации. С новой всеобъемлющей и всесторонней активизацией Северо-восточного региона Китая и освоением ДВ РФ региональное экономическое сотрудничество двух стран развивается быстро, и будет непрерывно усиливать практическое сотрудничество между двумя сторонами в различных сферах.

Развитие китайско-российского регионального экономического сотрудничества в новых условиях

Президент РФ В.В.Путин придает большое значение развитию восточного региона России, особенно подчеркивает важность стратегии освоения ДВ России и подписал целый ряд стратегий и программ развития восточного региона России. Для ускорения развития ДВ правительство России создало Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) и свободный порт Владивосток (СПВ) на Дальнем Востоке, и активно поддерживает развитие экономического сотрудничества восточного региона России со странами Северо-Восточной Азии (СВА), особенно с Северо-Востоком Китая. С 2016 года Китай принимает целый ряд мероприятий для возрождения старопромышленной базы Северо-Востока. Особенно в отчете XIX съезда КПК было выдвинуто углубление реформы и ускорение возрождения старопромышленных баз в Северо-Восточном Китае, подчеркнута необходимость делать упор на реализацию инициативы «Пояс и путь», руководствуясь принципом «совместное консультирование, совместное строительство и совместное использование», сформировать архитектуру открытости, отличающуюся взаимодействием сторон на суше и на море, в Китае и за рубежом [1]. Это не только способствует развитию регионального экономического сотрудничества между Китаем и Россией, но и приносит новые возможности и придаст новый импульс сотрудничеству Северо-восточного региона Китая и ДВ России.

В последние годы уровень торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией непрерывно повышается, и формируется ситуация сотрудничества дополнительных преимуществ и взаимной выгоды. С 2000 года товарооборот между Китаем и Россией демонстрировался стабильно и быстро. Согласно китайской статистике, в 2020 году китайско-российский товарооборот составил 107,77 млрд. долларов США, и третий год подряд превышает отметку в 100 млрд долларов. Китай является крупнейшим торговым партнером России в течение одиннадцати лет подряд [2]. В настоящее время сотрудничество Северо-Восточного Китая и ДВ России достигает до нового уровня своего развития. В долгое время освоение ДВ России ограничивается серьезным нехватком средств, и поэтому Россия надеется на расширение инвестиций из Китая в различные области ДВ. Так в последние годы Китай постепенно увеличивает свои инвестиции в этот регион России. В конце 2019 года объем инвестиций 52 компании с китайским участием в проекты СПВ и ТОР на ДВ превысил 300 млрд. рублей [3].

Стоит упомянуть, что транспортная взаимосвязь гарантирует экономическое сотрудничество в примыкающих восточных регионах Китая и России. Транспортная инфраструктура является важным носителем промышленного взаимодействия и межрегиональных экономических связей, особенно железнодорожный транспорт играет огромную роль, как главный пульс развития экономики [4]. Теперь активно продвигается строительство международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2» на Дальнем Востоке России. Это является важным международным каналом между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России. В настоящее время эти два соседних района образуют комплексную транспортную систему, включающую сухопутный, водный, воздушный и трубопроводный транспорт.

В целом сферы китайско-российского сотрудничества постепенно расширяются от областей разработки ресурсов до высокотехнологичных областей, как аэрокосмическая промышленность, ядерная энергетика, освоение космоса, освоение Арктики и цифровая экономика, военная

промышленность и производство современного промышленного оборудования. В то же время сотрудничество между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России постоянно расширяется, это не только является практической необходимостью экономического развития и сотрудничества двух примыкающих регионов, но и является фундаментальным сдвигом в концепции и модели развития ДВ России. Во-первых, обе стороны обладают взаимодополняемостью ресурсов, и это заложило прочную основу для экономического сотрудничества и взаимодействия. Во-вторых, освоение и развитие ДВ не только опираются на собственные силы, в то же время необходимо следовать принципам рыночной экономики и идти по пути развития регионального экономического сотрудничества. В-третьих, развитие ДВ России может способствовать возрождению и развитию Северо-Восточного региона Китая.

Новые возможности сотрудничества Северо-восточного региона Китая и ДВ России

Благоприятные политические отношения заложили прочную основу для развития экономического сотрудничества между Китаем и Россией

В настоящее время отношения между обеими сторонами характеризуются высоким уровнем политического взаимодоверия и прочной основой сотрудничества. Китай и Россия считают, что сегодня их отношения переживают лучший в истории период. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество основано на глубоких политических отношениях. Развитие торгово-экономического сотрудничества является важным фактором укрепления отношений между КНР и РФ, также краеугольным камнем отношений партнерства и стратегического взаимодействия между обеими сторонами. В последние годы китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество быстро развивается на высоком уровне и выходит на новый исторический уровень в ходе от «отношения стратегического взаимодействия и партнерства» до «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» Китая и России. Об этом президент РФ Владимир Путин высоко оценил в статье, опубликованной в газете «Жэньмин жибао», что «Стратегическое партнерство России и Китая является действенным фактором, укрепляющим региональную и мировую стабильность». И он заявил, что Россия и Китай достигли существенных успехов во всех областях, сейчас отношения обеих сторон вышли на самый высокий в истории уровень, все договоренности выполняются» [5]. В 2021 году отмечается 20-я годовщина подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем и его продление. Находясь в новой исторической отправной точке, укрепление торгово-экономического сотрудничества имеет особое значение для развития китайско-российских отношений. Особенно взаимодействие китайско-российских восточных примыкающих регионов играет все более важную роль во всеобъемлющем стратегическом партнерстве между двумя странами.

Параллельная реализация стратегии возрождения Северо-восточного региона Китая и стратегии социально-экономического развития ДВ России открывает новые возможности для двустороннего сотрудничества

Торгово-экономическое сотрудничество восточных примыкающих регионов между Китаем и Россией принесло плодотворные результаты, они тесно связаны между собой и являются ключевыми регионами экономического сотрудничества между двумя странами. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)» в значительной степени способствовала развитию торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией. Теперь региональное сотрудничество обеих сторон обладает новой основой для развития [6].

Новый раунд программы по возрождению северо-восточных районов Китая и стратегия развития ДВ России - это национальные стратегии, реализуемые Китаем и Россией для возрождения своих регионов. 26 апреля 2016 г. были обнародованы «Некоторые соображения ЦК КПК и Госсовета

КНР о всестороннем возрождении старых промышленных баз в северо-восточных и других районах Китая», в которых было отмечено, что Китай планирует усилить взаимосвязанность инфраструктуры северо-восточных районов страны и соседних государств, превратить эти районы в важное окно для открытости КНР северу и узловой центр для развития сотрудничества в Северо-восточной Азии. В стране предстоит продвинуть строительство экономического коридора «Китай-Россия-Монголия» и усилить сопряжение программы возрождения Северо-восточного Китая и стратегии освоения ДВ РФ [7]. Все это предоставляет благоприятные условия и гарантии для углубления китайско-российского сотрудничества, особенно между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России, и способствует реализации практического сотрудничества между двумя сторонами в области транспорта, энергетики и инфраструктуры.

С усилением разворота России на Восток укрепляется её трансграничное сотрудничество-в лице регионов российского Дальнего Востока с Северо-восточным регионом Китая. Географические преимущества и взаимное удобство транспортировки двух сторон открывают благоприятные условия для сотрудничества Северо-Восточного Китая с ДВ и даже Сибирью России [8]. В настоящее время уже было создано 23 ТОР [9] и СПВ на ДВ РФ, что создает огромные возможности для сотрудничества и взаимовыгодного развития между Северо-Востоком Китая и ДВ России, способствуя формированию взаимовыгодных отношений и совместного развития.

Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП открывает широкое пространство для китайско-российского регионального экономического сотрудничества

Инициатива «Пояс и Путь» придает новый импульс региональному экономическому сотрудничеству между Китаем и Россией. «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)», подписанное в мае 2015 г. Китаем и Россией, и «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР», подписанное обеими сторонами в мае 2018 г., имеют огромное и эпохальное значение для дальнейшего развития и углубления экономического сотрудничества между Китаем и Россией. Сотрудничество по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС означает, что две страны достигли консенсуса высокой степени по вопросам укрепления регионального сотрудничества. Это не только является рациональным выбором для двух крупных держав в новой ситуации, но и символом нового прогресса и важных прорывов в сотрудничестве по основным международным и региональным вопросам между Китаем и Россией, и придаст мощный импульс региональному экономическому развитию и сотрудничеству между двумя странами, также способствует формированию открытых и инклюзивных рамок регионального экономического сотрудничества.

Российская стратегия «Взгляд на Восток» стимулирует развитие китайско-российского регионального сотрудничества

После начала украинского кризиса в 2014 году обращается стратегический фокус России от Европы к Востоку. И Россия проводит политику «взгляда на Восток». АТР является «локомотивом» мирового экономического развития, это открывает огромные возможности для России. Президент РФ В.В.Путин отметил, что Россия рассматривает укрепление своих позиций в АТР и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону. Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в АТР, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, в создании в регионе всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах [10]. В последние годы с целью ослабления негативного эффекта санкций США и ЕС Россия ускоряет процесс «разворот на Восток», особенно обращает внимание на развитие тесного

взаимодействия с Китаем. Факты показывают, что после введения Западом санкций Россия создает более тесные связи в политической, экономической и военной областях с Китаем [11].

Кроме того, что идея «Большого Евразийского партнерства», которую начала продвигать Россия с 2016 г., на практике содействует дальнейшему продвижению российской стратегии «поворота на Восток». В долгосрочной перспективе цели и ориентиры российской идеи «Большого евразийского партнерства» и китайской инициативы «Пояса и пути» во многом совпадают. И Китай поддерживает инициативу формирования «Большого Евразийского партнерства». Две стороны считают, что инициатива «Пояс и Путь» и идея «Большого Евразийского партнерства» могут развиваться параллельно и скоординировано [12]. Это способствует развитию китайско-российского регионального экономического сотрудничества, особенно сотрудничества между Северо-востоками районами Китая и ДВ России.

4. Размышление и предложение о ускорении сотрудничества между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России

Межрегиональное сотрудничество Китая и России вступило в стадию ускоренного развития. Северо-Восточный Китай уже стал главным торгово-экономическим партнером ДВ России. Участие в освоении ДВ России способствует новому раунду возрождения северо-восточных районов Китая, а новый раунд возрождения Северо-восточного района Китая может стимулировать развитие ДВ России. Как важное северное окно открытости китайской инициативы «Пояс и путь», Северо-восточный регион Китая необходимо развивает сотрудничество в следующих аспектах с ДВ России на основе дополнительных преимуществ и взаимовыгодного сотрудничества.

Ускорение сотрудничества по сопряжению строительства зон свободной торговли Северо-восточного региона Китая и ТОР и СПВ ДВ

Создание двух пилотных зон свободной торговли в Северо-Восточном Китае является важным шагом в продвижении нового раунда возрождения и открытости Северо-восточного района Китая. Строительство и развитие ТОР ДВ России неотделимо от активного участия Северо-восточного Китая. Обе стороны имеют взаимодополняющие преимущества по человеческим капиталам, техникам и капиталам. В настоящее время существует 11 ТОР на ДВ, расположенных в приграничной территории с Китаем, и китайские предприятия имеют определенные географические преимущества для входа и сотрудничества, это представляет китайским компаниям благоприятные возможности. Кроме того, Россия всесторонне развивает портовую экономику на ДВ и стремится превратить СПВ в «восточную вороту» России. В то же время Россия вкладывает огромные суммы денег в освоение природных ресурсов и строительство транспортной инфраструктуры для всесторонней поддержки развития ДВ и Сибири. В ближайшем будущем в рамках ТОР и СПВ будет осуществлять целый ряд инвестиционных проектов, которые будут драйверами экономики ДВ. Это тоже представляет благоприятные условия для сотрудничества обеих сторон.

Поэтому необходимо углублять двухстороннее экономическое сотрудничество на основе строительства пилотных зон свободной торговли в китайских провинциях Хэйлунцзян и Ляонин. Особенно должно использовать преимущества Северо-восточного региона Китая в производстве оборудования с тем, чтобы предприятия, обладающие финансовыми и технологическими преимуществами, влажили свой капитал в ТОР и СПВ ДВ.

Непрерывное углубление сотрудничества между Северо-восточным Китаем и ДВ России на основе строительства «экономического коридора «Китай-Монголия-Россия»

«Экономический коридор Китай-Монголия-Россия» является важным каналом и важным мостом, соединяющим СВА и Европу. Этот экономический коридор можно соединяется с первым азиатско-европейским континентальным мостом (Транссибирская магистраль) от Даляня, Шеньяна, Чанчуня, Харбина, Маньчжурии до Читы, что можно связывать Северо-восточный

регион Китая с Москвой и ДВ России. «Экономический коридор Китай-Монголия-Россия» проходит через страны меньше, а также времени и таможенных платежей меньше, чем по сравнению с новым азиатско-европейским континентальным мостом, и именно поэтому можно сэкономить затраты на транспортировку, и так является новым экономическим каналом.

Таким образом, Северо-восточный регион Китая может расширять международные логистические каналы для укрепления регионального сотрудничества между собой. Во-первых, можно доставлять грузы из порта Инкоу и порта Далянь в порт Маньчжурия по международным грузовым маршрутам «Ляонин-Маньчжурия-Европа», а затем в Россию и страны Европы. Во-вторых, можно доставлять товары из порта Даньдун, Цзиньчжоу и Паньцзинь в Россию через Монголию по международным транспортным коридорам «Ляонин-Монголия-Европа», а затем в страны Европы. Это не только можно снизить давление на транзит через границу Маньчжурии, но и сократить расстояние транспортировки груза между Китаем, Монголией и Россией. Поэтому должно ускорить развитие трансграничной логистики между Северо-восточными районами Китая и Россией в будущем. В-третьих, надо расширять объем перевозок и грузовых поездов транспортных коридоров «Ляонин-Маньчжурия-Европа» и «Ляонин-Монголия-Европа». На этой основе непрерывно углублять торгово-экономическое сотрудничество между Северо-восточным регионом Китая и Россией для того, чтобы помогать логистическим компаниям выйти из кризиса коронавируса Covid-19 с наименьшими потерями.

Ускорение реализации транспортной взаимосвязи «Суша-Море-Лед» между Северо-востоком регионом Китая и ДВ России, расширение новой схемы мультимодальных перевозок между двумя сторонами

Взаимосвязь транспортной инфраструктуры является приоритетным направлением реализации проекта «Пояс и Путь», и также является важной основой и предпосылкой углубления сотрудничества между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России. Северо-восточный регион должен в полной мере использовать свои преимущества в областях перевозок, комбинированных перевозок сухопутного и морского транспорта, портовой логистики и т.д., и расширять мультимодальные перевозки с тем, чтобы транспортные взаимосвязи углубились в процессе торгово-экономического сотрудничества между двумя сторонами.

Во-первых, Северо-восточный регион должен ускорить сотрудничество по сопряжению строительства МТК «Приморье-1» и «Приморье-2», чтобы разблокировать каналы мультимодальных перевозок. Эти два МТК могут соединять морские порты Северо-восточного региона Китая и Приморского края России, сокращать расстояние транспортировки, улучшать условия перевозки грузов между Китаем и Россией, ускорять транспортировку грузов между двумя сторонами, поэтому являются эффективными и перспективными транспортными коридорами. В то же время также можно отправлять товары комбинированных перевозок напрямую в Японию, США и другие страны, что можно более способствовать процессу торгово-экономического сотрудничества между собой.

Во-вторых, присоединить морской маршрут от порта Далянь с СПВ для использования преимущества морского транспорта в полной мере. Порт Далянь является важным пунктом пересечения «Экономический пояс шелкового пути» и «Морской шелковый путь», обладает большим объемом транспортировки грузов. СПВ реализует всестороннее открытие в рамках преференциальных режимов, транзитные услуги «единого окна» и режим круглосуточной работы, поэтому было повышение эффективности таможенного оформления в порту. Этот морской маршрут можно значительно сокращать транспортные расходы и время перевозки между обеими сторонами, и способствует повышению уровня торгово-экономического сотрудничества между Северо-восточным регионом Китая и ДВ России.

В-третьих, Северо-восточный регион Китая должен активно участвовать в строительстве Северо-восточного прохода «Ледового шелкового пути» для того, чтобы способствовать взаимосвязи

между Европой и Азией. Для этого надо поддерживать и продвигать строительство транспортного коридора «Ляонин-Арктика-Европа», который является перспективным маршрутом от порта Далянь и порта Инкоу до Европы Через Арктику.

В-четвертых, строить новую железнодорожную дорогу «Ляонин-Хуньчунь-Россия» от порта Дандуна китайской провинции Ляонина до порта Владивостока ДВ России через порт Хуньчунь, и крупный канал китайско-российской международной перевозки грузов от Даляня до Новосибирска, чтобы расширить евразийский сухопутный канал.

Повышение уровня энергетического сотрудничества, содействие углублению и укреплению торгово-экономического сотрудничества между двумя сторонами

Энергетическое сотрудничество является ключевым направлением участия Китая в освоении ДВ России в настоящее время и в будущем. Это не только реальная потребность Китая и России, но и неизбежный выбор в рамках тенденции международного сотрудничества в области энергетики. КНР и РФ имеют взаимные интересы в сфере энергетической безопасности. Энергетическое сотрудничество обеих сторон вносит важный вклад в обеспечение глобальной энергетической безопасности. В последние годы стороны достигли прогресса в реализации масштабных стратегических проектов в энергетике.

В будущем следует использовать капитальные и технологические преимущества Северо-восточного региона Китая, разворачивать более разнообразное энергетическое сотрудничество с ДВ, и постепенно осуществить переход от освоения природных ресурсов к переработке ресурсов. Во-первых, необходимо расширять традиционное сотрудничество по импорту и экспорту энергоносителя, и увеличивать пропускную способность нефтепроводов между КНР и РФ. Во-вторых, надо непрерывно углублять сотрудничество в области энергетики между двумя сторонами для того, чтобы это энергетическое сотрудничество распространялось на всю производственную цепочку: от разведки и добычи углеводородов, до переработки и выпуска нефтепродуктов и продуктов нефтехимии и т.д. Для этого нужно продвигать проект комплекса по переработке, хранению и перевозке нефтепродуктов в направлении Амур-Хэйхэ и сотрудничество в области энергетических технологий на глубоком уровне. В-третьих, активно развивать сотрудничество в сфере нефтегазохимической промышленности с ДВ России. В-четвертых, нужно продвигать сотрудничество в освоении природного газа в Арктике, в том числе участвовать в проектах «Ямал СПГ», «Арктический СПГ-2» и «ПечораСПГ» и т.д. В-пятых, надо расширять сотрудничество в электроэнергетике между Северо-восточным районом Китая и ДВ России, особенно активно развивать трансграничную линию электропередачи и инараструктуру в области электроэнергетики обеих сторон, чтобы обеспечить бесперебойные поставки электроэнергии в энергодефицитные регионы Китая [13]. Кроме того, такие новые отрасли, как солнечная энергия, геотермальная энергия, энергия океана и энергия биомассы, являются возможными направлениями сотрудничества между двумя сторонами.

Следует отметить, что кроме вышеуказанных областей сотрудничества, двустороннее сотрудничество также включают такие сферы, как высокие технологии, инфраструктура, производство оборудования, сельское хозяйство, рыболовство, туризм, электронная торговля и торговля услугами и т.д., обладающие значительным потенциалом сотрудничества. И поэтому Северо-восточный регион Китая и ДВ России обладают широкими перспективами сотрудничества.

Заключение.

Таким образом, в будущем на фоне освоения ДВ России и создания окна для открытости КНР северу, особенно исходя из структуры экономики и потребностей экономического развития между Северо-восточным районом Китая и ДВ России, можно сделать вывод, что экономическое сотрудничество обеих сторон будет еще теснее. По мере реализации стратегии восточного развития России и дальнейшего ускорения всеобъемлющей активизации Северо-восточного региона Китая

отношение тесного сотрудничества обеих сторон будет углубляться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СиЦзиньпин: необходимо одержать решающую победу в полном построении среднезажиточного общества, завоевать великую победу социализма с китайскими особенностями в новую эпоху— отчет на XIX съезда КПК. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 10.09.21).
2. В 2020 году китайско-российский товарооборот составил 107,77 млрд. долларов США, и третий год подряд превышает отметку в 100 млрд долларов. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <https://news.cctv.com/2021/01/29/ARTIJYW2dN7RVMX5hTKWwieK210129.shtml> (дата обращения: 15.09.21).
3. Объем китайских инвестиций в проекты свободного порта и ТОР на Дальнем Востоке превысил 300 млрд рублей. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <http://www.ved.gov.ru/news/26305.html> (дата обращения: 28.09.21).
4. Го Ляньчэн. Развитие интерактивного взаимодействия китайско-российского регионального экономического сотрудничества и возрождении старопромышленных баз Северо-Восточного Китая // Рынок России, Центральной Азии и Восточной Европы. –2007, № 2. -С. 1–7.
5. Путин оценил уровень отношений с Китаем. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <https://ria.ru/20210519/putin-1732933917.html> (дата обращения: 20.09.21).
6. Дяо Сюэуа. Исследование экономического сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и ТОР ДВ России // Изучение по финансово-экономическим вопросам. –2018, № 4. -С. 116–122.
7. «Некоторые соображения ЦК КПК и Госсовета КНР о всестороннем возрождении старых промышленных баз в северо-восточных и других районах Китая». [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm (дата обращения: 02.10.21).
8. Жариков Е.П. Аспекты двойственности отношений Китая и России на Дальнем Востоке // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. –2018, № 1-2. -С. 9–18.
9. Всего создано 23 ТОР [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <https://erdc.ru/about-tor/> (дата обращения: 30.09.21).
10. Концепция внешней политики российской федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 Ноября 2016г.) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 18.09.21).
11. Дипломатия принуждения 2014-2016. Как Россия противостояла атакам США. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <http://politrussia.com/world/laquo-diplomatiya-prinuzhdeniya-ssha-226/> (дата обращения: 15.09.21).
12. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397865.htm (дата обращения: 03.10.21).
13. Путин призвал совершенствовать транспортную связь России, Монголии и Китая. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <https://tass.ru/ekonomika/6551035> (дата обращения: 01.10.21).

Economic cooperation between the Northeast Region of China and the Far East of Russia in new conditions: status, opportunities and offer

Diao Xuhua

Doctor of Economics, Professor,

Dalian University of Technology, Dalian, China.

e-mail: diaoxiuhua@dufe.edu.cn

Annotation. A major theme of regional economic cooperation between China and Russia has always been promoting the steady development of cooperation between China's Northeast and Russia's Far East. This paper analyzes the new successes and new benefits of economic cooperation between the two regions. The Northeast China and the Far East of Russia are considered to be economically dependent on each other. The development of Russia's Far East and an important window for China's opening up to the north, the economic cooperation of China-Russia region, especially the cooperation between Northeast China and Russia's Far East, is improving steadily, and the areas of cooperation are expanding. It has become a foundation to further improve the cooperation between both sides.

Keywords: northeast China, Russia's Far East, regional economic cooperation, opportunities, proposal

Перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов: мировой и национальный аспекты

Тебекин Алексей Васильевич

доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор,

Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России,

г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: Tebekin@gmail.com

Аннотация. Проанализированы перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов. Представлены результаты анализа характеристик ноономики как нового состояния разумной экономики, которое может быть воплощено в реальность в рамках шестого технологического уклада. При анализе перспектив развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов и потенциального построения ноономики за основу приняты типы государственного устройства Платона, включая идеальное государство, в котором общественное благо представляет собой высшую ценность. На основе анализа характеристик неидеальных, но реально существующих видов государственного устройства по Платону, влияющих на тенденции развития общественного сектора экономики, по степени максимального подобия описано государственное устройство ведущих стран мира, включая Россию. Впервые на основе анализа теорий развития общественного сектора экономики в последние 200 лет показана их связь с фазами экономической активности в рамках больших (технологических) циклов Кондратьева Н.Д. Продемонстрированы основные векторы формирования общественного сектора экономики в фазе выхода из технологического кризиса 2020-х годов. Выделены прогрессивные и регрессивные составляющие развития общественного сектора в условиях перехода к новой фазе экономического развития в результате ее происходящих технико-технологических и социально-экономических трансформаций. Продемонстрированы особенности прогнозного развития общественного сектора в национальной экономике.

Ключевые слова: перспективы развития, общественный сектор экономики, условия выхода, глобальный кризис 2020-х годов, мировой аспект, национальный аспект.

JEL codes: A10; A11; B41; H41

Для цитирования: Тебекин, А.В. Перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов: мировой и национальный аспекты/А.В.Тебекин.-DOI 10.52957/22213260_2022_1_78.

-Текст:электронный//Теоретическая экономика.-2022-№1.-С.79-93.-URL:<http://www.theoreticaleconomy.ru>(30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_79

Введение

Рассматривая будущие перспективы развития экономики в целом и ее общественного сектора, в частности, необходимо отметить, что в оптимистическом сценарии этого развития некоторые исследователи видят переход к новому индустриальному обществу второго поколения, в котором предполагается осуществление таких изменений в экономике, которые повлекут за собой «возникновение качественно новой (более совершенной – прим. автора) системы отношений», именуемой ноономикой [10].

При всей дискусионности рассматриваемых подходов и технологий, описывающих возможное и вероятное движение мирового и отечественного сообщества к новому этапу развития [24], не вызывает сомнения, что в случае перехода к одному из оптимистических вариантов развития-

ноономике [11], следует ожидать существенного прогресса в общественном секторе экономики как в мировом, так и в национальном масштабе.

Но? рассматривая ноономику как идеалистическую картину будущего экономики (желаемый образ будущего), представим наиболее вероятные перспективы развития общественного сектора экономики в ближайшие годы, то есть в условиях вероятных трендов выхода из глобального кризиса 2020-х годов [16].

Цель исследования

Таким образом, целью представленных исследований является выявление наиболее вероятных тенденций развития прогресса общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов, как в мировом, так и отечественном экономическом пространстве.

Методическая база исследований

Методическую базу представленных исследований составили известные научные труды, посвященные исследованию проблем и перспектив развития прогресса общественного сектора в условиях перехода к новой фазе экономического развития таких авторов, как Альпидовская М.Л. [30], Бабкин А.В. [35], Варламова Ю.А. [12], Гараев А.А. [13], Гимаева Э.Р., Вишневская Н.Г. [14], Дьячкова А.В. [15], Ефимова Л.А. [19], Натробина О.В. [25], Погорелова О.Г. [28], Рой О.М. [31] и др.

Методическую базу исследований также составили авторские наработки по теме исследований, получившие отражение в трудах [17,24,32-34].

Основное содержание исследований

Для определения перспектив осуществления прогресс общественного сектора в условиях перехода к ноономике как к желаемому образу будущего в оптимистическом сценарии развития на первом этапе определим сущность и содержание ноономики как явления.

Ноономику (поопоту) в большинстве литературных источников принято рассматривать как разумную экономику. То есть как экономику, влекущую за собой рациональное и эффективное развитие общества в целом.

В этой связи представляет интерес рассмотрение тех аспектов, которые обеспечивают повышение эффективности развития общества за счет перехода к ноономике, выражающееся, в том числе, в прогрессе общественного сектора.

Во-первых, речь идет о развитии общественного сектора экономики в целом.

Во-вторых, речь идет об энерго- и ресурсосберегающих технологиях, которые позволяют более рационально использовать природные ресурсы и улучшить экологическую обстановку на планете.

В-третьих, речь идет о перспективах сокращения экономического и социального неравенства в обществе.

Говоря о развитии общественного сектора экономики при оптимистическом прогнозе развития за исходное положение (точку отсчета) можно принять общественное благо как высшую ценность в системе «идеального государства», провозглашенного Платоном в работе «Государство» [27], где представлена систематизация неидеальных, но реально существующих видов государственного устройства – от лучшего к худшему (рис.1), а также описаны признаки еще не существующего идеального государства (рис.2).

Если спроецировать систему реально существующих видов государственного устройства по Платону, то как отечественная система государственного устройства, так и система государственного устройства многих ведущих стран мира сегодня, хотя и декларируется как демократия (предпоследний из худших видов по Платону), имеет наибольшую степень подобия с тимократией в сочетании с олигархией (см. рис.1).

Это означает, что переход в ближайшие годы к ноономике или иному варианту модели «идеального общества» и соответствующего развития общественного сектора экономики маловероятен.

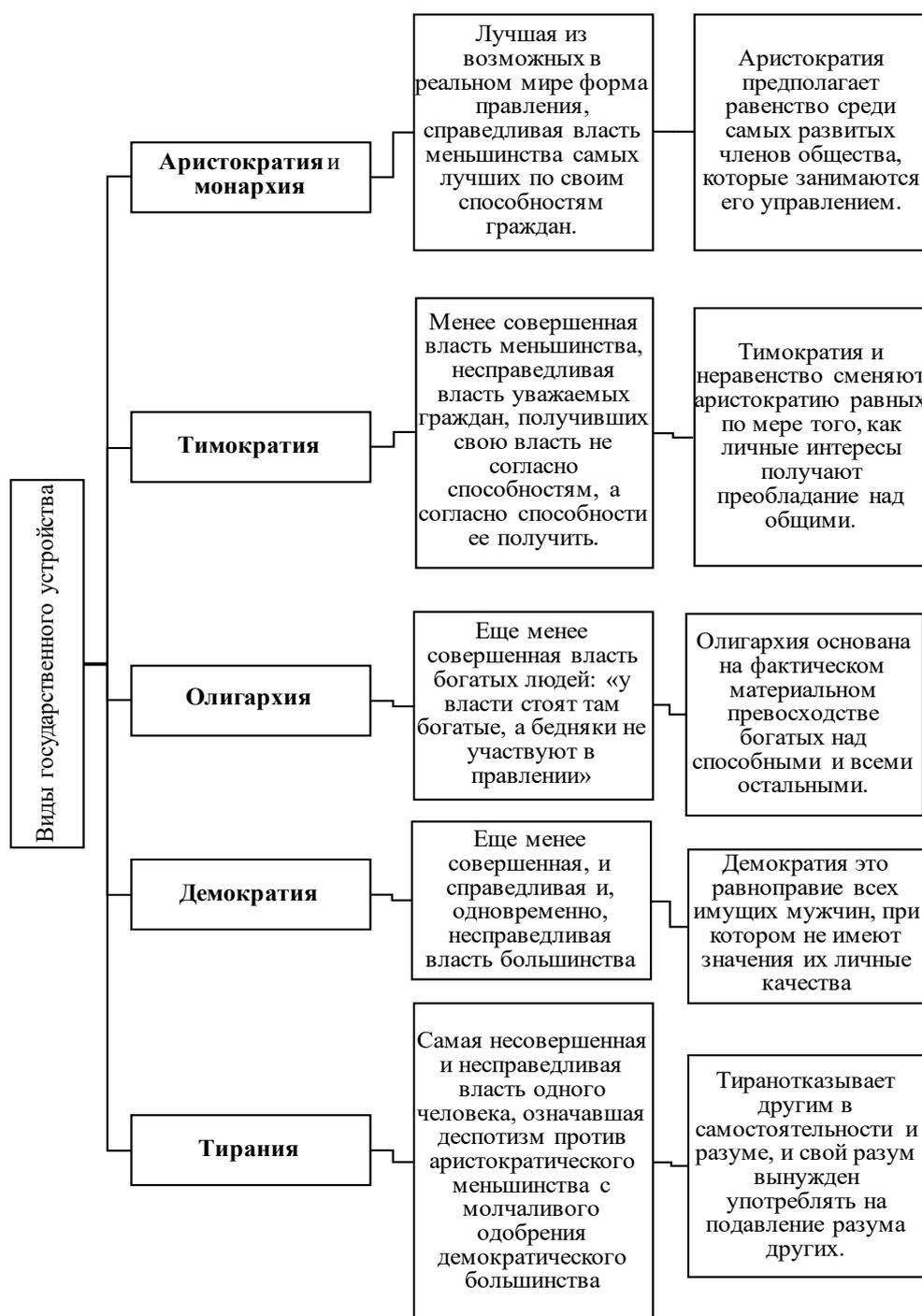

Рисунок 1 - Систематизация неидеальных, но реально существующих видов государственного устройства (от лучшего к худшему), провозглашенная Платоном в работе «Государство»
 Источник: [27].

В этой связи представляет интерес рассмотрение закономерностей реального развития моделей общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления в пределах II-V технологического укладов.

Результаты обобщения эволюции теорий развития общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления в пределах II-V технологического укладов в последние 200 лет представлены в табл.1.

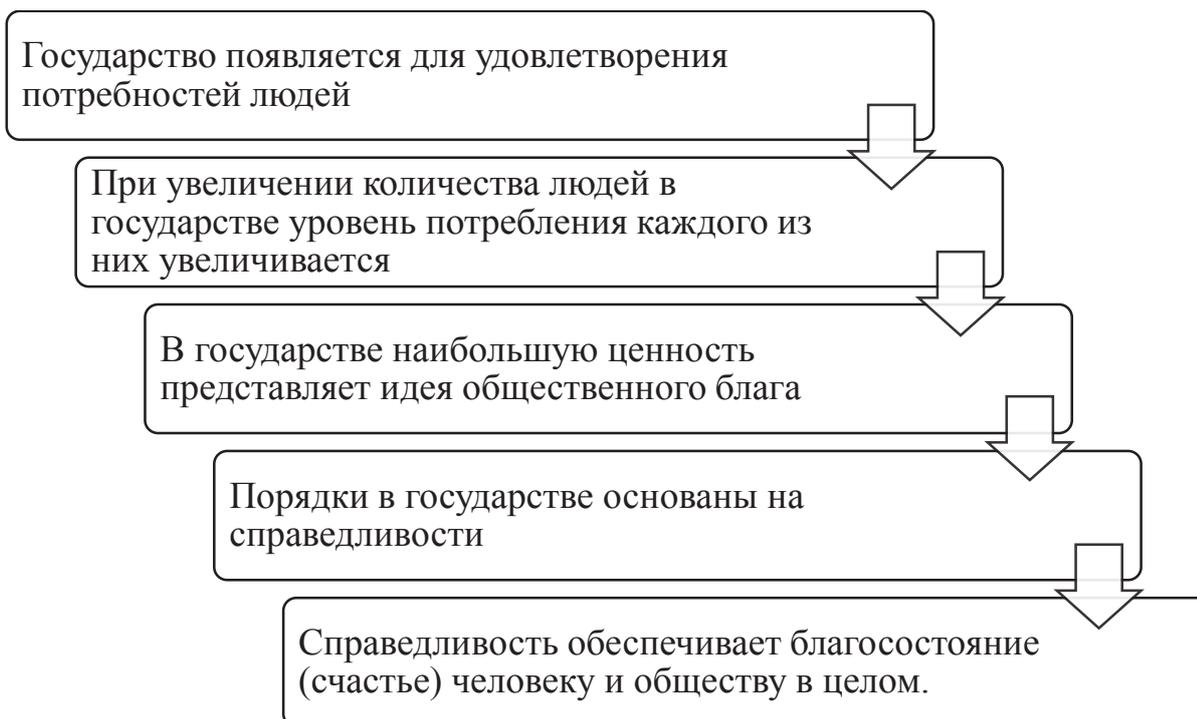

Рисунок 2 - Признаки идеального государства по Платону [27].

Источник: [27].

Таблица 1 - Результаты обобщения эволюции теорий развития общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления в пределах II-VI технологического укладов в последние 200 лет

Период формирования теории	Название теории	Автор теории	Фаза экономической активности
Первая половина XIX века	Теория протекционизма [23]	Лист, Даниель Фридрих	Фаза выхода из мирового экономического кризиса технологической природы в рамках II-го технологического уклада в 1830-е годы
Конец XIX века	Закон постоянного возрастания государственных расходов (закон Вагнера [7])	Вагнер Адольф	Фаза выхода из мирового экономического кризиса технологической природы в рамках III-го технологического уклада в 1880-е годы
Первая половина XX века	Общественный контроль должен быть составным элементом экономического порядка [2]	Кларк, Джон Морис	Фаза выхода из мирового экономического кризиса технологической природы в рамках IV-го технологического уклада в 1930-е годы

Период формирования теории	Название теории	Автор теории	Фаза экономической активности
Середина XX века	Доктрина трех экономик [6]: - доминирующая экономика, - экономика гармонизированного роста, - глобальная экономика	Франсуа Перру	Фаза начала спада экономической активности в рамках IV-го технологического уклада в 1950-е годы
Середина XX века	Теория общественного блага [29]	Пол Энтони Самуэльсон	Фаза начала спада экономической активности в рамках IV-го технологического уклада в 1950-е годы
Середина XX века	Теория прав собственности [22]	Л. Беккер, Р. Коуз, А. Оноре	Фаза начала спада экономической активности в рамках IV-го технологического уклада в 1960-е годы
Первая четверть XXI века	Теория развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху	Авторская теория	Фаза преодоления мирового экономического кризиса технологической природы в рамках перехода от V-го к VI-му технологическому укладу в 2020-е годы

Рассмотрим подробнее результаты обобщения эволюции теорий развития общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления в пределах II-V технологического укладов в последние 200 лет, представленные в табл.1.

Теория протекционизма Ф. Листа (см. блок 1, табл.1), получившая развитие в первой половине XIX века, утверждает, что странам, оказавшимся в текущий период развития мировой экономики в положении догоняющих, целесообразно проводить политику протекционизма, направленную на замещение импорта, осуществляемую до тех пор, пока не достигнут гармоничного равновесия. До этого момента в силу отсутствия в национальной экономике условий для функционирования свободной рыночной экономики предполагается активная роль государства в преодолении экономического отставания от мировых лидеров.

Необходимо отметить, что положения теории протекционизма Фридриха Листа, описанные в его труде «Национальная система политической экономии» [23], получили исходное развитие в фазе выхода из мирового экономического кризиса технологической природы 1830-е годы в рамках второго технологического уклада экономики. Свое дальнейшее развитие теория протекционизма Ф. Листа получила в теориях общественного сектора, сформировавшихся в XX веке и связанных моделями линейных стадий роста. В частности, теория протекционизма Фридриха Листа была использована при формировании юго-восточной и японской теории общественного развития, предполагающих опору на индустриализацию и собственные силы при государственной поддержке человеческого капитала и социальной устойчивости нации при выходе стран юго-восточной Азии из национальных

экономических кризисов.

Рассматривая закон постоянного возрастания государственных расходов А. Вагнера [7], получивший развитие в конце XIX века (см. блок 2, табл.1), необходимо отметить, что его автор сформулировал закономерную связь усиления государственной деятельности с возрастающим ростом финансовых потребностей государства и ростом общественных расходов, соответственно.

Перманентный рост государственных расходов, по мнению А. Вагнера, обусловлен следующими основными причинами [7]:

- во-первых, это причины социально-политического характера, предполагающие существенное расширение с течением времени социальных функций государства, начиная от помощи населению при стихийных бедствиях и катастрофах, и заканчивая формированием и развитием системы пенсионного страхования;

- во-вторых, это причины экономической природы, обусловленные влиянием ускорения научно-технического прогресса, влекущего за собой необходимость увеличения государственных расходов на науку, в первую очередь на фундаментальные исследования, а также на прикладные исследования и коммерциализацию инноваций;

- в-третьих, это причины финансового характера, когда государство для финансирования как планируемых, так и непредвиденных расходов периодически прибегает к выпуску госзаймов, обуславливающих, согласно принципу «увеличения снежного кома», рост размеров госдолга от периода к периоду, а также расходов на его обслуживание (размеров выплат по накопленным процентам).

Необходимо отметить, что Адольф Вагнер впервые отметил получившую развитие в конце XIX века тенденцию перехода от государственной системы, нацеленной на обеспечение порядка, к государственной системе, нацеленной на обеспечение благосостояния общества. При этом А. Вагнер отмечал возрастающую нацеленность государства как на рост благосостояния населения, так и на развитие культуры.

Анализируя перечисленные А. Вагнером направления возрастания государственных расходов, следует обратить внимание на то, что закон постоянного возрастания государственных расходов был сформулирован на основе наблюдения процессов развития экономики в фазе выхода из мирового экономического кризиса технологической природы 1880-е годы в рамках третьего технологического уклада.

Рассматривая теорию общественного контроля как составного элемента экономического порядка Дж. Кларка [2] (см. блок 3, табл.1), сформировавшейся в первой половине XX века, необходимо отметить, что в ней рассматривается компромисс, согласно которому, с одной стороны, необходимо осуществлять государственное регулирование экономики, особенно при выработке антикризисных мероприятий, а, с другой стороны, необходимо принимать во внимание, что государство, представляет собой достаточно «неуклюжий», а подчас и опасный механизм. В этой связи государству должна отводиться ограниченная роль в экономике страны. Для построения «сбалансированного общества» необходимо сочетание частной деятельности с правительственным контролем, что обеспечит равновесие между проявлением свободы личности и вмешательством (ограничением) этой свободы обществом, то есть сбалансировать частные эгоистические и общественные интересы.

Следует отметить, что, являясь одним из основоположников теории олигополии, Дж. М. Кларк принимал активное участие в разработке теории диффузии выгод, согласно которой результаты экономического прогресса должны распределяться равномерно между всеми классами общества. При этом Дж. М. Кларк фактически был первым в новой эре, кто после античных философов поднял вопросы этики в экономической теории. Одновременно, не разделяя теорию совершенной конкуренции как малореалистичную, Дж. М. Кларк предложил концепцию действенной конкуренции, в рамках которой возможно достижение приемлемого уровня общественного благосостояния,

что может являться ориентиром для проведения государственной политики по стимулированию конкуренции.

При этом важно отметить, что теорию общественного контроля как составного элемента экономического порядка Дж. Кларк сформировал в рамках системы государственного регулирования экономики в качестве одного из блоков антикризисных мероприятий [3] в фазе выхода из мирового экономического кризиса технологической природы в рамках IV-го технологического уклада в 1930-е годы.

Рассматривая доктрину трех экономик, предложенную Франсуа Перру [6] (см. блок 4, табл.1), сформировавшуюся в середине XX века и включающую доминирующую экономику, экономику гармонизированного роста и глобальную экономику, необходимо отметить, что исходной предпосылкой является утверждение Ф. Перру о том, что экономика в целом (макроэкономика) не гармонизирована, поскольку каждый из полюсов (сторон участников рынка) действует, в первую очередь, в своих собственных интересах.

Являясь автором теории полюсов роста как центр-периферийной парадигмы в экономике, Ф. Перру отвергал традиционный тезис о равноправии участников рынка, поскольку все экономические агенты первоначально неравноправны и связаны друг с другом отношениями соподчинения, которые формируются по мере укрупнения компаний, внедрения некоторыми из них новых технологий ит.д. При этом общим полюсом для всех экономических агентов является государство, подчиняющее себе все остальные системы (концепция дирижизма – как политики активного вмешательства в управление экономикой со стороны государства, в результате чего формируется большой сектор государственной экономики). Таким образом, отстаиваемая Ф. Перру концепция дирижизма противоположна концепции невмешательства государства в экономику – экономическому либерализму, предполагающему минимизацию государственного регулирования экономики). Те же отношения Ф. Перру распространял и на отдельные государства и территории [6].

Ф. Перру утверждал, что центры принятия управленческих решений в бизнесе и генерирования прибыли, названные Перру «полюсами роста», в ходе своего развития оказывают благоприятное воздействие (производят положительный эффект) на свою периферию, то есть на подконтрольные фирмы и территории их нахождения. Также следует обратить внимание на тот факт, что, формируя свою теорию в фазе начала спада экономической активности в рамках IV-го технологического уклада в 1950-е годы, Ф. Перру понимал, что в этой фазе невозможно решить задачу макроэкономического стимулирования процессов развития национальной экономики государством. В связи с чем политика государственного регулирования экономики должна быть направлена как на создание и поддержку процессов развития полюсов роста, так и на расширение зон их влияния [6] (диффузию областей влияния).

Достаточно широкое распространение в середине XX века получила также теория общественного блага П. Самуэльсона [29] (см. блок 5, табл.1), которая исходит из положения о наличии в государстве некоего экономического пространства, где рынок по тем или иным причинам не срабатывает, то есть проваливается. Поэтому, для устранения провалов рынка в стране необходимо развивать общественный сектор экономики, деятельность которого реализуется через систему общественных благ.

Теорию общественного блага часто принято рассматривать в качестве одной из производных составляющих обоснованной П. Самуэльсоном небесспорной концепции неоклассического синтеза [29], интегрирующей теоретические положения противоречащих друг другу в исходном состоянии (дуалистический подход) неоклассической и кейнсианской школ.

Здесь уместно вспомнить, что затрагивающая микроэкономический уровень развития общества неоклассическая экономическая теория (яркими представителями которой являются Л. Вальрас, У. Джевонс, Дж. Кларк, А. Маршалл, А. Пигу, И. Фишер), сформировалась в период

мирового экономического кризиса 1870-х годов и была посвящена исследованиям поведения так называемого экономического человека (от предпринимателя и наёмного работника до конечного потребителя) с помощью аппарата предельных величин, она продемонстрировала стремление человека максимизировать доход и минимизировать затраты.

Следует отметить, что в рамках неоклассического направления [8] была разработана целая совокупность экономических теорий, в той или иной мере затрагивающих проблемы развития общественного сектора экономики, включая:

- теорию предельной производительности (Ф. Бастиа, Дж. Б. Кларк, Ж.Б. Сей и др.), рассматривающую взаимодействие между производством и распределением результатов производства, в которой под предельным продуктом понимается справедливый уровень дохода, получаемый каждым фактором производства [9];

- теорию общего равновесия (Л. Вальрас, Ж. Дебре, Л. Маккензи и др.), описывающую поведение спроса, предложения и цен на взаимосвязанных рынках и подразумевающую одновременное равновесное состояние на всех этих рынках, когда механизм свободной конкуренции и рыночного ценообразования обеспечивает справедливое распределение доходов и полное использование экономических ресурсов [36];

- теорию благосостояния (А. Пигу, П. Самуэльсон, Дж. Хикс и др.), положенную в основу современной теории государственных финансов и подразумевающую обеспечение общего равновесия в экономике между экономической эффективностью и конечным распределением благ [26];

- теорию рационального ожидания (Дж.Ф. Мут, Р. Лукас, Т. Сарджент, К. Симсон и др.), подразумевающую, что экономические агенты в обществе используют всю доступную им информацию и по сему не совершают систематических ошибок в своих прогнозах (ожиданиях), в отличие от модели адаптивных ожиданий, построенной на асимптоматической адаптации экономических агентов к происходящим рыночным изменениям [1].

Также уместно вспомнить, что согласно кейнсианской школе (школе Дж. М. Кейнса [20]) на макроэкономическом уровне рыночной экономике в целом не свойственно равновесие, способное обеспечить полную занятость трудоспособного населения, что объясняется склонностью населения к сбережению части своих доходов, что приводит к тому, что совокупный рыночный спрос меньше совокупного рыночного предложения. И поскольку естественных путей преодоления склонности населения к сбережению не существует, государство должно регулировать экономические отношения путем воздействия на совокупный спрос, посредством:

- увеличения денежной массы (для стимулирования потребления),
- снижения процентных ставок (для стимулирования роста инвестиционных вложений производителей в производство);
- наращивания заказов на выполнение общественно полезных работ за счет бюджетного финансирования и т.д.

Рассматривая теорию общественного блага П. Самуэльсона как составляющую школы некейнсианской макроэкономической мысли (яркими представителями которой также были Ф. Модильяни и Дж. Хикс), необходимо отметить, что, зародившись в фазе начала спада экономической активности в рамках IV-го технологического уклада в 1950-е годы, под влиянием стагнации в мировой экономике 1960-х годов, и особенно стагфляции в период мирового экономического кризиса 1970-х годов некейнсианская теория была подвергнута не только критике (особенно после работ М. Фридмана [4,5]), но и сомнению ее правомерности как таковой.

Указанный пример наглядно демонстрирует, что любая из теорий развития общественного сектора экономики, сформировавшаяся в рамках систем государственного управления, представленная в табл.1, демонстрирует свою практическую эффективность только на определенной фазе экономической активности (см. столбец 4, табл.1) больших (технологических) циклов Н.

Кондратьева [21].

Рассматривая теорию прав собственности Р. Коуза [22] (см. блок 6, табл.1), сформировавшуюся в фазе начала спада экономической активности в рамках IV-го технологического уклада в 1960-е годы и получившую развитие на протяжении второй половины XX века, необходимо отметить, что указанная теория рассматривает право собственности как санкционированные обществом поведенческие отношения между людьми (группами людей и т.д.) в связи с существованием редких благ и характером их использования. Отметим, что именно в этот период начал формироваться и получил широкое развитие GR-менеджмент как прогрессивная форма управления в системе частно-государственного партнерства [18].

Уместно вспомнить, что теория прав собственности утверждает, что внешние эффекты могут быть трансформированы в эффекты внутренние в процессе переговоров между участниками при условии, что права собственности четко определены, и участники процесса могут ими обмениваться. Рональд Коуз считал, что вмешательство со стороны правительства должно заключаться только в спецификации прав собственности, то есть в создании режима исключительности для отдельного индивида (группы индивидов) посредством определения субъекта и объекта права, набора правомочий, которыми располагает данный субъект, а также механизма, обеспечивающего их соблюдение. При этом под режимом исключительности в данном рассмотрении понимается способность субъекта эффективно исключить других экономических агентов из процесса принятия решения относительно использования исключительного правомочия [22].

Рассматривая перечисленные теории развития общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления (см. блоки 1-6, табл.1), необходимо отметить, что все они были сформированы либо в доиндустриальную, либо в индустриальную эпоху и не учитывают особенности социально-экономического развития общества в современную постиндустриальную эпоху.

В этой связи в представленной работе были сформулированы предложения по формированию теории развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху (см. блоки 7, табл.1), базирующиеся на результатах авторского ретроспективного, текущего и перспективного анализа проблем развития теории потребительского выбора и спроса [33,34].

Проведенные исследования показали, что проблемы развития общественного сектора экономики как на современном этапе, так и в обозримой перспективе связаны с тем, что:

- во-первых, в условиях насыщенного рынка продукции (товаров и услуг) в постиндустриальной экономике, приведшего к доминанте потребителей, сменившей доминанту производителей в условиях ненасыщенного рынка в эпоху индустриализации, существенно возросло число факторов, определяющих потребительский спрос и формирующих общественный сектор экономики;

- во-вторых, процесс развития общественного сектора экономики существенно усложняет ускорение научно-технического прогресса, сопряженное с сокращением жизненного цикла продукции и технологий их производства (создания);

- в-третьих, в эпоху постиндустриальной экономики по сравнению с индустриальной эпохой фактически произошла инверсия рыночного объема услуг и материальной продукции. В соответствии с принципом В. Парето 20%/80%, если в эпоху индустриальной экономики соотношение материальной продукции и услуг составляло 80% на 20%, то в эпоху постиндустриальной экономики соотношение стало 20% на 80%. Указанное обстоятельство способствует развитию общественного сектора экономики;

- в-четвертых, поскольку в результате большинство услуг, основанных на информационных технологиях, многие из предоставляемых услуг стали носить неосязаемый характер, то это, безусловно, осложнило и сам процесс потребительского выбора, и процессы его исследования в рамках развития общественного сектора экономики. Во многом указанное осложнение обусловлено ростом уровня асимметрии информации о предлагаемой продукции (товарах и услугах);

- в-пятых, предпринимаемые на уровне национальных экономик попытки локализовать влияние кризиса путем «вливания» в экономику (в одних странах – в компании, например, в России, в большинстве других стран - населению) значительного объема не обеспеченных («вертолетных») денег, как это было в период пандемии, неминуемо приведет к осложнению выхода из кризиса всей мировой экономики, и негативно скажется на развитии общественного сектора экономики.

Основные характеристики факторов, определяющих теорию развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху на современном этапе приведены на рис.3.

Рисунок 3 - Основные характеристики факторов, определяющих теорию развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху на современном этапе.

Источник: составлено автором

Учитывая основные характеристики факторов, определяющих теорию развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху на современном этапе, можно предположить, что развитие общественного сектора экономики в фазах преодоления и выхода из мирового экономического кризиса технологической природы в 2020-2030-е годы в рамках шестого технологического уклада экономики будет связано:

- с расширением спектра потенциальных товаров и услуг, которые могут быть предоставлены

в общественном секторе экономики. С одной стороны, это расширяет спектр потенциальных вариантов развития общественного сектора экономики. С другой стороны, расширение спектра потенциальных вариантов развития общественного сектора экономики затрудняет практический выбор товаров и услуг, удовлетворяющий требования подавляющего большинства членов общества в условиях кастомизации продукции (товаров и услуг);

- с ускорением научно-технического прогресса, означающим сокращение жизненного цикла товаров и услуг. С одной стороны, это позволяет быстрее адаптировать процессы развития общественного сектора экономики к запросам общества. С другой стороны, ускорение научно-технического прогресса усложняет процессы развития общественного сектора экономики, отвечающие требованиям рационализации сектора, адекватно запросам общества;

- с инверсией рыночного объема услуг и материальной продукции в пользу первых (с соотношения 20% на 80% рыночного объема по В. Парето к соотношению 80% на 20%). С одной стороны, это позволяет существенно расширить возможности предоставления услуг при развитии общественного сектора экономики, осуществляемом при активном участии государства. С другой стороны, инверсия рыночного объема услуг и материальной продукции в пользу первых в постиндустриальной экономике усложняет процессы обеспечения качества предоставления этих услуг;

- с тем, что большинство услуг, основанных на информационных технологиях, стали носить неосязаемый характер. С одной стороны, это позволяет, существенно упростить, ускорить и нарастить объемы предоставляемых услуг. С другой стороны, неосязаемость технологий усложняет процесс и достоверной оценки обществом качества предоставляемых услуг в результате роста асимметрии информации о ней между стороной, предоставляющей эти услуги в рамках общественного сектора экономики и стороной, получающей эти услуги – населением;

- со стремлением государств на уровне национальных экономик преодолеть последствия «вливания» в экономику в период кризиса 2020-го года значительных объемов, не обеспеченных «вертолетных» денег. С одной стороны, это стремление представляется весьма ожидаемым с точки зрения движения в сторону сбалансированности объемов товарной и денежной массы (напомним, что к концу 2020 года совокупный мировой долг сравнялся с величиной валового внутреннего продукта). С другой стороны, преодоление последствий «вливания» в экономику в период кризиса 2020-го года значительных объемов, не обеспеченных «вертолетных» денег, очевидно, будет осуществляться за счет роста цен на товары и услуги, в первую очередь предоставляемых в общественном секторе экономики, а также существенной переоценкой (вплоть до «обнуления») существенной части рыночных активов.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, проведенные исследования по выявлению наиболее вероятных тенденций развития прогресса общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов, как в мировом, так и отечественном экономическом пространстве, позволили получить следующие результаты.

При определении перспектив осуществления прогресс общественного сектора в условиях перехода к нооэкономике (разумной экономике) как к желаемому образу будущего в оптимистическом сценарии развития установлено, что если спроецировать систему реально существующих видов государственного устройства по Платону, то как отечественная система государственного устройства, как и система государственного устройства многих ведущих стран мира сегодня, хотя и декларируется как демократия, имеет наибольшую степень подобия с тимократией в сочетании с олигархией.

Это означает, что переход в ближайшие годы к нооэкономике или иному варианту модели «идеального общества» и соответствующего развития общественного сектора экономики маловероятен.

Рассмотрение закономерностей реального развития моделей общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления в пределах II-VI технологического укладов показало, что это развитие происходило под влиянием:

- теории протекционизма Ф. Листа в первой половине XIX века,
- закон постоянного возрастания государственных расходов А. Вагнера в конце XIX века,
- теории общественного контроля как составного элемента экономического порядка Дж. Кларка в первой половине XX века,
- доктрины трех экономик Ф. Перру в середине XX века,
- теории общественного блага П. Самуэльсона в середине XX века,
- теории прав собственности Р. Коуза во второй половине XX века.

Впервые на основе анализа теорий развития общественного сектора экономики в последние 200 лет показана их связь с фазами экономической активности в рамках больших (технологических) циклов Кондратьева Н.Д., означающая высокую степень продуктивности практического использования положений рассмотренных теорий только на ограниченном интервале времени в рамках определенных фаз больших циклов экономической активности.

Поскольку все перечисленные теории развития общественного сектора экономики в рамках систем государственного управления были сформированы либо в доиндустриальную, либо в индустриальную эпоху и не учитывают особенности социально-экономического развития общества в современную постиндустриальную эпоху, в представленной работе были сформулированы предложения по формированию теории развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху (а именно в 2020-2030-е годы), базирующиеся на результатах авторского ретроспективного, текущего и перспективного анализа проблем развития теории потребительского выбора и спроса.

С учетом основных характеристик факторов, определяющих теорию развития общественного сектора экономики в постиндустриальную эпоху на современном этапе, сделано предположение о том, что развитие общественного сектора экономики в фазах преодоления и выхода из мирового экономического кризиса технологической природы в 2020-2030-е годы в рамках шестого технологического уклада экономики будет связано:

- с расширением спектра потенциальных товаров и услуг, которые могут быть предоставлены в общественном секторе экономики;
- с ускорением научно-технического прогресса, означающим сокращение жизненного цикла товаров и услуг;
- с инверсией рыночного объема услуг и материальной продукции в пользу первых (с соотношения 20% на 80% рыночного объема по В. Парето к соотношению 80% на 20%);
- с тем, что большинство услуг, основанных на информационных технологиях, стали носить неосязаемый характер;
- со стремлением государств на уровне национальных экономик преодолеть последствия «вливания» в экономику в период кризиса 2020-го года значительных объемов, не обеспеченных «вертолетных» денег.

Представляется, что именно стремление государств преодолеть последствия «вливания» в экономику в период кризиса 2020-го года значительных объемов, не обеспеченных «вертолетных» денег, окажет наиболее существенное влияние на развитие общественного сектора экономики в ближайшие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Charles C. Holt, Franco Modigliani, John F. Muth, and Herbert A. Simon (1960). Planning Production, Inventories, and Work Force.

2. Clark J.M. Preface to Social Economics. — New York: Farrar & Rinehart, 1936.
3. Clark J.M. Strategic Factors in Business Cycles. — New York: National Bureau of Economic Research, 1934.
4. Milton Friedman. Money and economic development, 1973.
5. Milton Friedman. The Role of Monetary Policy. 1967.
6. Perroux F. L'Europe sans rivages.— Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1954. p.859.
7. Wagner A. Grundlegung der politischen Ökonomie. Part 1, vol. 1. 3rd edn. - Leipzig: Winter, 1892.
8. Блауг М. Неоклассическая теория денег, процента и цен. // Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – с.586-606. – XVII, 627 с.
9. Блауг М. Теория предельной производительности. // Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – с.396-397. – XVII, 627 с.
10. Бодрунов С.Д. Ноономика. Монография. – М.: Культурная революция, 2018. – 432с.
11. Бодрунов С.Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития. // Известия Уральского государственного экономического университета. №1, 2019, с.5-12.
12. Варламова Ю.А. Экономика общественного сектора: Конспект лекций / Ю.А. Варламова; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2014. – 62 с.
13. Гараев М.М. Общественный сектор экономики России и перспективы его развития // Экономический журнал ГУУ, №10, 2005, с.9-15.
14. Гимаева Э.Р., Вишневецкая Н.Г. Перспективы развития общественного сектора экономики. // Современные технологии в мировом научном пространстве. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 6 частях. 2017. С. 110-112.
15. Дьячкова, А. В. Экономика общественного сектора: [учеб. пособие] / А.В.Дьячкова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 166 с
16. Егорова А.А., Тебекин А.В., Тебекин П.А. Выбор подхода к формированию стратегии, обеспечивающей выход из глобального социально-экономического кризиса 2020 года. // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 5(65). — С. 44-67. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
17. Егорова А.А., Тебекин А.В., Тебекин П.А. Технологические трансформации XXI века как индуцирующий вектор перехода к новому качеству производства. // Теоретическая экономика. 2021. №1(73). С. 42-53.
18. Егорова А.А., Тебекин А.В., Тебекин П.А., Динамика развития прикладных направлений менеджмента. // Транспортное дело России. 2019. №4. С. 11-16.
19. Ефимова Л.А. ЭКОНОМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2013. – 90 с.
20. Кейнс, Джон Мейнард. Общая теория занятости, процента и денег [Текст] / Дж. М. Кейнс; [пер. с англ. Гребенников и др.]. - Москва: ЗАО «Бизнеском», 2013. - 402 с.
21. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики.— 1-е изд.—М., 1928.— 287с.
22. Коуз Р.Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера.— М.: Дело ЛТД, 1993.— 192 с.
23. Лист, Фридрих. Национальная система политической экономии: [пер. с нем.] / Фридрих Лист. - М.: Европа, 2005. - 382 с.
24. Митропольская-Родионова Н.В., Тебекин А.В., Хорева А.В. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ НООНОМИКИ. // Теоретическая экономика. 2021. №3(75). С. 59-70.
25. Натробина О.В. Экономика общественного сектора: учебное пособие / О.В. Натробина. — М.: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. — 234 с.

26. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. – М.: Прогресс, 1985. В 2-х томах.
27. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. Ч.1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007.—752 с.
28. Погорелова О.Г. Общественный сектор в трансформационной экономике России. // Экономический вестник Ростовского государственного университета, Том5, №3-2, 2007, с. 265-268.
29. Пол А. Самуэльсон, Вильям Д. Нордхаус. Экономика: Пер. с англ. — М.: «БИНОМ», «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. — 800 с.
30. Проблемы социально-экономического развития России в условиях смены геоэкономической парадигмы: монография / М.Л. Альпидовская, С.А. Толкачев, Д.П. Соколов, А.М. Цикин; под общ. ред. М.Л. Альпидовской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. - 287 с.
31. Рой О.М. Проблемы формирования экономики общественного сектора в российских регионах. // Вестник Омского университета. Серия: экономика. 2003, №2, с.45-48.
32. Тебекин А.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ. // Теоретическая экономика. 2020. №1(61). С. 11-28.
33. Тебекин А.В. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА И СПРОСА. // Теоретическая экономика. 2020. №10(70). С. 11-27.
34. Тебекин А.В. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА И СПРОСА. // Теоретическая экономика. 2020. №9(69). С. 10-26.
35. Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – 658 с.
36. Чечулин В.Л., Черепанов Ю.А., Курыгин А.А. Экономическое равновесие (структуры и модели): монография. ПГНИУ. – Пермь, 2018. – 180 с.

Prospects for the development of the public sector of the economy in the context of overcoming the global crisis of the 2020s: world and national aspects

Tebekin Alexey Vasilyevich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor,

Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry, Moscow, Russian Federation.

e-mail: Tebekin@gmail.com

Annotation. The prospects for the development of the public sector of the economy in the context of overcoming the global crisis of the 2020s are analyzed. The results of the analysis of the characteristics of noonomy as a new state of a reasonable economy, which can be embodied in reality within the framework of the sixth technological stage, are presented. When analyzing the prospects for the development of the public sector of the economy in the context of overcoming the global crisis of the 2020s and the potential construction of noonomics, the types of government of Platon, including the ideal state, in which the public good is the highest value, are taken as the basis. Based on the analysis of the characteristics of non-ideal, but actually existing types of state structure according to Platon, influencing the development trends of the public sector of the economy, the state structure of the leading countries of the world, including Russia, is described according to the degree of maximum similarity. For the first time, on the basis of the analysis of theories of the development of the social economy in the last 200 years, their connection with the phases of economic activity within the framework of large (technological) cycles is shown. The main vectors of the formation of the public sector of the economy in the phase of overcoming the technological crisis of the 2020s are demonstrated. The article highlights the progressive and regressive components of the development of the public sector in the transition to a new phase of economic development as a result of its ongoing technical, technological and socio-economic transformations. The features of the predictive development of the public sector in the national economy are demonstrated.

Keywords: development prospects, public sector of the economy, exit conditions, global crisis of the 2020s, world aspect, national aspect

Эквилибристика статистических индикаторов социально-экономического развития страны и региональных систем

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

E-mail: morskaya67@bk.ru

Аракелян Сергей Мартиросович

доктор физ.-мат. наук, профессор,

ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия.

E-mail: arak@vlsu.ru

Аннотация. В данной работе обсуждается роль науки статистики в качестве как анализа и рекомендаций для властей по социально-экономическому развитию страны, так и по существующей практике обслуживания властей разного уровня в требуемом формате по оптимистическому сценарию. Приводится специфика математических методов теории вероятности, приложения статистических методов и моделирования с возможными некорректными выводами при неправильном использовании результатов статистических исследований, которые могут приводить к кардинально ошибочным выводам при определении траектории развития сложных социально-экономических процессов разного масштаба.

Ключевые слова: статистика; социально-экономическое развитие; вероятностные нелинейные процессы; выборка фрагментарных данных статистических исследований.

JEL codes: A14, C12, C15, C44

Для цитирования: Альпидовская, М.Л. Эквилибристика статистических индикаторов социально-экономического развития страны и региональных систем / М.Л. Альпидовская, С.М. Аракелян. - DOI 10.52957/22213260_2022_1_94. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.94-110. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_79

Введение

Статистика – это наука в целом, а по определенным направлениям – фундаментальная наука с явным выходом в прикладные исследования. Однако, ею часто манипулируют определенные структуры на разных уровнях – от конкретных фирм и организаций до госорганов с целью выполнения целевых заказов определенных социальных групп и политических структур. Поскольку материалов на эту тематику очень много, и она меняется ежедневно, то разумно, для примера, мы взяли цифровые данные на какую-то фиксированную дату: мы остановились на 19 ноября 2021 – символический День Преподавателей высшей школы (с 2021г) и Всемирный день гражданина (с 1999 г.).

В этом и состоит трагедия статистики, которая превращается (особенно, в настоящее время в России) – из объективного научно-прикладного направления для поддержки принятия стратегических управленческих решений на разном уровне власти, а в целом – определения траекторий социально-экономического развития государства, – в обслуживающую власть сферу услуг под конъюнктурные и популистские ее интересы по разным направлениям. Статистику обязывают ловить и обосновывать каждый «вздох» власти.

В настоящей статье обсуждается ряд принципиальных для нашей федеративной страны

показателей и индикаторов, по которым якобы оцениваются успешные и неуспешные регионы в универсальном единообразии независимо от того, где есть нефть, газ, алмазы и стоящие за ними соответствующие олигархи с общими объемами огромных денежных доходов, их финансовой карты без ясной классификации по конкретным номинациям. Хороший пример этому – Москва, где уже практически отсутствуют высокотехнологичные сектора промышленности, а развита сфера услуг и развлекательного бизнеса с тотальным расположением офисов и управленческих структур, ведущих свою деятельность по всей территории России. Такого исключительного положения столицы нет ни в одной стране в мире – ср., например, с США с их столицей г. Вашингтон – это с одной стороны, а с другой – как бурно развивался такой штат как Техас, будучи ранее отсталым регионом до того, пока там не была обнаружена нефть. А в это время мэр Москвы высказал такое утверждение, что Москва конкурирует не с другими городами России (что было бы естественно в цивилизованной стране), а с Нью-Йорком [1]. По-видимому, мэру невдомек, что Нью-Йорк не является столицей США... Но, к счастью, на днях (в начале ноября 2021 г.) он заявил, что не надо, как планировалось, организовывать в Москву поездку гастарбайтеров из зарубежных стран бывшего СССР [2] с неясной ковидной историей, а требуется призывать народ из регионов России [3]. Только неплохо было бы спросить его про статистику, на какую работу он планирует принять этих граждан из разных регионов страны. По-видимому, на ту работу за которую «истинные москвичи» (на самом деле – в значительной степени (пусть статистика и определит) обосновавшиеся ранее приезжие) не берутся. Знаковый факт: во время обучения на машиниста поезда метро, слушатели будут получать ежемесячную стипендию в 30 тысяч руб., – и это для учеников машиниста. Пусть уважаемые власти Москвы, которые сами когда-то прибыли из регионов, поедут в эти самые регионы и расскажут, как жирует «государство в государстве» – Московия. И жирует – именно за счет регионов, не производя практически ничего сама, а все завозит из-за рубежа.

А закончить данное введение к статье мне бы хотелось знаменитой фразой знаменитого человека (премьер-министра Великобритании (1941-1945 гг.) и мирового авторитета на протяжении десятков лет Уинстона Черчилля), которая очень актуальна для нас сейчас: «Только та статистика надежна, которую сфальсифицировали вы сами» [4].

Материал настоящей статьи организован следующим образом. В разделе 1 речь идет об индикаторах и показателях для подтасовки благоприятного представления социально-экономического развития регионов и «компетентности» властей. В разделе 2 кратко рассмотрен ряд математических основ, алгоритмов анализа и исследований некоторых явлений в рамках объективной классической статистики, которые надо уметь правильно использовать. В разделе 3 обсуждаются вопросы достижимости геополитических интересов России в современных экономических условиях.

Лукавые индикаторы и показатели для подтасовки благоприятного представления социально-экономического развития регионов и «компетентности» властей

Сравнительный анализ успешности различных регионов – уже сама универсальная постановка этой проблемы вызывает много вопросов для таких разных регионов, находящихся в разных климатических условиях и (так важных для нашей страны) ресурсных возможностей – производится по ряду якобы значимых индексов и показателей, которыми можно манипулировать под целевой функционал различных госструктур и их руководителей.

По существу данного предмета рассмотрения и проводимых статистических исследований необходимо обозначить следующие блоки.

Современная классическая статистика, тем более для таких сложных многофакторных процессов как социально-экономическое развитие систем разного масштаба и уровня со значительным влиянием политических мотивов и конъюнктуры, не может обойтись без серьезных разделов теории вероятностей и математической статистики с обязательным физическим моделированием нелинейных

процессов с обратной связью для динамических систем в условиях существенных неопределенностей и конкурентных взаимоотношений. Это подходы должны основываться на достижениях как нелинейной динамики для разных режимов развития систем по пространству и времени, включая область фрактальных объектов [5], так и квантовых технологий с их принципиальной дискретностью, вероятностным описанием, неопределенностью при совместном действии ряда ключевых параметров системы, но прогнозируемым достижением требуемого конечного результата [6]. При этом этот требуемый конечный результат для состояния системы определяется процедурой и алгоритмами его получения в ландшафте других возможных, часто сильно отличающихся, конечных состояний. Стратегический вопрос – как управлять этими процессами, и в какой степени это можно делать

Принципиальное значение, особенно при адресном фиксировании для системы желаемых/ожидаемых индикаторов и показателей в различные моменты времени, является постулат, что динамическую систему нельзя описывать по стационарным значениям параметров в различные последовательные моменты времени без учета бесконечно малой их окрестности. Это хорошо было известно в древние времена (так называемые парадоксы Зенона, когда, например, Ахилл никогда не сможет перегнать черепаху) [7]. Но, к сожалению, современным интерпретаторам результатов истинно статических исследований и/или самим обслуживающим их статистикам это, по-видимому, не известно и/или не соответствует их конъюнктурным и необоснованным, но популистским обещаниям/стремлениям. Особенно это характерно для нынешних российских политиков и подстраивающихся, к сожалению, под их соцзаказ статистиков.

Для обеих этих групп объективная картина не нужна, а необходима наукообразная эрзац-поддержка по сути неадекватных, если не сказать прямо глупых, принимаемых социально-экономических решений с их иногда катастрофическими последствиями, но с манипулированием общественным сознанием для страны в целом и отдельного человека.

Такое зомбирование населения в определенных, часто политических конъюнктурных и мотивированных под определенными цели и интересы, в частности, олигархических структур, ассоциированных с властью как на отдельных территориях, так и на федеральном уровне, представляет большие риски и угрозы для экономической независимости страны и ее национальной безопасности. Здесь важно также отметить, что если нам кажется, что власти принимают какие-то непонятные решения и/или глупые, то на самом деле за этим стоят большие деньги и большого масштаба лоббирование в определенных интересах.

Мы не будем в настоящей краткой статье фокусироваться на истинно научно-методических подходах и методах, на которых и должны основываться ответственные политики и статистики – это требует отдельного научного обсуждения. Приведем лишь ряд примеров из существующей практики по конкретным событиям, учитывая их общественную значимость (ссылки на них легко найти в интернет-ресурсах). Опустим также дискуссию о «highly likely» явно уголовно наказуемых фальсифицированных действиях, например, когда по недавно проведенной переписи населения число респондентов оказалось больше числа жителей России с жалкими объяснениями этого абсурда ответственными властями или еще хуже, когда по процедуре е-голосования на последних выборах в Думу, оказывается можно было переголосовать таким продвинутым е-гражданином. Интересно, а те, кто голосовал «живьем», могли прийти и покопаться в урнах для голосования, чтобы найти свой бюллетень и переоформить его? Сюда же можно отнести и планы по созданию генетической БД для жителей России (и кто предложил – Роснефть!). Это что, для подтверждения «характера» (как в известном фильме) – нордического и чистого арийца, беспощадного к врагам (не будем говорить, кого...). И тоже, наверное, с QR-кодом. Но неплохо бы сначала разобраться, как устроена генетическая медицина сегодня и для каких целей и/или каких служб годится этот предлагаемый сервис с большими базами деликатных данных. Главная проблема здесь – когда человека лишают права самостоятельно рассуждать и принимать решения. Это сейчас очень характерно для тотального

давления на людей со стороны масс-медиа по указке властей. Здесь уже не такая безобидная ситуация (как опять в известном фильме) – «не купят лотерейные билеты – газ отключим». Также, и фактически это реализуется, ситуация с принудительной вакцинацией и лишением непривитых людей работы и зарплаты, а для сомневающихся в вакцинации врачей – введение уголовного наказания. Где же здесь традиционная в этой сфере хотя бы примитивные врачебная тайна и требование лечить конкретного больного, а не болезнь – об этом уже давно никто не говорит, хотя именно это входит в личную компетенцию и ответственность врача, который, если и сомневается, то стимулирует организацию консилиума в закрытом режиме без публичного обсуждения в масс-медиа.

Однако, ряд принципиальных направлений для предмета исследований методами статистики будет рассмотрен в следующем разделе.

Математические основы, алгоритмы анализа и исследований явлений в рамках объективной классической статистики

В принципе статистика должна быть реальным аппаратом для получения ценной информации на основе объективных данных, чтобы далее превратить эту информацию в знания. В случае наличия объективной базы достоверных данных здесь эффективным может быть использование искусственного интеллекта – в частности, многослойных нейросетей. Они должны быть обучены на этой начальной баз достоверных данных для дальнейшего предсказательного моделирования и прогноза развития событий при наличии соответствующих исходных состояний исследуемой системы. И речь идет не столько о получении средних значений и их погрешностях для параметров в соответствующих динамических процессах при изменении начальных данных и выборе управляющих параметров, а о проверке гипотез ожидаемых последствий при принятии управленческих решений – и не только по социально-экономическим, но и геополитическим для страны направлениям.

Но даже эта простая схема статистики абсолютно не используется в нынешнем потребительском отношении властей к независимости статистических исследований. А как еще интерпретировать сравнительно недавнее подчинение Росстата Минэкономразвитию [8]. Деятельность этого министерства и должен по статусу мониторить Росстат и заставлять его прислушиваться к рекомендациям, прогнозам и/или хотя бы трендам и тенденциям, которые получаются в результате статистических исследований и данных, собранных Росстатом. Здесь же все происходит наоборот – Росстат вынужден подтверждать якобы правильность и мудрость принимаемых решений Минэкономразвития. Не корректировать их и заставлять исправлять на основе неблагоприятной статистики грубые ошибки властей (а они тотально происходят – достаточно оценить второстепенную роль экономики России в мировой экономике), а оправдывать любые их «капризы».

Примитивный анализ регрессий сразу позволяет это выявить наряду с проверкой гипотез и методов максимального правдоподобия (с графическими представлениями и гистограммами). При этом необходимо использовать различные типы статистик и ряд специальных статистических распределений (как это реализуется, например, в физике) для конкретных процессов и взаимодействий с классификацией объектов и субъектов в них, а также анализом, что первично, а что вторично, и какова номенклатура интересантов и бенефициаров внедряемых процессов.

В этом аспекте современные методы ИКТ-подходов и высокопроизводительных вычислений с использованием мощного ПО и средств автоматизации/визуализации результатов проведенных статистических исследований дают исключительные возможности для анализа, моделирования и прогноза. При этом необходимо использовать корреляционные подходы и определять неформальные связи между ключевыми параметрами в привлекаемых моделях, учет которых может приводить к кардинальному изменению конечного результата в условиях нелинейного динамического процесса, да еще со скачками в стохастической системе. Здесь существует ряд теорем, позволяющих управлять процессами в заданном направлении при наличии априорной корректной информации, но их надо

адаптировать под конкретные системы. В этом и состоит искусство науки.

Особая роль при этом принадлежит выявлению марковских (без памяти) и немарковских (с последствием) процессов и их трансформации в зависимости от внешнего воздействия.

Мы не будем останавливаться на хорошо известных статистических закономерностях, (см., например, [9]), но приведем ряд простых примеров и демонстраций, которые могут парадоксально исказить ход реальных процессов (полбеда, если бы от незнания, но гораздо хуже, – когда целенаправленно, с требуемым результатом) из-за примитивного представления об использовании подходов теории вероятности и математической статистики [10]. Но эти методы требуют своей отдельной схемы и ниши рассмотрения, а также профессиональных компетентных исследователей. Сам этот подход совсем не является одним из разделов экономической теории и ее сервисов с соответствующим менеджментом для реализации задач управления, оперирующим различными регулярными понятиями экономического уклада и разных систем и форматов строя с его действующими фазами и моделями.

Нижеприводимые примеры легко переложить на события разной природы и характера с неправильными по сути выводами, но которые кем-то востребованы для подтверждения выбранного им для определенных целей и результатов, а реально – под свои собственные интересы.

Когда речь идет о болезнях (очень актуально сейчас при COVID-19), то статистика независимых событий приводит к явному абсурду в следующей ущербной логике: врач говорит больному – вы болеете очень плохой болезнью: из 10 заболевших 9 умирают, но вы не расстраивайтесь – до вас уже приходило 9 человек и все они умерли. Такая ситуация вполне подходит к концепции коллективного иммунитета. А ведь на 19.11.2021 уровень коллективного иммунитета уже превысил 50% [11] и далее растет, но без успеха в решении пандемийной проблемы (статистика по опыту «продвинутых» стран это подтверждает), хотя еще год назад все было не так трагично без проводимых массовых прививок и большого числа переболевших людей, которые должны обладать иммунитетом.

Часто ошибки (если не говорить озлому мысле) в оценке уровня кризисных ситуаций («достижение дна») связаны с законом больших чисел – Бернулли, например, при большом числе попарно равновероятных двух разных событий. Действительно, иногда кажется, что, если неблагоприятные события происходят много раз в этой паре, то далее должно наступить благоприятное событие (как в играх на автоматах в Лас-Вегасе). Но здесь важно, что понятие «равновероятное» относится ко всему ансамблю событий, а не только к его одной части. Это так называемая сходимости по вероятности. Именно она может приводить к упадку общества на фоне радужных перспектив ожиданий благодействования на далеких горизонтах решения проблем в десятки лет – из-за якобы глобального потепления климата, преимуществ зелёной энергетики, опасного карбонового следа и других подобных научно-необоснованных сентенций с руководством к действию от «компетентных» властей для всеобщего процветания людей в универсальных условиях на перспективу.

В этом аспекте принципиальная роль принадлежит центральной предельной теореме, когда асимптотическое распределение различных независимых функций от случайных аргументов стремится к нормальному распределению. Это относится к недееспособности и отсутствию системного подхода для властей разного уровня, принимающих подчас хаотические непродуманные решения, например, в таком больном вопросе как пенсионная реформа.

Очень поучительна задача с итоговым неблагоприятным (по сути явления) событием по множеству испытаний, когда благоприятное событие все же может реализовываться, но только при малых числах испытаний. Поэтому подчас вредно проводить разные обширные управленческие новации и массовое законотворчество в больших масштабах при проигрышной/ошибочной стратегии в итоге игре – при объективно существующей настройке системы на неблагоприятные/неясные в итоге результаты без учета внешних условий. Это по истории нашей страны в 90-ые годы – тотальная приватизация, бегство государства из разных сфер экономики, раболепие перед западом и т.д.

Здесь еще важны абсолютные цифры, а не просто относительные проценты, когда редчайше событие может иметь по его представлению большой процент, если сам набор этих редчайших событий ничтожен. Именно так выстроен такой лукавый параметр как индекс промышленного роста от ранее достигнутого результата для сравнительной практической оценки эффективности экономики отдельных регионов страны, где слаборазвитые регионы могут вдруг «выпрыгнуть» со своего предыдущего «мизерного» уровня.

Часто совершается ошибка, когда независимые события происходят из неизвестного события с большим (бесконечным) числом значений и с неким неизвестным управляющим параметром. Тогда считается, что реализуемая последовательность этих событий будет стремиться к этому неизвестному (но позитивному по желанию принимающего решение субъекта) событию. Но это не всегда верно, и может привести к неправильной стратегии для выбранного сценария развития системы. Сюда вполне можно отнести иллюзии по глобализации мировой экономики и мифических благ для нашей страны в связи с этим, когда в стране можно ничего не производить из обрабатывающих отраслей – якобы все купили при финансовом благополучии. Такая вот торгашеская государственная психология...

Очень много нелепостей происходит из мнения, что уравнивание противоположных значений и отклонений «в среднем» приводит к одному фиксированному значению – например, такие несовместимые факторы как прибыль и социальные обязательства бизнеса. В экономике это может способствовать не только стагнации, но и провалу с катастрофическими последствиями, в том числе и в политической ситуации, что может послужить и основой и для «цветных революций». В физике это называется фазовыми переходами.

Аналогично, когда доминантой служит такой популярный метод уменьшения влияния ошибок измерения как метод наименьших квадратов, который на самом деле применим только в случае нормального распределения ошибок. Но это часто не так из-за различных возможных корреляций и/или систематических отклонений, когда надо уже решать задачу оптимизации по максимальной вероятности – для минимизации ошибок. В условиях «ручного управления» такие управленческие решения в разных сферах в условиях случайного блуждания и гипотетического времени ожидания могут приводить к катастрофе как в политическом аспекте внутри страны и за ее пределами, так и в функционировании экономики страны в целом и по отдельным отраслям.

С одной стороны, для открытых коррелированных систем влияние даже слабой внешней причины может приводить к существенному сбою существующей корреляции. С другой стороны, в общем случае утверждение таково: некоррелированность двух событий не следует понимать как их независимость (вспомним мировой кризис 2008 г. возникший из-за ипотеки всего лишь по проблемам одного банка). В определенных случаях, все определяется случайной величиной и развитием одного из событий, происходящего хотя и с конечной дисперсией, но с симметричным относительно нуля распределением, которое может занулять корреляцию. Именно такие процессы характерны для открытого общества и открытой экономики в условиях конкуренции, уничтожающие собственные геополитические интересы России и ее экономической независимости в ландшафте мировых процессов, регулируемых элитами внешнего происхождения – и необязательно другими государствами, а сейчас – даже отдельными монополистическими группировками, например, ИКТ-происхождения, с цифровой начинкой и виртуальными объектами.

Для функционального соотношения между случайными событиями, характерного для регрессии, увеличение числа параметров регрессии приводит с одной стороны, к более точному согласию наблюдаемого события с его моделью, но с другой стороны – при этом возрастает и дисперсия оценок параметров. Поэтому в целом оценки становятся менее устойчивыми и надежными. Система может восприниматься неадекватно, как например происходит с надеждами на всемогущество приватизации и искусственного интеллекта.

Очень актуально сравнение «среднего» и «типичного», например, в задаче определения средней

зарплаты населения в стране. При наличии незначительного числа очень богатых семей и на фоне большинства бедных, чьи доходы кардинально различаются, то арифметическое среднее их доходов ясно, что нетипично. В этом случае более реалистичной считается – и удобная для властей – медиана доходов, т.е. это такой доход, когда число людей с большим доходом равно числу людей с меньшим доходом. Ясно, что данная планка выбранного таким образом дохода затушёвывает колоссальную несправедливость в обществе.

С точки зрения построения социально-ориентированного государства важное значение являет проблема обратимости и необратимости процессов развития и их порядок/последовательность реализации. В этом аспекте усреднения, производимые на определенном этапе для обратимых процессов, прерывают возможность их возвращения к первоначальному состоянию и/или развитию и определяют доминирующие тенденции дальнейшего развития и/или стагнации, но уже на новых исходных уровнях. Так тотальная бездумная приватизация привела в России к процветанию олигархических структур, поддерживаемых властями, за счет остального населения страны, и эти процессы идут уже 30 лет, и возможно, точка эволюционного возврата уже пройдена. Процесс может идти непрерывно сам по себе, но без возможности его корректировки и контроля во временном масштабе (в математике – это класс непрерывных функций, но недифференцируемых; в физике – броуновское движение). Так могут развиваться и эпидемии, например, COVID-19. Мы также моделировали эти процессы с помощью диффузных процессов и клеточных автоматов, и отдельно анализировали условия возникновения фрактальных/дендритных структур – всплесков эпидемии его разным (случайным) территориям одновременно. Это верно, тем более, в условиях цифровой сетевой экономики и непрофессионального (в общегосударственном аспекте социального государства) менеджмента, с упованием на искусственный интеллект, которому ни в коем случае нельзя давать принимать управленческие решения – приоритет должен быть постоянно за человеком соответствующей квалификации и интуиции на основе его практической профильной деятельности и опыта.

Выше были затронуты лишь простые вопросы статистических исследований, и даже не анализировались принципиальные требования масштабируемости статистического распределения и мультипликативной свертки для разных комбинаций случайных событий для выявления реализуемых закономерностей в многопараметрических системах, например, при взаимодействии в нашей стране центра и регионов. Более глобальные задачи и следствия для многофакторных систем и динамики их развития, к которым и относятся социально-экономические процессы, должны опираться на достижения квантовых технологий и стохастической нелинейной динамики с достоверными числовыми исходными параметрами и алгоритмами управления в заданном направлении. Это отдельная фундаментальная сфера, и мы также не будем ее также рассматривать в настоящей статье.

Геополитические интересы России в современных экономических условиях

В условиях нынешней сложной ситуации в экономике России (санкции, потеря ряда позиций в миропорядке, неразвитость перерабатывающих отраслей, неэффективный менеджмент, коррупция и др.), а главное – паранойя с COVID-19. Она усугубляет все эти проблемы, да еще в условиях непрозрачных статистических данных, достоверность которых вызывает много вопросов. Это происходит на ландшафте противоречивых заявлений разного ранга чиновников – то ли панических, то ли успокоительных – в условиях отсутствия доказательной медицины. Результат – эти действия властных структур и обслуживающих их функционеров только пугает людей и нагоняет на них страх, да еще на фоне недееспособности и бесполезности ВОЗ. Потому целесообразно остановиться на этом вопросе отдельно.

Сначала некоторые статистические данные, которым, по-видимому, можно верить – это

информация от авторитетного института Johns Hopkins (хотя он и выполняет, по нашим правилам, функции иностранного агента), который ежедневно их приводит по разным странам [12]. Их любопытно сравнить между собой, поскольку наш официоз очень ревниво относится к данным по другим странам с акцентом на том, что там все намного хуже и жестче вводимые ограничения.

Так, за год в мире всего заболело 256170823 человека, умерло 5134631 чел., т.е. 1.9%; число вакцинированных и переболевших за год – 7609 806524. Теперь возьмём только данные по людям для США, Италии, Австрии, Китая и России (эти страны склоняются у нас с разной целевой интерпретацией под заказные цели по всем масс-медиа), но сейчас – только по числу заболевших и летальных исходов (см. Табл.1)

Таблица 1 – Число заболевших и умерших в США, Италии, Австрии, Китая и России

В год \ Страна	США	Италия	Австрия	Китай	Россия
число заболевших	47531 381	4893 887	1011 465	110 899	9099 253
число умерших	768 697	133 034	11 903	4 849	256 669
процент умерших по отношению к заболевшим	1.6%	2.7%	1.1%	4.3%	2.9%

Источник: составлено авторами

Таким образом, анализ должен идти не только по проценту умерших, но и по абсолютному числу заболевших. Для такой страны как 1.5-миллиардный Китай в год заболело всего 110899 чел., в то время как в 148-миллионной России – почти в 100 раз больше заболевших и в 50 раз больше умерших, но процент летальных исходов формально у нас ниже. Удивительные данные для манипулирования цифрами в фрагментах. Здесь еще надо упомянуть Австрию, где влияние антипрививочников (у нас их приравнивают почти к уголовникам) якобы очень велико [13]. Здесь уместно, нам кажется, напомнить о талидомидовой трагедии в Западной Европе и других странах (45 стран) 60 лет назад из-за ошибки фармацевтов /бизнеса, которые сделали инвалидами тысячи детей, когда их матери по рекомендации «специалистов» принимали якобы безобидные и полезные лекарства – талидомид – для облегчения родов [14]. Совершенно катастрофична для современной России демографическая ситуация, когда смертность существенно превосходит рождаемость [15]. И COVID-19 здесь не причём. Эта тенденция продолжается уже многие годы, и сильно отличается в худшую сторону от цивилизованных стран.

Даже по весьма усеченным цифрам Табл.1 видно, что данными статистики можно манипулировать, взяв отдельные ее фрагменты. О происхождении вируса этой пандемии мы говорить не будем, хотя здесь есть и для статистики вопросы. Один из них, почему никогда и нигде обычно очень щепетильные летописцы об этом не писали. Но сейчас принципиально, что в России в один день 19.11.2021 г. умерло 1254 чел. [16]. А в это

время – в отсутствие доказательной медицины по COVID-19, «подписанты» (не будем говорить, кто эти наглые врачебные субъекты-политики под покровительством властей/бизнеса) – предлагают проводить возмутительные/преступные экскурсии по «красным зонам» и умирающим людям [17]. До этого даже не додумывались в концентрационных лагерях... Хотя именно с подачи этих доносчиков – подобных подписантов – людей отправляли на Колыму.

Пора открывать новое «дело врачей». Этих подписантов хочется спросить – вы что наделали своим глупым оскорбительным письмом – открыли поиски врагов народа? Совершенно не принимаются во внимание (и лишают их трибуны для выступлений) мнения таких различных, но со своими взглядами, знаковых людей как Заместитель Секретаря Общественной палаты Российской Федерации, кардиохирург Бокерия Л.А., председатель Счетной палаты РФ Кудрин А.Л., заместитель председателя Госдумы Толстой П.О., политолог Кургиян С.Е., телеведущий Кучера О. А. и многие

другие, включая лидеров двух фракций в Госдуме.

Другой миф совсем из иной сферы (но в том же формате), который внедряется в сознание людей России (по-видимому, с подачи ряда олигархов), о якобы экономическом содержании нами Республики Беларусь. Опять очень ревниво об этом говорится, поскольку в Беларуси вся высокотехнологичная промышленность работает в отличии от нас; да еще по ряду направлений (например, по калийным удобрениям, возможно бензину и др.) Беларусь успешно конкурирует с Россией.

Действительно, посмотрим на данные по странам СНГ, в которые инвестирует Россия [18] (см. Рис.1).

Рисунок 1 – В какие страны СНГ инвестирует Россия [18]

Источник: РБК, 2021

Но, что-то многочисленные «говорящие головы» по ТВ не упрекают Казахстан и Узбекистан, что они живут за счет России. Более того, с Узбекистаном обсуждается дача им в аренду наших с/х земель, да и планировалась организация поездов в Москву с гастарбайтерами (и это в условиях пандемии!).

Любопытно посмотреть и на структуру самых популярных отраслей для таких прямых инвестиций (Рис.2) [18]. Высокотехнологичные сектора промышленности здесь не фигурируют...

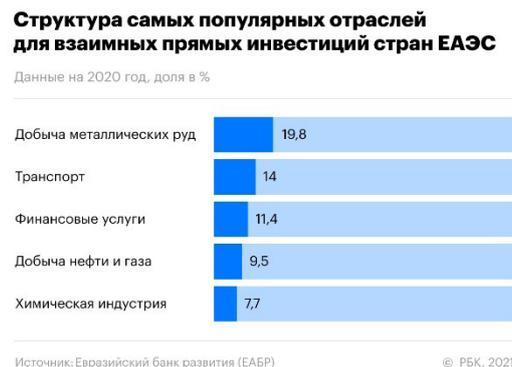

Рисунок 2 – Структура самых популярных отраслей [18]

Источник: РБК, 2021

Интересно в связи с этим сравнить структуру и место экономик Беларуси и России в мире.

Достаточно отметить, что по экономике в целом в 2021 году – Россия уже далеко не авторитетная в мире страна, не говоря уже об уровне и качестве жизни населения – она на 67 месте, а Беларусь – на 60-ом месте [19].

Здесь неплохо бы провести параллель по численности населения (2021 г.) [20]. Налицо двойные стандарты: когда Россию сравнивают с Китаем, и в этом видят причину отсталости нашей экономики

от их экономики. А как же быть при сравнении России со Швецией?

Сама же Беларусь – среднеразвитое индустриально-аграрное государство; страна обладает развитыми сельским хозяйством и машиностроением. Значительная часть продукции этих отраслей экономики экспортируется (0.17 % мирового товарного экспорта, 32.93 млрд долл.) [21]. Так что, миф о выгодности только для Беларуси союзного государства не основан на фактах – и по статистике, и по состоянию высокотехнологичных секторов экономики.

А мы с нашими олигархами и их картельными сговорами с «новыми» нашими монетаристскими друзьями типа Саудовской Аравии, Катара и др. еще непрерывно давим на Беларусь из-за нефти, газа (продаем ей, кажется, по цене выше, чем в Европу, не говоря уже о Китае), да еще с налоговым маневром. А ведь Беларусь намного успешнее нас по их переработке и конечным нефтепродуктам с их экспортом. Но отечественные профильные олигархи очень болезненно относятся, например, к успехам Беларуси на калийном мировом рынке и в других сферах. При этом странно – то, что Китаю прощается, Беларусь за это «прессуют».

Российские олигархи, добытчики недр и стальные, и калийные короли и др., по-видимому, много сделали для нанесения даже политического вреда нашим белорусским братьям и дестабилизации обстановки из-за своих монетаристских извращений, пока их не остановила верховная власть страны. Эти самые «патриотичные» олигархи даже в Крыму не реализуют свой бизнес из-за боязни западных санкций, но требуют активной позиции от Беларуси в этом вопросе.

Сейчас в эти непростые и усиливающиеся санкционные времена для Беларуси Россия вместо публичного активного противодействия западу, проявляет непонятную выдержку – как будто Россию это уберезит от подобных мероприятий даже при наличии Турецкого потока и Северного потока-2 по газу. В нынешних санкционных условиях для наших стран мы, тем более, должны сотрудничать без монетаристских замашек олигархов.

В этом аспекте можно только приветствовать нынешнюю высокую активность руководства России и Беларуси в отношении планов по резкому усилению совместного развития инфраструктуры и приоритету высокотехнологичных секторов промышленности. Например, крупнейшим взаимно выгодным инвестиционным проектом является строительство Белорусской АЭС [22]. И это – улица с двусторонним движением, как и вопросы национальной безопасности на западном направлении.

Далее, хочется спросить, откуда взялся миф о неэффективности госсобственности (даже в сфере ОПК) и госуправления в экономике и в ее отраслях, особенно пропагандируемые сейчас в России. Наша собственная история, России и Беларуси в СССР, разве не убеждает, что мы играли ключевую экономическую роль в мире с множеством искренних наших друзей. В этом аспекте хороший пример для России дает экономика Беларуси, где на сегодняшний день функционируют практически все предприятия, которые действовали на ее территории в СССР. В России же – нет.

Союз с Беларусью – это в нынешних условиях мировой экономики является этюдным ходом (как бывает в шахматах), когда можно найти те единичные ходы, в которых развитие может происходить скачком с реализацией механизма – «перегнать, не догоняя» другие страны в конкурентном мире. Такие достижения у России и Беларуси есть; особенно, по наукоемким технологиям будущего в новых конкурентных мировых нишах.

Речь идет об общих принципах реализации совместных проектов с рядом ведущих образовательных и научных центров Республики Беларусь, включающих поддержку тесных партнерских связей с Институтами НАН Беларуси и предприятиями реального сектора экономики. По мировому опыту (например, США) для венчурных наукоемких проектов высокие прибыли обеспечивает только 25% проектов; без фактического запланированного результата по заявленному изделию остаются 15% проектов [23]. Но считается, что это есть задел на будущее в аспекте создания научно-конструкторской инфраструктуры и приобретённого опыта для конкурентных НИОКР-разработок. У нас за такие 15% сажают...

Среди совместных проектов и инициатив, кроме традиционного сотрудничества по лазерным технологиям и нанотехнологиям, приоритетной является, например, реализация научно-технических направлений в области цифрового суверенитета Союзного государства во всех его аспектах для разработки на новых физических принципах элементов и систем микро- и наноэлектроники на базе достижений квантовой нанофотоники низкоразмерных топологических наноструктур разного композиционного состава. Акцент должен быть сделан на таких принципиальных блоках в современной мировой конкурентной среде как создание нейроморфной архитектуры фотонного процессора и разработка уникальных квантовых технологий. В последнем случае коммерческим продуктом, уже реализуемым в Союзном государстве и конкурентным на мировом рынке, являются квантовые инфокоммуникационные системы на базе достижений квантовой информационной теории с реализацией протоколов квантовой криптографии. Дальнейшую перспективу имеет также создание квантовых компьютеров на новых физических принципах, являющееся горячей точкой современных мировых приоритетов как на государственном уровне, так и в деятельности крупных мировых ИКТ-компаний, работающих в условиях жесткой конкуренции по всему миру.

России неплохо бы поучиться у Беларуси как вести хозяйство (в т.ч. и в важных для нас условиях «ручного управления») в целях достижения достойного места страны в мировой экономике и построения истинно социально-ориентированного государства для всех жителей страны, а не только для олигархов и обслуживающих их структур разного уровня. В этом русле находятся последние правительственные решения о сотрудничестве России и Беларуси [24].

Это поднимает еще одну принципиальную проблему – доверие жителей страны к его руководству. Данная проблема – долгий разговор, но об этом же фактически можно судить даже по важному стратегическому вопросу для экономики страны как перепись населения (первая декада ноября 2021 г.) – сошлемся на мнение такого уважаемого авторитета как Сергей Глазьев [25] о неблагоприятной ситуации по ее процедуре проведения...

Заключение

Некоторые полезные для нашего обсуждения данные официальной статистики.

Удивительно, что в России пополнение бюджета ПФР будет проведено за счет средств коррупционеров [26]. Это какие же объемы денег проходят через наших коррупционеров?

Фактура же состоит в том, что 7 из 10 россиян называют свое материальное положение трудным, поскольку их семейный доход не позволяет удовлетворить основные потребности [27].

Увеличение МРОТ и прожиточного минимума, которое сейчас обсуждает

ГосДума – интегральная цифра смотрится солидно, но увеличение приблизительно на

1 тыс. руб. на человека вряд ли кардинально изменит ситуацию с бедностью. При этом никак не могут ввести систему мажоритарных налогов для наших олигархов, и не только для них. Статистика же здесь удручающая по реальному состоянию по сравнению с имеющимися перспективами на благо страны и исходя из мирового опыта (его наши руководители используют как-то выборочно только по некоторым вопросам...).

На этом фоне трагично, что как показал опрос, доля желающих уехать из России студентов ИТ-специальностей составила 53% [28], и это в условиях тотальных отечественных планов внедрения цифровизации во все сферы жизни. Не спасают здесь и широко разрекламированные для молодежи стартапы в России, оценка которых в России ниже западных проектов на принципиальной стадии их укрупнения, с которой и должна быть связана эффективность их деятельности в итоге [29]. Одним машинным обучением и интернетом вещей тут не обойтись, а также планируемым тотальным введением в вузы более 300 новых специальностей с акцентом на цифровизации [30], как будто научно-образовательная сфера в России находится на нуле и не имеет истории.

Только фундаментальные науки и образование, нормальное школьное образование и

благополучие высшей школы может создать экономику знаний в России, которой надо обучать молодежь длительное время, а не толкать их в блоггеры. При этом обязательная и неотъемлемая часть достойного места России в мире – развитие обрабатывающих отраслей в экономике и высокотехнологичных секторов промышленности.

Реализация данного плана возможна в современной России только при взаимодействии и сотрудничестве наукоёмкого бизнеса с научно-образовательной сферой в рамках государственно-частного партнерства. Механизмом для этого может служить Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства», продолжающееся уже многие годы. При этом первые 3 года вуз/институт РАН проводит НИОКТР в содружестве с бизнесом, который в последующие 5 лет осуществляет коммерциализацию полученных достижений. Но только надо ограничить вакханалию с проверками от разных ведомств и фискальных служб с учетом специфики именно венчурного производства, о чем мы говорили выше, иначе бизнес воспринимает эти госсубсидии как «токсичные»...

В заключение хотелось бы вернуться к проблеме, которая уже 2 года приводит к трагедии по всему миру – COVID-19, в аспекте предмета исследования этого явления статистикой. Очень кратко. Есть ли ответ, почему, несмотря на массовую прививочную компанию и огромное число переболевших людей за это время, происходят вторичные заболевания, а число смертей в России сейчас резко возрастает, хотя такого не было в период до прививок (год назад, когда эпидемия уже бушевала). «Вирус мутирует» – нам говорят. Тогда вопрос – а почему он мутирует? Статистика может дать очень простой ответ с цифрами – даже для антибиотиков прием этих лекарств нельзя долго осуществлять – это вредно для человека, а микробы приспосабливаются к антибиотикам. Так и хочется сказать – мутируют. Это – первое.

Второе, – теперь от физиков-химиков. Есть такой принцип Ле-Шателье [31]: равновесная система всегда препятствует всякому внешнему воздействию и, хочется добавить, – приспосабливается к нему.

Дальше, стоит ли продолжать эти прививки, на которые выделяются огромные финансовые средства, но ни тренды и ни тенденции снижения болезни и смертности не происходят. Может, лучше статистика определит бенефициаров с их доходами в конкретных цифрах по временным промежуткам по данному направлению? Полезно еще посмотреть, как оказалось, прогнозный на 14 лет вперед фильм «Вторжение» (2007 г., с Николь Кидман) с предсказательной моделью нынешней ситуации по пандемии с поиском эликсира здоровья (в фильме – эликсир счастья) в условиях репрессий к неподчиняющимся.

Неплохо бы также статистически (и не только – но и по закону) оценить пользу и/или вред от введения нерабочих дней якобы, чтобы прервать цепочку путей распространения коронавируса. Неужели кто-то всерьез думает, что в свободные дни кто-то будет сидеть в изоляции и/или будет травиться алкогольным суррогатом. Более того, уже на следующий день после объявления об «отдыхе» были раскуплены все выездные билеты в морские страны с неясной ковидной историей. И что будет, когда эти люди вернуться – новые цепочки со смертями образуются мгновенно. По-видимому, наши чиновники, ответственные за COVID-19, подустали, и им надо было расслабиться по своим точкам пребывания... Преступно, что при этом они не говорят, что по официальным данным Росстата в России до всякого ковида умирало 5000 чел. в день [32]. Они же никуда не делись, но были изгнаны из больниц и поликлиник... Вот, где надо поднимать панику и призывать к ответственности (почему бы нашим подписантам не сделать новое письмо по этой проблеме – а то 2 года преступно молчат).

Еще раз об удивительном предложении руководителя Роснефти (!) о создании базы данных полноценных последовательностей Россиян, которые будут располагаться (успокой!) на серверах в России [33]. При этом на первом этапе речь идет о 100 тысячах добровольцах. С точки

зрения статистики не понятно, для чего это нужно. Не хочется дальше обсуждать эту инициативу, но на память опять к месту приходит известная фраза из известного фильма: «Истинный ариец; характер – нордический, выдержанный; с товарищами по работе поддерживает хорошие отношения; безукоризненно выполняет свой служебный долг...». Еще один очень позитивный эпизод, но странный по источнику инициативы данного факта – о необходимости отмены ЕГЭ как вредного явления. Но об этом говорит почему-то председатель Следственного комитета РФ Бастрыкин [34]. По-видимому, наконец-то поняли нарушение закона по сути в этом мероприятии – и по содержательной части качества образования, и по теневым доходам созданной целой индустрии. Статистика здесь же совершенно прозрачная...

Вот такая ситуация с так нужной нам статистикой, но управляемой – и под надзором властей... А неплохо бы посчитать, опираясь на данные статистики, что, во-первых, чтобы обеспечить достойной пенсией (100 тыс. руб. в месяц) каждого ветерана/бойца войны нашим долларовым миллиардерам надо было бы пожертвовать своим доходом всего за несколько десятков минут в месяц (на 01.04.2021 г.), а сейчас (люди умирают) – не более десяти минут (на 25.11.2021 г.). Во-вторых, – практически все эти олигархи подходят под действие статьи 2.1 закона об иностранных агентах. Вот бы об этом развернуть общенациональную дискуссию с привлечением правоохранительных органов и депутатов Госдумы.

Еще более трагично, что наши олигархи думают только о своих доходах, но никак ни о расходах на безопасность шахт и других ресурсных объектов с добычей ископаемых их недр Земли, в результате чего гибнет масса людей и наносится большой экологический вред – и людям, и природе.

И в заключение то, о чем было сказано в начале статьи – об эквилибристике статистики. Особенно это сильно проявляется в настоящее время в вопросе о сравнительной эффективности вакцин разного типа – статистика здесь явно нерепрезентабельна и не достоверна, но зато бизнес – патриотичен. Далее, из другой сферы. В Госдуме функционирует мнение о необходимости обеспечения молодых семей отдельными однокомнатными квартирами; наверное, будут объявлены интегральные цифры по количеству квартир с общим тоннажем квадратных метров, но когда интересуешься абсолютными цифрами, то оказывается, что на одну молодую семью предполагается однокомнатная квартира в 9 кв. м. в людских муравейниках [35]. Вот бы, где развернуться статистике – о бедности молодежи и перспективе жизни в разных социальных группах и регионах России по креативной (а не блоггерски-развлекательной жизни). Но и для «взрослых» есть проблемы: Минтруда предлагает новую методику оценки бедности в России [36] – для ее статистической ликвидации, что ли? По-видимому, комментарии излишни ...

В итоге данной статьи можно сослаться на наши работы [37-39], где в той или иной степени затрагиваются все вопросы, которые мы обсуждали в едином комплексном подходе с учетом как вопросов моделирования процессов распространения динамических нелинейных явлений разной природы, так и экологических аспектов в условиях пандемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ya62. Рязанский портал [Электронный ресурс]: Собянин: Москва конкурирует не с Рязанью, а с Нью-Йорком, Лондоном и Парижем/ официальный сайт. https://ya62.ru/news/society/sobyenin_moskva_konkuriruet_ne_s_ryazanyu_a_s_nyu_yorkom_londonom_i_parizhem/ (дата обращения: 23.11.2021)

2. RG.ru [Электронный ресурс]: Мигрантов будут возить на стройки на чартерных поездах/ официальный сайт. <https://rg.ru/2021/09/02/migrantov-budut-vozt-na-strojki-na-charternyh-poezdah.html> (дата обращения: 23.11.2021)

3. МК.ru [Электронный ресурс]: Собянин призвал заменить дворников-мигрантов на россиян/ официальный сайт. <https://www.mk.ru/social/2021/11/25/sobyenin-prizval-zamenit-dvornikovmigrantov-na-rossiyan.html> (дата обращения: 25.11.2021)

4. Цитаты Инфо [Электронный ресурс]: Афоризмы Уинстона Черчилля/ официальный сайт. <https://citaty.info/man/uinston-cherchill> (дата обращения: 23.11.2021)
5. Рабинович М.И., Трубецков Д.И. Введение в теорию колебаний и волн. Москва: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит. 1984. 432 с.
6. Липецкая М.С. Развитие квантовых технологий: основные направления приложения научных усилий. Санкт-Петербург: Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад». 2017. 23 с.
7. Cyberleninka.ru [Электронный ресурс]: Сафонова Н.В. К апориям Зенона / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-aporiyam-zenona> (дата обращения: 23.11.2021).
8. РБК.ру [Электронный ресурс]: Путин передал Росстат в ведение Минэкономразвития/ официальный сайт. <https://www.rbc.ru/economics/04/04/2017/58e365649a7947227fb18d3b> (дата обращения: 23.11.2021)
9. Хорстхемке В., Лефевр Р. Индуцированные шумом переходы: теория и применение в физике, химии и биологии. Москва: Мир. 1987. 400 с.
10. Худсон Д. Статистика для физиков. Москва: Мир. 1970. 295 с.
11. РИАновости. [Электронный ресурс]: Уровень коллективного иммунитета в России превысил 50 процентов/ официальный сайт. <https://ria.ru/20211119/immunitet-1759813157.html> (дата обращения: 23.11.2021)
12. RT на русском. [Электронный ресурс]: Welt: всему виной антипрививочники — канцлер Австрии объявил о введении всеобщего локдауна и обязательной вакцинации/ официальный сайт. <https://russian.rt.com/inotv/2021-11-20/Welt-vsemu-vinoj-antiprivivochniki-> (дата обращения: 23.11.2021)
13. Johns Hopkins University (JHU) [Электронный ресурс]: Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) / официальный сайт. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 19.11.2021)
14. Life.ru [Электронный ресурс]: Талидомидовая трагедия 60 лет назад. Ошибка фармацевтов сделала инвалидами тысячи детей/ официальный сайт. <https://life.ru/p/1340476> (23.11.2021)
15. Инфографика [Электронный ресурс]: Демографическая политика: соотношение и статистика рождаемости и смертности по России/ официальный сайт. <https://infografics.ru/all/rozhdmost-i-smertnost-v-rossii/> (дата обращения: 23.11.2021)
16. Дума. Интернет-портал [Электронный ресурс]: Статистика по заразившимся на 19 ноября 2021 года / официальный сайт. <http://duma.gov.ru/news/52766/> (дата обращения 23.11.2021)
17. РИА новости [Электронный ресурс]: Известные врачи предложили противникам вакцинации посетить красную зону/ официальный сайт. https://ria.ru/20211124/zona-1760451622.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1637844405000 (дата обращения 24.11.2021)
18. РБК.ру [Электронный ресурс]: Инвестиции России в бывшие страны СССР оценили втрое выше официальных / официальный сайт. <https://www.rbc.ru/economics/18/11/2021/6194f9809a79475080bec69f> (дата обращения 23.11.2021)
19. Basetop.ru [Электронный ресурс]: Рейтинг стран мира по уровню жизни 2021 [Интернет ресурс] / официальный сайт. <https://basetop.ru/rejting-stran-mira-po-urovnyu-zhizni-2021/> (дата обращения 09.08.2021 г.)
20. Chislennost.com [Электронный ресурс]: Список стран мира по численности населения [Интернет ресурс] / официальный сайт. https://chislennost.com/ru/list_of_countries_by_population.html (дата обращения 09.08.2021 г.)
21. Википедия [Электронный ресурс]: Экономика Белоруссии [Интернет ресурс] / официальный сайт. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B

8%D0%B8 (дата обращения 09.08.2021 г.)

22. ТАСС [Электронный ресурс]: Лукашенко рассказал, когда будет введен в промышленную эксплуатацию второй блок БелАЭС [Интернет ресурс] / официальный сайт. <https://tass.ru/ekonomika/11797221> (дата обращения 09.08.2021 г.)

23. Bankiros.ru [Электронный ресурс]: Что такое венчурные инвестиции [Интернет ресурс] / официальный сайт. <https://bankiros.ru/wiki/term/wikf-venshurnyje-investicii> (дата обращения 09.08.2021 г.)

24. RG.ru [Электронный ресурс]: Союз России и Беларуси: Утверждены 28 союзных программ. / официальный сайт. <https://rg.ru/2021/11/08/soiuz-rossii-i-belarusi-utverzhdenu-28-soiuznyh-programm.html> (дата обращения: 25.11.2021)

25. Глазьев.ру [Электронный ресурс]: Сергей Глазьев: Никто из моих знакомых не участвовал в переписи / официальный сайт. <https://glazev.ru/articles/163-zajavlenija/96475-sergey-glaz-ev-nikto-iz-moikh-znakomykh-ne-uchastvoval-v-perepisi> (дата обращения: 23.11.2021)

26. РИА новости [Электронный ресурс]: Путин одобрил закон о пополнении ПФР за счет средств коррупционеров/ официальный сайт. <https://ria.ru/20211119/pfr-1759793993.html> (дата обращения: 23.11.2021)

27. РБК [Электронный ресурс]: Семь из десяти россиян назвали свое материальное положение трудным/ официальный сайт. <https://www.rbc.ru/economics/19/11/2021/6196262a9a7947ae23974abf> (дата обращения: 19.11.2021)

28. РБК [Электронный ресурс]: Опрос выявил долю желающих уехать из России студентов ИТ-специальностей/ официальный сайт. https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/11/2021/61966d549a7947d03a054ebb (дата обращения: 19.11.2021)

29. РБК [Электронный ресурс]: Эксперты объяснили оценку стартапов из России ниже западных проектов/ официальный сайт. https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/11/2021/619662d69a7947cbacf1bc90 (дата обращения: 19.11.2021)

30. Минобрнауки. Официальный портал. [Электронный ресурс]: Более 300 новых специальностей появится в российских вузах благодаря программе «Приоритет 2030» / официальный сайт. https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=43783 (дата обращения: 24.11.2021)

31. Elementy.ru [Электронный ресурс]: Принцип Ле Шателье/ официальный сайт. https://elementy.ru/trefil/21158/Printsip_Le_Shatele (дата обращения: 23.11.2021)

32. Статистика и показатели. Региональные и федеральные. [Электронный ресурс]: Статистика смертности по данным Росстат/ официальный сайт. <https://rosinfostat.ru/smertnost/> (дата обращения: 26.11.2021)

33. РИА новости [Электронный ресурс]: В России создадут базу геномов/ официальный сайт. <https://ria.ru/20211117/genom-1759485041.html> (дата обращения: 23.11.2021)

34. РБК [Электронный ресурс]: Бастрыкин назвал ЕГЭ пыткой для молодежи и предложил его отменить/ официальный сайт. <https://www.rbc.ru/society/23/11/2021/619ce0d39a794724b788912c>. (дата обращения: 23.11.2021)

35. Вести. ру [Электронный ресурс]: В России наметился бум на микроквартиры. Утро России. Мнение председателя Комитета Госдумы РФ по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству Сергея Пахомова/ официальный сайт. <https://www.vesti.ru/video/2360595> (дата обращения: 25.11.2021)

36. RG.ru [Электронный ресурс]: Минтруд предложил новую методику оценки уровня бедности в России/ официальный сайт. <https://rg.ru/2021/11/26/mintrud-predlozhit-novuiu-metodiku-ocenki-urovnia-bednosti-v-rossii.html> (дата обращения: 26.11.2021)

37. Альпидовская М.Л., Трифонова Т.А., Бухаров Д.Н., Аракелян С.М. Уроки пандемии и перезагрузка общества в условиях тотального психоза и без юридического обоснования ограничительных мер: отсутствие доказательной медицины и предсказательного моделирования (часть 1) // Образова-

ние и право. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroki-pandemii-i-perezagruzka-obschestva-v-usloviyah-totalnogo-psihoza-i-bez-yuridicheskogo-obosnovaniya-ogranichitelnyh-mer> (дата обращения: 07.12.2021).

38. Альпидовская М.Л., Трифонова Т.А., Бухаров Д.Н., Аракелян С.М. Уроки пандемии и перезагрузка общества в условиях тотального психоза и без юридического обоснования ограничительных мер: отсутствие доказательной медицины и предсказательного моделирования (часть 2) // Образование и право. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroki-pandemii-i-perezagruzka-obschestva-v-usloviyah-totalnogo-psihoza-i-bez-yuridicheskogo-obosnovaniya-ogranichitelnyh-mer-1> (дата обращения: 07.12.2021).

39. Альпидовская М.Л., Трифонова Т.А., Бухаров Д.Н., Аракелян С.М. Уроки пандемии и перезагрузка общества в условиях тотального психоза и без юридического обоснования ограничительных мер: отсутствие доказательной медицины и предсказательного моделирования (часть 3) // Образование и право. 2021. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroki-pandemii-i-perezagruzka-obschestva-v-usloviyah-totalnogo-psihoza-i-bez-yuridicheskogo-obosnovaniya-ogranichitelnyh-mer-2> (дата обращения: 07.12.2021).

Balancing statistical indicators of socio-economic development of the country and regional systems

Alpidovskaya Marina Leonidovna

Doctor of Economics, Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

e-mail: morskaya67@bk.ru

Arakelian Sergei Martirosovich

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor,

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Vladimir, Russian Federation.

e-mail: arak@vlsu.ru

Annotation. This paper discusses the role of the science of statistics as an analysis and recommendations for the authorities on the socio-economic development of the country, as well as on the existing practice of servicing authorities of different levels in the required format according to an optimistic scenario. The specifics of mathematical methods of probability theory, applications of statistical methods and modeling with possible incorrect conclusions with incorrect use of statistical research results, which can lead to radically erroneous conclusions when determining the trajectory of development of complex socio-economic processes of different scales, are given.

Keywords: statistics; socio-economic development; probabilistic nonlinear processes; sampling of fragmentary statistical research data

Энергосбережение и энергоэффективность как показатели достижения энергобезопасности в стране

Тимонина Виктория Ивановна

аспирант,

ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

E-mail: timonina.vika96@yandex.ru

Аннотация. Стратегии повышения уровня энергосбережения и энергоэффективности в различных секторах и сферах экономики России - ключевые направления социально-экономического развития. Для того чтобы в полной мере оценить опыт в развитии энергосбережения и энергоэффективности, необходимо выяснить, когда впервые люди начали уделять должное внимание данному виду деятельности. Поэтому автором статьи анализируются различные трактовки энергосбережения и энергоэффективности, описываются первые попытки и принятые соглашения (документы) по внедрению системы энергосбережения и энергоэффективности. Цель статьи - показать, что энергоэффективность в России может стать основой успеха развития экономики, так как неэффективное использование энергии в энергетическом секторе препятствует устойчивому и динамичному росту ВВП. Результатом исследования выступают данные, показывающие реальную структуру наличия и использования энергоресурсов, которые позволяют выявить нужные резервы для обеспечения дальнейшего социально-экономического развития. Большое значение приобретает инструмент поддержки принятия решений, не только по вопросам использования топливно-энергетических ресурсов, но и при разработке стратегий социально-экономического развития страны в целом, а также успешная реализация которых невозможна без необходимого энергообеспечения.

Ключевые слова: энергоэффективность, энергосбережение, энергетический кризис, энергоёмкость ВВП, энергопотребление, энергетическая безопасность.

JEL codes: O1, O2, Q40

Для цитирования: Тимонина, В.И. Энергосбережение и энергоэффективность как показатели достижения энергобезопасности в стране / В.И. Тимонина. - DOI 10.52957/22213260_2022_1_111. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.111-119. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_1_111

Введение

Энергоэффективность и энергосбережение представляют собой важный аспект в экономике. Понятия нацелены на сокращение потерь в производстве энергетических ресурсов, а также на повышение показателей промышленной деятельности.

Существует множество мнений о сущности энергосбережения и энергоэффективности среди отечественных экономистов. Например, по мнению Матарас Е.В и Олехнович Л. В.: «Энергосбережение означает переход к энергоэффективным технологиям во всех отраслях экономики, включая топливно-энергетический комплекс, и, прежде всего, энергоёмкие отрасли, а также коммунально-бытовой сектор». [4]

В.В. Ефремов и Г.З. Маркман приводят собственную точку зрения при анализе понятий «энергосбережение» и «энергоэффективность»: «Под энергосбережением понимается реализацию мер по повышению эффективности использования энергоресурсов, электрической и тепловой энергии. Энергоэффективность технически возможное и экономически оправданное качество использования энергоресурсов и энергии при существующем уровне развития техники и технологий». [2]

Андрижиевский А.А. трактует энергосбережение как «...организационная, научная,

практическая и информационная деятельность, направленная на эффективное использование энергетических ресурсов и реализуемая с применением технических, экономических и правовых методов». [1, С.10]

Все вышеперечисленные экономисты, и не только, придерживаются основного признака при изучении определения «энергосбережение». Этим признаком является уменьшение энергетического потребления. Однако, данный признак только частично отражает сущность энергосбережения. К примеру, сокращение потребности в энергетических ресурсах может являться не только результатом их сбережения, но и быть следствием снижения качества продукции и объемов производства.

Из-за того, что само определение «энергосбережение», как было замечено выше, недостаточно раскрывает содержание процесса эффективного использования энергетических ресурсов, то необходимым и целесообразным является уточнение сущности его определения. Энергосбережение – это реализация организационных, правовых, технических, технологических, экономических и иных мер, направленных на уменьшение объема используемых энергетических ресурсов. В процессе энергосбережения сохраняется не только соответствующий полезный эффект от использования, включая вовлечение в хозяйственный оборот возобновляемых и нетрадиционных источников энергии, но и иные мероприятия, носящие энергосберегающий характер. Стоит отметить, что достигаемый экономический эффект от этого превышает затраты, связанные с дополнительным расходом энергетических ресурсов.

Помимо «энергосбережения» необходима конкретизация понятия эффективности использования энергетических ресурсов, иначе говоря «энергоэффективности». Проблема трактования «энергоэффективности» заключается в его однородности с энергосбережением. По своей сути энергоэффективность является частью энергосбережения. Однако, энергосбережение, в отличие от энергоэффективности, направлено на уменьшение энергопотребления, а энергоэффективность, в свою очередь, на полезное и эффективное расходование энергетических ресурсов. Целесообразным является определение данной категории, как «характеристики, отражающей отношение полезного эффекта от использования энергетических ресурсов к затратам энергетических ресурсов, произведенных в целях получения такого эффекта, применительно к технологическому процессу». [5]

Основная часть

Историю энергосбережения и энергетической эффективности можно разбить на пять этапов: с 1959 по 1965 г., с 1973 по 1991 г., с 1991 по 2003 г., с 2003 по 2008 г. и с 2009 г. - по настоящее время.

На протяжении первого этапа, начиная с 1959 г., в СССР на XXI съезде КПСС обсуждалось проведение энергосберегающей политики, предусматривающей реализацию мероприятий по рациональному использованию и экономии энергоресурсов, которые не требуют крупных затрат. Список мероприятий состоял в следующем: совершенствование учета, контроль и повышение ответственности за экономное использование энергоресурсов, применение материального и морального стимулирования для устранения непроизводительных потерь энергии, а также замена устаревшего оборудования и использование вторичных энергоресурсов.

Первый закон в области энергоэффективности был опубликован в 1965 г. в Великобритании, если не принимать в расчет попыток ограничения потребления энергии после Второй мировой войны. Он регламентировал теплотехнические характеристики ограждающих конструкций зданий.

Начало второго этапа современной истории энергосбережения (1973-1991 гг.) связан с мировым кризисом 1970-х гг. В условиях высоких цен на энергоносители многие страны стали проводить политику рационального использования, структурные преобразования и систематическую реализацию мер по энергосбережению. [8] Так, большинство развитых стран приняло решение о внедрении специальных программ по экономии энергии и выделении бюджетных средств на

организацию научно-исследовательских и конструкторских разработок в области использования нетрадиционных источников энергии (например, приливных и геотермальных электростанций, тепловых насосов, солнечных и ветряных батарей, биотоплива и т.д.). В этот период были предприняты шаги по сокращению энергопотребления в различных отраслях промышленности. Началась разработка законодательных инициатив, направленных на снижение потребления энергетических ресурсов.

Проблема энергосбережения в России остро стала ощущаться в конце 80-х гг. XX века, когда были опубликованы результаты космического мониторинга с помощью спутников разведки. В 70-х гг. прошлого века на спутниках стали устанавливаться аппаратура, которая фотографировала в инфракрасном спектре. В зону видимости аппаратуры попадали гражданские объекты, жилые дома и производственные здания. В итоге, города СССР ярко выделялись, так как тепловой поток от зданий и трубопроводов был велик: до 70% тепловой энергии зданий и от 25 до 45% тепловой энергии трубопроводов выделялось в атмосферу. Данные подтверждали, что расточительство тепловых ресурсов было велико. В период с 1973 по 1991 гг. в СССР никаких мер по энергосбережению на законодательном уровне и в части инновационных разработок не принималось, зато активно велась пропаганда энергосберегающего образа жизни среди населения. [3]

Третий этап был значителен тем, что начался новый энергетический кризис сразу после начала знаменитой операции США против Ирака в 1991 г., которая называлась «Буря в пустыне». В результате этого, стоимость нефти резко выросла и возникла потребность в поисках новых способов экономии энергии. Так появился второй в истории комплексный документ в США - «Energy Act 1992». Акт определил основные проблемы в энергосбережении и основные направления их решения. Объёмный комплекс мер стал определяющим документом для развития новых технологий в области энергосбережения и использования альтернативных источников энергии более чем на 10 лет.

В России дефицит электроэнергии был существенной проблемой экономики. Спад российской экономики в 1990-е гг. сопровождался ростом энергоёмкости, поскольку большинство предприятий в этот период применяли стратегию выживания, которая, в свою очередь, предполагала второстепенную роль энергосбережения. В этот период также значительная часть энергоёмких производств перешла на работу с неполной нагрузкой мощностей. Вследствие этого, в 1995 г. был разработан проект закона «Об энергосбережении». Можно отметить, что эти годы оказались значительными более интересными результатами с точки зрения внедрения новых энергосберегающих технологий. [10]

На четвертом этапе появились успехи в разработке и запуске в массовое производство новых материалов, позволяющих более эффективно использовать солнечную и иные возобновляемые виды энергии. За этот период было опубликовано распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 года № 1234-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2020 года». Распоряжение регламентировало мероприятия по энергосбережению и эффективному использованию энергии, которые должны стать обязательной частью региональных программ социально-экономического развития регионов. [11]

Основные причины, которые заставили развитые страны серьёзно взяться в последние годы за энергосбережение, можно представить в виде рисунка (см. рис. 1).

Результаты

Россия располагает масштабным недоиспользуемым потенциалом энергосбережения, который, по способности решать проблему обеспечения экономического роста страны, сопоставим с приростом производства всех первичных энергетических ресурсов.

Энергоёмкость российской экономики существенно превышает в расчете по паритету покупательной способности аналогичный показатель в США, Японии и развитых странах Европейского Союза (см. рис. 2).

Рисунок 1 - Основные причины формирования стратегий на энергосбережение

Источник: составлено автором

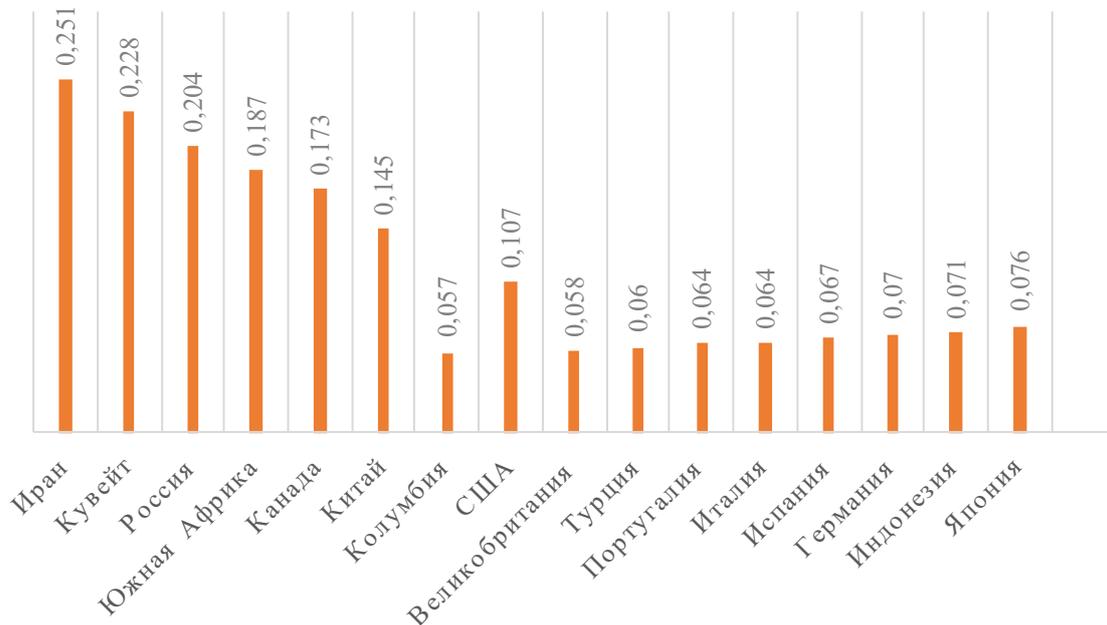

Рисунок 2 - Сравнение показателей энергоёмкости ВВП по странам мира за 2020 г., кг.нэ/долл.

Источник: составлено на основе данных Global Energy Statistical Yearbook 2021

Рост доли потребности в энергетике объясняют следующие показатели: уровень развития экономики, структура промышленности, географические размеры, температура воздуха и т.д. Все эти факторы часто приводятся в качестве объяснения сравнительно высокой российской энергоёмкости. Однако они не характеризуют весь масштаб энергопотребления.

Таким образом, действует следующий закон: чем выше ВВП страны, больше его территория, ниже средние температуры воздуха и выше доля промышленной продукции в общем объеме производства, то тем выше энергопотребление. Если рассматривать эти факторы в совокупности, то

можно объяснить большинство различий между уровнями потребления энергии в разных странах. Исключением является Россия. Многие эксперты отмечают, что в России объяснимо только около 80% объёма энергопотребления. Иными словами, потребление энергии в России приблизительно на 20% выше, что можно доказать путем проведения сравнительного анализа с другими странами.

Нехватка энергии может стать существенным фактором сдерживания экономического роста страны, так как темпы снижения энергоёмкости при отсутствии скоординированной государственной политики по энергоэффективности могут резко замедлиться. Это может привести к ещё более динамичному росту спроса на энергоресурсы внутри страны. Запасов нефти и газа в России достаточно, однако увеличение объёмов добычи углеводородов и развитие транспортной инфраструктуры требуют значительных инвестиций.

Исследование причин высокой энергоёмкости России показало, что первоочерёдное внимание уделяется особенностям природно-климатических и географических условий страны. Главным и существенным фактором, определяющим уровень энергоёмкости, стало соотношение высоко- и мало энергоёмких производств. При этом, преобладание тяжелой промышленности в отраслевой системе представляет важную особенность для рассматриваемой проблемы в структуре российской экономики, так как на её долю приходится почти треть отечественного ВВП.

Результаты также показали, что географические, природно-климатические и структурно-экономические факторы - достаточно определяют различия в уровне потребления энергии в разных странах. В то же время, если учесть синергетический эффект от этих факторов, то можно объяснить только 80% современного уровня энергоёмкости. По «общемировым меркам» энергоёмкость в России должна быть на 20% ниже настоящего уровня. [9]

Сохранение высокой энергоёмкости в российской экономике приводит к снижению энергетической безопасности России, а вследствие этого и к торможению экономического роста (см. рис. 3).

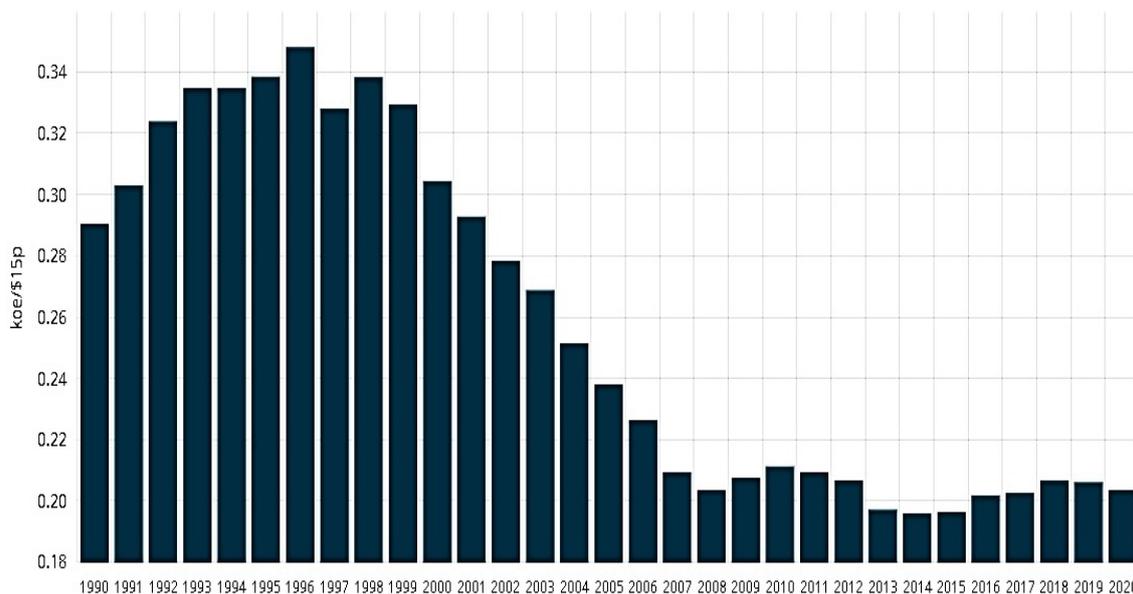

Рисунок 3 - Энергоёмкость России с1990-2020 гг., кг.нэ/долл.

Источник: составлено на основе данных *Global Energy Statistical Yearbook 2021*

Попытки после выхода из кризиса вернуть и удержать высокие темпы экономического роста с высокой энергоёмкостью привели к активизации тормозящей роли ТЭК. Это стало возможным за счёт отвлечения огромных капитальных вложений от развития других секторов экономики. Широко распространено мнение, что если запасов нефти и газа в России много, то и дефицита ни для внешних, ни для внутренних потребителей не предвидится. Можно сказать, что это «энергетическая

ловушка». «Энергетическая ловушка» состоит в том, что запасы из недр необходимо ещё извлечь и транспортировать к потребителям, а на это, в свою очередь, нужны значительные средства.

Высокие затраты на топливо, при ограничениях на рост тарифов, не позволяют адекватно снабжать топливом объекты электроэнергетики и ЖКХ, а также формировать средства на обновление и модернизацию инфраструктуры. В результате растёт их физический износ, частота инцидентов и аварий. Другими словами, снижается надёжность, безопасность и доступность энергетических услуг для всех потребителей.

Единственной разумной альтернативой остаётся повышение энергоэффективности. Иными словами, для обеспечения энергетической безопасности России необходимо обеспечение экономического роста практически без увеличения энергопотребления. Российская промышленность все последние годы страдает по причине низкой энергоэффективности. До кризиса это было обусловлено нехваткой электрических мощностей и природного газа для расширения производства, после кризиса – резким ростом доли энергетических издержек в себестоимости продукции и ростом убытков.

Высокие удельные расходы энергоресурсов в условиях кризиса на многих предприятиях выросли ещё более значительно из-за падения загрузки производственных мощностей. В итоге доля энергетических издержек в структуре себестоимости промышленности растёт, а конкурентоспособность российской промышленности падает, что существенно осложняет выход из кризиса (см. рис. 4).

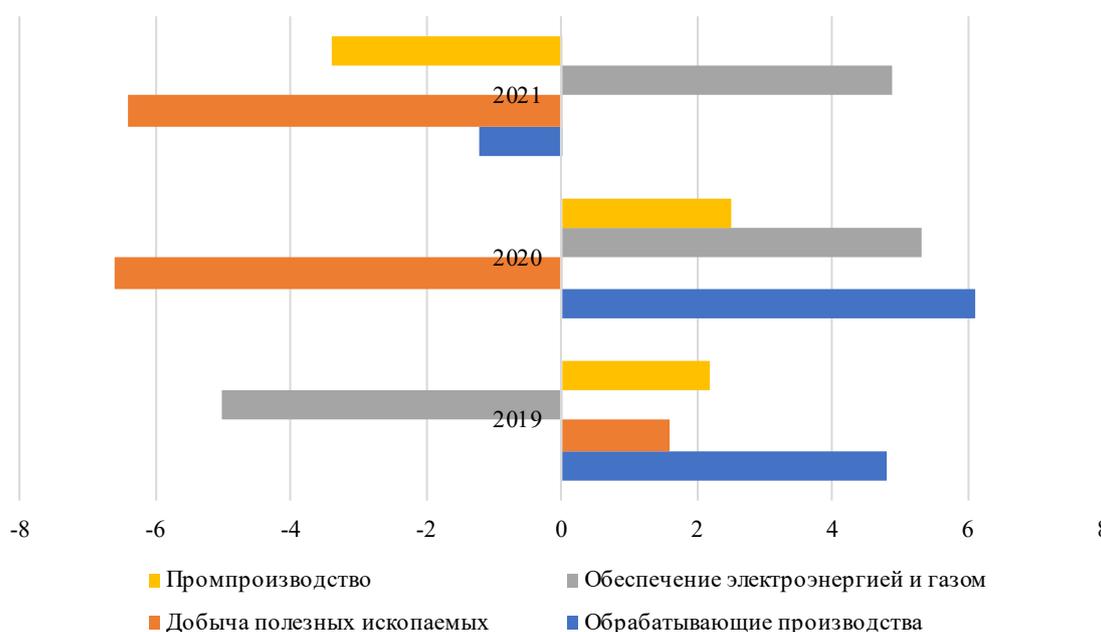

Рисунок 4 - Промышленное производство России, прирост %

Источник: составлено на основе данных энергетического бюллетеня, февраль 2021

Реэкономизация, как тенденция к обновлению энергетических отношений, вовсе не означает, что отношения между Россией и ЕС в энергетической сфере начнут быстро налаживаться. Поведение игроков в энергетике полностью исходят из политической логики. Тем не менее, в нём присутствует значительный экономический компонент, главной задачей которого является максимизация прибыли от продажи углеводородов. В основном, в плане стратегической документации, российские и европейские нормы совпадают. Однако, Россия испытывает дефицит, который возникает из-за отсутствия либо институциональных возможностей для претворения законодательства в жизнь, либо из-за отсутствия подзаконных актов, либо из-за отсутствия организаций, специализирующихся

в соответствующих сегментах бизнеса.

Дискуссия

Тема энергетической эффективности и сбережении ресурсов актуальна для трансформирующегося энергетического рынка, поскольку возврат к экономическому видению энергетической безопасности скажется благотворно на социально-экономическом развитии. В понятиях энергосбережения и энергопотребления существует взаимная заинтересованность, которая не поддается принципиальности. Цели энергетической стратегии России никоим образом не противоречат мерам, принимаемым в ЕС. Более того, основные дискуссии по ужесточению регулирования ведутся не только на двустороннем, но и на многостороннем уровне с равноправным участием, что нивелирует стремление ЕС распространять свой режим на другие страны, прежде всего на Россию.

Совершенно иная ситуация сложилась с организацией рынков. В электроэнергетике и нефтяном секторе были реализованы те же принципы либерализации, которые заложены в стратегии ЕС. В секторе природного газа совершенно иная ситуация. Объясняется это тем, что энергетическая стратегия России предлагает сформировать условия для стабильности всех институтов и структур энергетического рынка, а также обеспечить модернизацию энергетического сектора. Это не эквивалентно либерализации, так как модернизация выступает лишь как один из вариантов инструментального обеспечения этих целей.

Заключение

Таким образом, можно разграничить определения по содержанию. Энергосбережение - это способ реализации комплекса мер по сокращению потребления энергоресурсов, который должен обеспечить сохранение прежних возможностей производства и реализации товаров (работ, услуг) необходимого качества, объема и ассортимента, как минимум. Энергоэффективность - степень соответствия эффекта (конечного результата) конкретного вида деятельности примененным или потребленным энергоресурсам с учетом их энергосбережения на момент времени или за определенный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрижиевский А.А., Володин В.И. Энергосбережение и энергетический менеджмент. - Мн.: Выш. шк., 2005. - 294 с.
2. Ефремов В.В., Маркман Г.З. «Энергосбережение» и «энергоэффективность»: уточнение понятий, система сбалансированных показателей «энергоэффективности» // Известия Томского политехнического университета, 2007. - Т. 311. № 4. - URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/53065962.pdf>
3. Желудев И. С., Константинов Л. В. Атомная энергетика в СССР // БЮЛЛЕТЕНЬ МАГАТЭ. Книга 21, № 2. - URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/22204763445_ru.pdf
4. Матарас Е.В., Олехнович Л.В. Реализация основных процессов энергосбережения в Республике Беларусь // Студенческий Вестник, 2007. - №10. - URL: <http://www.bru.mogilev.by>
5. Мещанинцев В. Энергоэффективность российской экономики: региональный аспект [Электронный ресурс] // ЭСКО, 2010. - №2. - URL: <http://esco-ecosys.narod.ru>
6. Янсон С.Ю. Риски сохранения высокой энергоемкости национальной экономики. - URL: http://iea.gostinfo.ru/files/2012_05/2012_05_16.pdf
7. Барьеры, замедляющие развитие энергосбережения и энергоэффективности в стране. - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36708798>
8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации «Энергетика и устойчивое развитие» / под общ. ред. С.Н. Бобылева. - М., 2010. - 96 с.

9. Отчет «Энергоэффективность в России: скрытый резерв», Всемирный Банк, ЦЭНЭФ, 2009. - URL: https://www.cenef.ru/file/FINAL_EE_report_rus.pdf
10. Постановление от 2 ноября 1995 года № 1087 «О неотложных мерах по энергосбережению». - URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014243>
11. Распоряжение от 28 августа 2003 года № 1234-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2020 года». - URL: <https://docs.cntd.ru/document/901872984>
12. Рынки газа на выходе из кризиса // Энергетический бюллетень, февраль 2021. - URL: https://asc.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/бюллетень_№_93.pdf
13. Energy intensity. Global Energy Statistical Yearbook 2021. - URL: <https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-energy-intensity-gdp-data.html>

Energy conservation and efficiency as indicators for achieving energy security in the country

Timonina Victoria Ivanovna

Postgraduate student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

e-mail: timonina.vika96@yandex.ru

Annotation. Strategies for increasing energy conservation and energy efficiency in various sectors and areas of the Russian economy - key areas of socio-economic development. In order to fully evaluate the experience in energy conservation and energy efficiency, it is necessary to find out when people first started paying attention to this activity. Therefore, the author of the article analyzes different interpretations of energy saving and energy efficiency, describes first attempts and adopted agreements (documents) on introduction in the system of energy saving and energy efficiency. In Russia, energy efficiency can become the basis of economic success, as inefficient use of energy in the energy sector hinders sustainable and dynamic growth of GDP.

Keywords: energy efficiency, energy conservation, energy crisis, GDP energy intensity, energy consumption, energy security.

Сбрасывают ли деньги цифровой экономики свои традиционные функции, как змея – кожу?

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», Ярославль, Российская Федерация

E-mail: galinarodina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов трансформации традиционных функций денег в меняющемся мире. Экономическая наука активно изучает процесс изменения форм и видов денег, но вопрос о функциях денег остается дискуссионным. В статье поднимается вопрос о том, влияет ли существующее сегодня и развивающееся в будущем многообразие форм и видов денег на их функции, и если влияет, то каким образом и насколько глубоко. Выявив наличие в современной экономической теории двух методологических подходов, эндотерического и экзотерического, автор вскрывает причины господства и границы эффективного применения функционального подхода, исследующего поверхностные формы, и обосновывает объективную необходимость выявления глубинного содержания экономической действительности под влиянием формирования цифровой экономики в XXI веке. Применение эндотерического подхода на основе анализа литературы по исследуемой теме позволило ответить на вопросы относительно того, что понимается под стоимостной сущностью денег, ловушкой ограниченности, покоящимися деньгами, проблемой персонализации и квази-анонимности, как классифицируются функции денег в традиционном и современном понимании. В ходе исследования выяснилось, что диджитальная экономика оказала сильное влияние на все денежные функции как в качественном, так и в количественном плане. В итоге полученных результатов был сформулирован вывод о необоснованности отказа от традиционных функций денег и замещения их так называемыми новыми, по большей части, неэкономическими функциями. Однако, с другой стороны, эти попытки были квалифицированы как запрос, порождаемый цифровой экономикой, на расширение междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: цифровая экономика, функции денег, мера стоимости, средство обращения, средство накопления (образования сокровищ), средство платежа, мировые деньги, информационная функция денег, ловушка ограниченности, покоящиеся деньги, электронные деньги.

JEL codes: A12; B14; E40; O42

Для цитирования: Родина, Г.А. Отрасли российской промышленности в условиях глобальных вызовов: по силам ли справиться? / Г.А. Родина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.120-129. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

Введение

Вводная часть

Проблема денег всегда интересовала экономическую науку, как в теоретическом, так и в практико-прикладном плане. Какой из этих подходов наиболее востребован в XXI веке? Какие проблемы функций денег наиболее дискуссионны в современных условиях и почему? Что вообще происходит в цифровой экономике с так называемыми традиционными функциями денег: подвергаются ли они «косметическому ремонту» или отбрасываются за ненадобностью? Но тогда какими новыми функциями обростут деньги уже завтра? И когда это «новое денежное завтра» наступит? Поскольку деньги являются кровеносной системой любой экономической модели, базирующейся на рыночных отношениях, постольку исследование направления и глубины их эволюционной (а, возможно, и революционной) трансформации не оставляет сомнений в своей актуальности и востребованности на разных уровнях экономической науки.

Важность исследования функций денег определяется также тем, что именно деньги выступают

основой, носителем функциональных направлений макроэкономической политики.

Краткое описание отражения проблематики исследования в науке

Классификация методологических подходов к оценке функций денег уходит корнями ещё в позапрошлый век, который выработал два альтернативных подхода. Оба актуальны и в наше время.

Во-первых, функции денег рассматриваются как форма проявления их сущности, т.е. вторичны по отношению к содержанию денег (классическая, прежде всего, марксистская, ветвь экономической мысли).

Анализ современных источников по вопросу функций денег показал, что большинство современных экономистов считают верным утверждение о том, что деньги проявляют себя посредством выполнения «имманентных» им функций, и только через раскрытие смысла этих функций и могут быть определены.

Перефразируя приписываемую то И.С. Тургеневу, то Ф.М. Достоевскому фразу о том, что «все мы вышли из гоголевской шинели», можно сказать, что все мы вышли из марксистского понимания функций денег, - не потому, что мы связали смысл собственной жизни с этим учением, а в силу глубокого погружения в него, начиная со студенческих лет.

Вплоть до сегодняшнего дня большинство отечественных учёных считают «традиционными функциями денег» те пять функций, которые исследовал Маркс, обратив внимание на строго определённую последовательность их появления и эволюции, поскольку по мере развития собственной сущности деньги «обрастали» соответствующими новыми функциями. Поэтому их последовательность объективно детерминирована и не может быть нарушена. Вплоть до сегодняшнего дня большинство отечественных учёных считают «традиционными функциями денег» те пять функций, которые исследовал Маркс: мера стоимости, средство обращения, средство накопления (образования сокровищ), средство платежа, мировые деньги (Маркс, 1960: 104-156).

Во-вторых, сущность денег сводится к их функциям (неоклассическая ветвь экономической мысли, начиная с А. Маршалла). В современных условиях это часть мейнстрима, что нашло отражение в «Экономикс» К.Р. Макконнелла и С.Л. Брю: «Деньги – это то, что они делают. Все, что выполняет функции денег, есть деньги» (Макконнелл, Брю, 2003).

Методологически водораздел между этими двумя точками зрения проходит через признание/отрицание наличия разных уровней исследования: эндотерического и экзотерического. С одной стороны, эндотерический подход сосредоточивается на выявлении глубинного содержания экономической действительности, из чего последовательно, вертикально, многоуровнево формируется вся система форм и функций экономических отношений (know-why-уровень). В философском плане, это метафизический подход, нацеленный на исследование первоначальной природы, сущности экономической реальности. Можно сказать, что этот подход занят исследованием мира и бытия как такового, занята поиском причины причин, истока истоков, начала начал. С другой стороны, экзотерический подход характеризует внешнюю сторону экономической действительности в рамках поверхностно-формально-технологического уровня (know-how-уровень). Это позитивистский, горизонтальный, плоскостной подход, нацеленный на исследование функциональной природы экономической реальности. Позитивизм признаёт в качестве единственного источника истинного знания эмпирические исследования специальных наук.

Следует оговориться, что XXI век отказался от поисков сущности предмета или явления. Причиной развеществления общества, по нашему мнению, является его массовизация. Это объясняет тот факт, что основу современного экономического мейнстрима составил второй, экзотерический, подход. Формула такого подхода: мы не знаем, что это такое, но знаем, как это работает в известных нам ситуациях, и можем этим практически пользоваться.

Очевидно, что границы эффективного применения данного подхода определяются динамикой развития общества, в ходе которой изменениям подвергаются, помимо внешних форм проявления,

также и сущностные компоненты социально-экономической системы. Когда прежние представления о функциональных связях становятся неприемлемыми для решения практических задач, это приводит к расхождениям между ожидаемыми результатами и реальными. Тогда и возникает потребность разглядеть за внешними формами проявления их глубинные основания и сущность.

Формирование цифровой экономики в XXI веке возрождает данную потребность.

Цель исследования вытекает из необходимости удовлетворить выявленную выше потребность в объяснении трансформации функциональных связей на основе анализа глубинных, сущностных, первооснов путём оценки функций современных денег под углом зрения влияния на них процесса цифровизации экономики.

Наша задача – выявить и проанализировать различные трактовки, с одной стороны, эволюции традиционных функций денег, а с другой, – исследовать, действительно ли возникают новые функции денег в диджитальной экономике или просто трансформируются те «старые», о которых писал К. Маркс. Функции денег подвергаются сегодня своеобразному ранжированию: выделяют базовые и производные функции. Например, базовой считается функция меры стоимости (счетные деньги), а остальные функции – производными от неё. Функция средства платежа определяется как производная от средства обращения, функция мировых денег – производная от всех прочих.

Возможная трансформация традиционных функций денег обусловлена расширением информационной компоненты в содержательной составляющей денег и, как следствие, в обменном процессе.

Рассмотрим основные направления этой трансформации.

Результаты исследования

1 Трансформация функции меры стоимости

Традиционная функция: деньги являются всеобщим эквивалентом, «кристаллизацией меновой стоимости», т.е. измеряют стоимость всех других товаров, поскольку сами являются товаром и имеют собственную стоимость; эту функцию деньги выполняют идеально, до начала самого процесса обращения товаров.

На сегодняшний день дискуссионным является вопрос о том, сохраняют ли деньги стоимостную основу или нет.

Во-первых, - традиционное «да» (Е.В. Горюков, О.В. Котина, Л.Н. Красавина, Т.П. Николаева, М.А. Портной, А.М. Рзаев, И.Ю. Соколова, А.Ю. Юров) (Актуальные проблемы денег и денежного обращения, 2002; Горюков, Котина; Красавина, 2001: 5; Портной, 2017; Юров, 2015). В качестве аргументов, в частности, указывается наличие издержек в виде трафика и времени для увеличения электронных денег (Гарькуша, 2009).

С позиции классической теории стоимости, «деньги не должны лишаться товарной характеристики; они имеют смысл лишь тогда, когда существуют товары» (Яковлев, 2020: 8).

Часть исследователей дополняет позитивный ответ некоторыми особенностями: использование сетевых денег зачастую сопряжено с включением в стоимость реализуемых товаров и услуг расходов на движение сетевых денег (Валинурова, 2010: 64-65). Лично нам эта аргументация кажется сомнительной: комиссия за перевод средств включается не в стоимость товара, а в его цену; считаем излишним напоминать, что цена не тождественна стоимости.

Во-вторых, признаётся, что стоимостная сущность денег сохраняется, однако ослаблена инфляцией (Усаткина, 2006: 10).

В-третьих, «современные деньги, не имея собственной стоимости, выполняют функцию не меры стоимости, а меры ценности (соизмерения ценности), в которой они позволяют измерить и выразить ценность отдельных товаров, формируя систему цен. Некоторые учёные определяют эту функцию как функцию средства учета (единицы счёта)» (Мищенко, 2010: 37). Особенность этой функции

сегодня связана с тем, что внутренней стоимости у современных денег нет, они выступают как некоторый общий знаменатель (так называемые счётные деньги), с помощью которого выражается соотношение цен товаров между собой. Можно сказать, что современные деньги сегодня не измеряют, а соизмеряют стоимости отдельных товаров и услуг, позволяя тем самым сориентироваться для принятия рациональных решений. Внутренней стоимостью обладают лишь товары, а деньги позволяют сравнивать, соизмерять их внутренние стоимости (Абрамова, 2009: 75-81).

Фактически отрицается и выполнение деньгами, прежде всего, электронными, функции меры стоимости при сохранении за ними только функции масштаба цен. В.К. Бурлачков, В.Ю. Катасонов и В.Н. Ткачев оставляют за электронными деньгами соизмерение стоимости отдельных товаров, отказывая им в измерении стоимости товаров и услуг напрямую (Деньги, 2010: 45). Следует заметить, что в конце XIX века экономическая мысль уже делала выбор между абсолютным и относительным измерением в пользу последнего (правда, это касалось другой категории – полезности).

Также нет единства среди экономистов по вопросу издержек производства современных электронных денег. С одной стороны, отмечается тенденция к их сокращению в исторической ретроспективе: при переходе от золотых денег к бумажным, а затем и к электронным (В.М. Юровский); а с другой, - констатируется отсутствие информации на разработку и внедрение электронных банкнот, что не позволяет определить динамику их себестоимости (Андрюшин, Бурлачков, 2017: 1856). Д.А. Кочергин и А.И. Янгирова отмечают высокую стоимость эмиссии криптовалют (высоки издержки на оплату электроэнергии для вычислений), по сравнению с низкой стоимостью эмиссии цифровых денег центральных банков, электронных (в узком смысле) и наличных денег (Кочергин, Янгирова, 2019: 84).

2 Трансформация функции средства обращения

Традиционная функция: обслуживание реализации товаров, посредническая роль при реальном товарообмене (Т-Д-Т – формула простого товарного производства; Д-Т-Д' – всеобщая формула капитала); эту функцию деньги выполняют мимолётно, оставаясь в обращении, в отличие от товаров.

Функция денег как средство обращения понимается однозначно практически всеми экономическими школами, но именно выполнение деньгами данной функции приводит к возникновению новых видов денег и квазиденег, а также денежных суррогатов. Поэтому форма денег берет верх над содержанием до тех пор, пока покупательная способность денег не начнет падать. В процессе денежного оборота субъекты анализируют реальную и номинальную покупательную способность денег для того, чтобы получить эквивалент, который каждый согласен принять в обмен на свои товары и услуги.

Анализ движения денег в функции средства обращения приводит к следующим выводам: во-первых, не формы денег делают их деньгами, а само денежное обращение нуждается в определенной форме денег. Во-вторых, своеобразие заключается лишь в том, что деньги играют мимолетную роль в кругообороте.

Трансформация функции денег как средства обращения связывается со следующими новациями, некоторые из которых требуют адекватного решения.

Во-первых, возрастающие потребности развивающейся экономики обусловили эволюцию видов денег в направлении снятия количественных ограничений, вплоть до появления электронных денег. Однако, если обратиться к последнему виду, то на примере самой распространённой криптовалюты – биткойна – можно обнаружить некую «ловушку ограниченности». Количественный предел биткойнов – 21 млн единиц. Следовательно, в перспективе нас ожидает дефицит предложения денег со всеми вытекающими последствиями в виде дефляции, банкротств, безработицы, несмотря на то, что человечество, кажется, оставило эти проблемы в XX веке.

Во-вторых, проблема персонализации. В отличие от анонимных наличных денег, электронные

деньги являются именными: они дают точные ответы на вопросы «от кого», «кому», «сколько», «когда» и даже порой «за что». Это делает электронные деньги менее криминогенными, чем наличные бумажные и металлические. Исследователи отмечают наличие корреляции между уровнем преступности в стране и уровнем «кэшизации», т.е. долей наличных денег М0 в общем количестве денег М1 или М2 (Юровицкий, 2017: 51-56). Даже применение криптовалюты в сделках, участники которых используют псевдонимы, является квази-анонимным, т.к. «проследить момент заключения и проведения сделок возможно» (Пашковская, 2017).

В-третьих, проблема ликвидности. Она имеет отношение к сетевым денежным средствам, как части электронных денег, и сопряжена с тем, что сетевые деньги могут обмениваться с некоторыми ограничениями, накладываемыми количеством пользователей сети и набором товаров и услуг, предлагаемых к реализации в конкретной сети за конкретный вид сетевых денег. В результате сетевые деньги обладают не абсолютной, а лишь относительной ликвидностью.

В-четвёртых, вместо одновременного и однотерриториального движения товара и денег при использовании сетевых денег может возникнуть разрыв между движением товара и денег как во времени, так и в пространстве. С другой стороны, решение проблемы унификации инструментария различных локальных платёжных систем сокращает время нахождения денег в платёжной системе. Это сближает традиционную функцию денег как средство обращения с функцией денег как средства платежа (О.М. Коробейникова).

3 Трансформация функции средства накопления (образования сокровищ)

Традиционная функция: прерывание акта купли-продажи товаров при изъятии денег из обращения и оседании их в качестве сокровища при простом товарном производстве (тезаврация); превращении в средство накопления – при капиталистическом товарном производстве.

Основным условием выполнения деньгами функции средства накопления является стабильность их покупательной способности, т.е. способности денег обмениваться на товары и услуги. Если номинальная стоимость денег фиксирована, то реальная их стоимость (покупательная способность) может меняться. Прежде всего, она зависит от цен на товары и услуги. Именно функция денег как средство накопления показывает, что инфляция вообще-то не влияет на содержание функций денег, изменяются условия выполнения деньгами их функций. С учётом инфляции, ставшей неизменным атрибутом общества XXI века, эта функция усложнилась: мало сохранить или накопить деньги – необходимо сберечь их покупательную способность. Часть исследователей (Ю.И. Кашин, С.В. Мищенко, О.И. Усаткина) выступают за переименование функции накопления и образования сокровищ в функцию покоящихся денег, подчёркивая этим отсутствие действия, коим является укрывание денег в какой-то тайник (Кашин, 2002: 64-66; Мищенко, 2010: 38; Усаткина, 2006: 8). В действительности таким «тайником» для электронных денег становится электронный кошелек платёжной системы с той особенностью, что эти деньги не приносят проценты своим владельцам.

Иначе трактует эволюцию данной функции денег Л.П. Окунева: локальные платёжные системы аккумулируют остатки по счетам отдельных платёжных инструментов, которые являются источником выгоды от экономии на процентах за замещаемые кредиты; таким образом, деньги в платёжных системах трансформируются в «активный денежный капитал» (Окунева, 2008). Поскольку электронные деньги не приносят проценты, они ограниченно выполняют функцию накопления (Исаев, 2011: 13-16). Криптовалютам выполнять эту функцию «мешает» высокая волатильность, но «спекулятивность» данного финансового актива не подлежит сомнению.

4 Трансформация функции средства платежа

Традиционная функция: разрыв во времени между реализацией товаров и движением денег, обслуживающих эту реализацию, т.е. продажа товаров с рассрочкой платежа, в кредит. «Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причем долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые

требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа. В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных торговых сделок...» (Маркс, 1960: 151).

Выполнение деньгами функции средства платежа связано с существованием отсрочек платежа и возникновением на этой основе различных денежных обязательств, а также с необходимостью их погашения.

Ряд экономистов считает, что данная функция денег является не самостоятельной, а производной от всех остальных функций. Но есть и другая точка зрения, согласно которой в условиях, когда доминируют кредитные деньги, функция средства платежа вытесняет функцию средства обращения, а сама функция средства платежа рассматривается как интегральная функция, включающая в себя все прочие функции денег.

Действительно, в условиях господства кредитных денег фактически только наличные деньги выполняют функцию средства обращения. Эта функция денег не исчезает, она будет сохранена, пока часть расчетов проводится в наличной форме. Но заметим при этом, что и наличные деньги по сути являются кредитными деньгами, если их эмиссия осуществляется в рамках кредитования экономики Центральным банком.

Банкноты и монета, эмитируемые Центральным банком, являются его обязательствами, депозитные деньги – обязательства конкретного коммерческого банка, суррогатные деньги – обязательства конкретных эмитентов. Современные деньги внешне выступают как совокупность определенных обязательств: банкнота - как обязательство Центрального банка, деньги безналичные - обязательство коммерческого банка и т.п. Эти обязательства регулируются соответствующими нормативными актами. Но современные деньги, как совокупность обязательственных отношений, характеризуют весьма существенную, но всего лишь одну сторону проблемы, а именно - кредитный характер современных денег (разумеется, если они выпущены на кредитной основе).

Электронные деньги вносят в данную функцию денег две особенности: универсальность и безопасность (Коротаева, 2011: 139).

Значительная часть исследователей считает, что в современных условиях функция денег как средства платежа (равно как и функция мировых денег) утратила свою актуальность, и сосредоточивает своё внимание на первых трёх функциях как наиболее полно отражающих экономическую сущность денег (Марамыгин, Прокофьева, Маркова, 2017; Танющева, Дюдикова, 2016).

5 Трансформация функции мировых денег

Традиционная функция: обслуживание деньгами международных расчётов и платежей; можно сказать, что это перенос в международную среду первых четырёх функций денег.

На этом основании часть исследователей отрицает объективность выделения пятой функции денег в отдельную, не отказываясь при этом от четвёртой функции (О.М. Коробейникова, О.И. Лаврушин, М.М. Ямпольский) (Коробейникова, 2015; Деньги, кредит, банки, 2014; Актуальные проблемы денег и денежного обращения, 2002).

Другая часть, акцентируя внимание на постепенном слиянии внутреннего и внешнего оборота денег, выдвигает тезис о размывании границ данной функции; тем более, что на фоне развития мировой торговли и возрастания межграничного перемещения капитала увеличивается роль национальных валют (в том числе коллективных), играющих роль мировых денег (Кашин, 2002: 64-66).

Выделение новых функций денег

В современной экономической науке существует две тенденции в отношении количества функций денег. С одной стороны, - к их сокращению за счёт интеграции, а также отказа от функции мировых денег как обязательной.

С другой стороны, многие теоретики предлагают расширить перечень денежных функций за счёт добавления новых функций.

Во-первых, выдвигается информационная функция денег как расширенная функция меры стоимости, более адекватная сущности современных денег (Вальтух, 2001; Вальтух, 2005; Дятлов, 2017; Дятлов, Лобанов, Гильманов, 2018; Усаткина, 2007).

В.М. Юровицкий соединяет информационный подход с институциональным: деньги - «информационная институция», точнее информационно-правовая, - как «ценностное право со стороны владельца денег и ценностное обязательство со стороны общества». Суть вопроса заключается в механизме верификации этих прав и обязательств. «На стадии металлических денег имеем «естественную» верификацию, на основе редкости носителя этих обязательств. На стадии бумажных денег верификацию осуществляет и поддерживает государство системой преследования фальшивомонетничества и хищения денег. Наконец, современные деньги, основанные на электронном носителе – «счётные» (на банковских счетах) деньги – имеют уже чисто банковскую верификацию, верификацию средствами информационного администрирования» (Юровицкий, 2007: 5-6).

Во-вторых, выделяется спекулятивная функция денег как следствие развития финансового капитала: «деньги не просто самовозрастают как бы из воздуха, – они главенствуют над производством, трансформировавшись в «чёрный ящик» финансовых спекуляций» (Родина, 2019: 54).

В-третьих, предлагается прямо-таки огромное количество новых денежных функций, которые являются не только, а порой и не столько экономическими, сколько социальными, политическими, управленческими (Гарькуша, 2009; Деньги. Кредит. Банки, 2019: 25-26; Челноков, 2014):

- инструмент формирования элементов образа жизни;
- измеритель общественной полезности человека;
- инструмент мотивации трудовой деятельности;
- интегратор труда в процессе производства;
- коммуникативная и (или) организующая функция;
- маскирующая функция;
- стимулятор научно-технического прогресса;
- средство организации предпринимательства;
- экологическая (природоохранная) функция;
- инструмент организации кругооборота капитала;
- государственная функция (обеспечение функционирования государства);
- военная функция (обеспечение обороны и функционирования армий);
- инструмент балансирования спроса и предложения;
- функция регулирования экономики;
- инструмент регулирования воспроизводства пропорций ВВП – производственная функция;
- функция распределения и перераспределения общественного продукта;
- криминальная функция (деньги как цель и причина преступности);
- социально-сегментирующая функция;
- средство международного перераспределения богатства (инструмент неокOLONиализма).

Аргументация во многих случаях не выдерживает критики. Так, коммуникативная и (или) организующая функция денег обосновывается тем, что деньги не являются ни вещью, ни информацией, а выражают экономические отношения между людьми; следовательно, выступают средствами общения (коммуникации) между людьми. Однако, поскольку классический подход все экономические категории рассматривает через призму отношений между людьми, опосредованных какими-то вещами (в широком смысле слова), то получается, что коммуникативную характеристику можно распространить на все экономические категории.

Или выделение отдельной «маскирующей» функции денег, которая связывается с обеспечением

различной степени анонимности, – в зависимости от технических характеристик различных схем электронных денег. С одной стороны, непонятно, что здесь нового; с другой стороны, развитие электронных денег как раз в некоторых случаях снижает степень анонимности.

Вместе с тем, мы усматриваем в этом ориентирование на современный запрос на расширение предметного поля теоретической экономической науки за счёт включения в неё новых разделов, которые раньше в её предмет не входили и должны обогатить теоретическую экономику междисциплинарными исследованиями.

Кроме того, следует заметить, что часть экономистов, выделяющих «так называемые новые» функции денег, зачастую просто не видит различий между функцией экономической категории и её ролью в реализации функций (прежде всего, это касается тех «новых» функций, которые связаны с регулированием экономических процессов).

Заключение

1. Трансформация традиционных функций денег всеми исследователями связывается с развитием информационных технологий, удовлетворяющих потребности в ускорении расчётов, оптимизации транзакционных издержек и расширении пространственного поля для совершения сделок.

2. На сегодняшний день дискуссионным остаётся вопрос о том, сохраняют ли деньги стоимостную основу или нет.

3. Функции денег подвергаются сегодня своеобразному ранжированию: выделяют базовые и производные функции. Например, базовой считается функция меры стоимости (счётные деньги), а остальные функции – производными от неё. Функция средства платежа определяется как производная от средства обращения, функция мировых денег – производная от всех прочих.

4. Модификация функции средства сбережения и накопления в функцию покоящихся денег.

5. Слияние внутреннего и внешнего оборота при размывании границ функции мировых денег – вплоть до отказа от признания данной функции в качестве «обязательного атрибута» категории.

6. В современной экономической науке существуют две тенденции в отношении количества функций денег: с одной стороны, – к их сокращению с пяти до трёх; с другой стороны, – к их расширению путём добавления новых функций за счёт выхода за предметные рамки экономической науки и обогащения её междисциплинарными исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. (1960). Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат. – VI, 907 с.
2. Макконнелл, К.Л., Брю, С.Л. (2003). Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Пер. с 14-го англ. изд., дораб и испр. М.: Инфра-М, 2003. – XXXVI, 972 с.
3. Актуальные проблемы денег и денежного обращения (по материалам «круглого стола», проведенного в Финансовой академии совместно с редакцией журнала «Деньги и кредит») (2002). // Вестник Финансовой академии. № 3-4. С. 29-40.
4. Горюков, Е.В., Котина, О.В. Электронные деньги: развитие, направления использования в современной банковской практике // Режим доступа: <http://urlid.ru/afgb>.
5. Красавина, Л.Н. (2001). Проблемы денег в экономической науке // Деньги и кредит. № 10. С. 3–6.
6. Портной, М.А. (2017). Деньги в национальном и мировом хозяйстве. М.: Магистр. – 493 с.
7. Юров, А.Ю. (2015). Состояние наличного денежного обращения в России на современном этапе // Деньги и кредит. № 4. С. 3–6.
8. Гарькуша, М.С. (2009). Новые функции денег в виртуальной экономике // Известия Россий-

ского государственного педагогического университета им А.И. Герцена. № 119. С. 96–101.

9. Яковлев, А.И. (2020). Теория денег: от золота к криптосистеме обмена. 2-е изд., перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 152 с.

10. Валинурова, А.А. (2010). Понятие и функции сетевых денег // Финансы и кредит. Т. 16, Вып. 15 (399). С. 61-67.

11. Усаткина, О.И. (2006). Влияние трансформации природы и функций современных денег на денежно-кредитную политику: Автореферат дисс. ...канд. экон. наук. Ростов-на-Дону. – 28 с.

12. Мищенко, С.В. Сущность и функции современных денег (2010). // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 6(66). С. 32-40.

13. Абрамова, М.А. (2009). Развитие функций денег в современной экономической литературе // Наука о деньгах, кредите и банках: эволюция и современность: Сборник научных трудов. В 2-х ч. Ч. I. М.: Финакадемия. - С. 75 – 81.

14. Деньги: учеб. пособие (2010). / В.Ю. Катаносов, В.К. Бурлачков, В.Н. Ткачев; под ред. В.Ю. Катаносова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. валютно-кредит. отношений. М.: МГИМО-Университет.

15. Андрюшин, С.А., Бурлачков, В.К. (2017). Биткойн, блокчейн, файл-деньги и особенности эволюции денежного механизма // Финансы и кредит. Т. 23, № 31. С. 1850-1861.

16. Кочергин, Д.А., Янгирова, А.И. (2019). Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. № 23(4). С. 80-98.

17. Юровицкий, В.М. (2017). О «безналичном обществе» в России // Финансы. № 5. С. 51-56.

18. Пашковская, И.В. (2017). Влияние финансовых инноваций на таксономию современных денег // Наукоедение. Т.9, № 6. // Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/134EVN617.pdf>

19. Кашин, Ю.И. (2002). К вопросу о модификации функций денег // Деньги и кредит. № 1. С. 64-66.

20. Усаткина, О.И. Влияние трансформации природы и функций современных денег на денежно-кредитную политику. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2007.

21. Окунева, Л.П. (2008). Деньги, денежное обращение, денежная система. М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 528 с.

22. Исаев, М.Е. (2011). Функции электронных денег // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. № 4. С. 13–16.

23. Коротаева, Н.В. (2011). Электронные деньги: сущность, функции и роль в экономике // Социально-экономические явления и процессы. № 12 (034). С. 137–141.

24. Марамыгин, М.С., Прокофьева, Е.Н., Маркова, А.А. (2017). Современные подходы к трактовке функций денег // Вестник Омского университета. Серия Экономика. № 2 (58). С. 29-39.

25. Танющева, Н.Ю., Дюдикова, Е.И. (2016). Электронные деньги через призму денежных функций // Финансы и кредит. № 16. С. 40-49.

26. Коробейникова, О.М. (2015). Трансформации функций денег в условиях развития национальной и локальной платежных систем // Финансы и кредит. № 20. С. 38–46.

27. Деньги, кредит, банки: учеб. (2014). / под ред. О. И. Лаврушина. 13-е изд., стер. М.: КНОРУС.

28. Кашин, Ю.И. (2002). К вопросу о модификации функций денег // Деньги и кредит. № 1. С. 64-66.

29. Вальтух, К.К. (2001). Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. М.: Янус-К. – 867 с.

30. Вальтух, К.К. (2005). Теория стоимости: статистическая верификация, информационное обобщение, актуальные выводы // Вестник Российской академии наук. Т. 75, № 9. С. 793-806.

31. Дятлов, С.А. (2017). Энейро-сетевая экономика: формирование новых сегментов глобаль-

ного рынка // Современные технологии управления. №2 (74). // Режим доступа: <https://sovman.ru/article/7401/>

32. Дятлов, С.А., Лобанов, О.С., Гильманов, Д.В. (2018). Цифровая нейро-сетевая экономика: институты и технологии развития. СПб. Изд-во СПбГЭУ. – 325 с.

33. Юровицкий, В.М. (2007). Теория денег в информационной экономике: Автореф. дисс... канд. экон. наук. М: РГСУ. – 25 с.

34. Родина, Г.А. (2019). Альтернативные концепции трансформации экономической природы современных денег в условиях диджитализации экономики: сравнительный анализ // Теоретическая экономика: электронное периодическое издание. № 10 (58). С. 53-61.

35. Деньги. Кредит. Банки: учебник. (2019) / под ред. В.В. Иванова, Б.И. Соколова. М.: издательство Юрайт. – 371 с.

36. Челноков, В.А. (2014). Краткий курс фундаментальной академической науки о деньгах и кредите. М.: Финансы и статистика. – 72 с.

Исследование общественного воспроизводства - фундаментальная основа разработки теоретической экономики

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Показано, что многолетняя работа ученых из Ивановского государственного университета, докторов экономических наук Б.Д. Бабаева и Е.Е. Николаевой, по изучению многоуровневого общественного воспроизводства выступает фундаментальной основой разработки теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Особое внимание уделено рецензированию сборников научных трудов, изданных по этой проблематике под редакцией названных ученых в 2021 году. Раскрыты классификация уровней в рамках многоуровневого общественного воспроизводства, содержание каждого из этих уровней. Обращено внимание на актуализацию в постсоветский период проблематики регионального уровня общественного воспроизводства. Показана роль исследования общественного воспроизводства в разработке сущностно-содержательной составляющей концепции теоретической экономики.

Ключевые слова: многоуровневое общественное воспроизводство; теоретическая экономика; общая теория воспроизводства; макроуровень общественного воспроизводства; мезоуровень общественного воспроизводства; микроуровень общественного воспроизводства; сущностно-содержательная составляющая теоретической экономики; новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях.

JEL codes: A13; A14; B40; B41

Для цитирования: Гордеев, В.А. Исследование общественного воспроизводства - фундаментальная основа разработки теоретической экономики / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №1. - С.130-135. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2022)

Введение. На страницах нашего журнала мы с самого его создания заявили о своей задаче разработки и развития концепции теоретической экономики, выдвинутой нами и позиционируемой в качестве нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Почему и зачем? Потому что главенствующий в постсоветской России и на Западе неоклассический подход в науке и экономической политике всё больше показывает свою несостоятельность в достижении благосостояния для всех. Как подчеркнул на Валдайском форуме 2021 года президент РФ В.В. Путин, капитализм исчерпал себя, заведя весь мир в тупик.

Однако предложение нового мейнстрима не должно было повторить печального урока резкого, революционного ниспровержения мейнстрима классической политэкономии в её высшем проявлении – марксистском, которое было в СССР, и такого же резкого и революционного воцарения неоклассики в образовательный стандарт и макроэкономическую политику в РФ. Как известно, эта резкость и революционность вызвали падение производства валового внутреннего продукта и объема выпуска промышленной продукции вдвое. Поэтому в русле теоретической экономики предлагается без политико-идеологических крайностей произвести полиметодологическое «вбирание» в себя всех существовавших в истории экономической мысли и существующих в настоящее время направлений экономической теории. А для недопущения эклектики от такого «вбирания» - определенная иерархия вобранных компонентов. Так, приоритетным представляется дальнейшее развитие классической политэкономии в её высшем выражении – марксистском – для отражения сущностно-содержательной составляющей исследуемых категорий. Поскольку именно классическая политэкономия, осуществляя

детерминистский подход, изучает объективные экономические закономерности. А неоклассика, рассматривающая функциональные взаимозависимости экономических величин, может быть отнесена к изучению внешней формы изучаемых категорий. Туда же следует отнести и другие современные научные направления, например, институционализм.

Такой полиметодологический подход с приоритетом развития классической политэкономии был выдвинут и три последних десятилетия характеризует научную школу докторов экономических наук из Ивановского университета Bronislava Дмитриевича Бабаева и Елены Евгеньевны Николаевой, членов редколлегии нашего журнала. Ярким проявлением такого подхода ивановских коллег стала их активная деятельность по исследованию многоуровневого общественного воспроизводства.

Основная часть. О сборниках научных трудов «Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики» № 20(36) и 21(37) 2021 г. под ред. Б. Д. Бабаева и Е. Е. Николаевой.

Проблематика общественного воспроизводства, к сожалению, не очень популярна в современной экономической науке, ориентированной на мейнстрим неоклассической концепции. Однако воспроизводственные аспекты сопровождают нас ежедневно, поэтому следует приветствовать периодическое издание «Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики» Ивановского государственного университета. Редакторами сборника научных трудов являются доктор экономических наук Bronislav Дмитриевич Бабаев и Елена Евгеньевна Николаева, которые многие годы занимаются темой общественного воспроизводства. Обратим особое внимание на два сборника, вышедшие в 2021 году [см.: 1 и 2].

В рецензируемом сборнике № 20(36) [см.: 1] представлены статьи, относящиеся к разным уровням социально-экономической системы, поэтому они сгруппированы в соответствующие блоки. В блоке «Общая теория воспроизводства» представлены, как правило, экономико-теоретические статьи. В указанном номере он включает две статьи. Во-первых, материал кандидата экономических наук Р.Н. Солдатовой (г.Ярославль) [см.: 1, с. 15-25], в котором фиксируется появление в экономиках развитых капиталистических и бывших социалистических странах в начале XXI века характерных негативных процессов, повлиявших на деструктивность экономических моделей, используемых в этих странах, что требует от глобального хозяйства, по мнению автора, переходить от эпохи стоимостной экономики к эпохе постстоимостной экономики. Во-вторых, статья аспиранта С. В. Зенова [см.: 1, с. 6-14], посвященная анализу взглядов экономистов разных эпох и научных школ на финансовый рынок и его место в экономике. Автором этой работы делается вывод о важности регулирования этого рынка со стороны государства.

Блок «Макроуровень общественного воспроизводства» представлен интересными разнонаправленными материалами, рассматривающими проблемы контрактной системы в сфере закупок товаров (работ, услуг) для обеспечения государственных и муниципальных нужд (кандидат экономических наук А.А.Елизарова и студент А. А. Балашов) [см.: 1, с. 26-33] и вопросы инновационного развития в сфере услуг, в том числе в консалтинговой деятельности (аспирантка С.Е.Струнникова) [см.: 1, с. 34-40].

В блоке «Мезоуровень общественного воспроизводства» на примере города Комсомольск Ивановской области кандидатом экономических наук А.А. Елизаровой и магистранткой В. С. Куликовой обобщены современные важные проблемы развития инфраструктуры депрессивных территорий [см.: с. 41-47]. Эта тема актуальна для многих муниципальных образований и целых регионов нашей страны, поскольку благоустройство городов, особенно малых, надежная связь и транспортная доступность и др. элементы инфраструктуры создают предпосылки для улучшения качества жизни населения, снижения социальной напряженности, сохранения и развития демографического потенциала.

Блок «Микроуровень общественного воспроизводства» самый большой. В нем собраны статьи, рассматривающие различные аспекты функционирования предприятий и организаций:

конкурентные преимущества (студент ИвГУ из Гвинеи Бисау И. В. Бернардо) [см.: 1, с. 48-52], маркетинговая стратегия (студентка ИвГУ М. А. Макарова) [см.: 1, с. 53-57], кредитная политика коммерческого банка (кандидат экономических наук Т. М. Малёнкина и студентка А. Н. Ольховец) [см.: 1, с. 58-63], информационная безопасность в частных клиниках (магистрантка Е. Д. Родионьчева) [см.: 1, с. 64-69], корпоративный интерес (кандидат экономических наук О. С. Романова) [см.: 1, с. 70-74].

В научных статьях, собранных в рецензируемом сборнике, рассматривается широкий круг теоретических и прикладных вопросов, связанных как с функционированием национальной экономики в целом, так и ее отдельных сфер, регионов, предприятий, организаций, рынков. Авторы дают характеристику состояния проблем, в критическом ключе анализируют проблемы отрасли или сферы экономической деятельности и выдвигают определенные предложения. Такой подход вполне приемлем и отвечает тем задачам, которые преследуют авторы, публикуя свои статьи в сборнике. Статьи отличает корректное использование статистического и фактического материала

Если иметь в виду аспект экономико-теоретический и аспект конкретной экономики, то в этом сборнике наибольшее внимание уделено прикладным вопросам экономики и управления предприятиями.

Но главная особенность рассматриваемого сборника применительно к нашей теме – это развитие авторами политэкономического метода, изучения объективных экономических закономерностей, взаимодействия динамики производительных сил и производственных отношений. В связи с этим резонно, например, Р.Н. Солдатова в статье «Прорыв в будущее» отмечает: «В начале XXI века в экономике развитых стран и бывших социалистических странах появились характерные негативные процессы, которые стали влиять на деструктивность экономических моделей, используемых в этих странах. Это побудило автора провести исследование по выявлению объективности и специфичности таких негативов. Опираясь на методологическую основу теории политэкономии, новых открытий в области гуманитарных и естественных наук, а также на исследования по разработке нестоимостной экономики В.Я. Ельмеева и В.И. Корнякова, автор разработала новый научный инструментарий, дополняющий современную экономическую теорию. Такой научный инструментарий позволил определить качественные и количественные характеристики всех стадий трансформации капитализма, поэтапную естественно-историческую его детализацию как необходимость перехода к формированию нового нестоимостного материального производства» [2, с. 16-17]. В её работе показано, что в период формирования производственно-технических сил государственно-монополистического капитализма вектор общественного продукта труда на сущностном уровне начинает изменять свое направление от затратной составляющей общественного продукта труда к «нейтральному» положению и далее в сторону полезно-результатной составляющей общественной формы продукта труда, оставляя стоимостной, затратный рубеж позади своего исторического пути [см., например: 2, с. 21]. И не случайно, подводя итог своего проведенного исследования, Р.Н. Солдатова справедливо, считаю, утверждает: «Роль постстоимостной эпохи – это спасение мирового общества от надвигающейся катастрофы, которую несет умирающий капитализм» [2, с. 23].

Что касается второго сборника [см.: 2], то он выступает логическим продолжением предыдущих, хорошо знакомых читателям разных вузов Верхневолжья и других регионов страны. Интерес к данному изданию вызван тем, что опять-таки акцент в названии и содержании сделан на тему общественного воспроизводства на различных уровнях социально-экономической системы. Этим обусловлены и те же, что и в предыдущем сборнике, рубрики, по которым группируются статьи: «Общая теория воспроизводства», «Мегауровень общественного воспроизводства», «Макроуровень общественного воспроизводства», «Мезоуровень общественного воспроизводства», «Микроуровень общественного воспроизводства». Авторы, следует отметить, исследуют то, что наблюдается в реальной действительности, изучают явления, события, хозяйственные процессы, выявляют

проблемы и пути их решения.

В рецензируемом сборнике №21(37) есть статьи для каждой указанной выше рубрики. Общие экономико-теоретические вопросы рассмотрены в статье доктора экономических наук, профессора Е. Е. Иродовой и аспиранта А. М. Соколова [см.: 2, с. 7-19], которые изучают основные подходы при оценке уровня цифровизации стран, при формировании выборки данных для анализа показателей в рамках стран Европейского союза.

Мегауровень общественного воспроизводства представлен материалом кандидата экономических наук Т. А. Денисовой [см.: 2, с. 20-24], в котором обращено внимание на необходимость межгосударственного взаимодействия по вопросам миграции, определены проблемы в управлении трудовой миграцией и тенденции возрастания роли международных организаций в упорядочении трудовой миграции.

Макроэкономические темы раскрываются в статьях доктора экономических наук, профессора Е. А. Бибиковой и студента А. Ю. Найдича (вопросы наличного денежного обращения в России и основные тенденции в структуре денежной массы) [см.: 2, с. 25-35], студентки магистратуры Б. С. К. Гусейнзаде (опыт зарубежных стран и отличительные особенности методов социальной поддержки семей с детьми в условия развития пандемии коронавируса) [см.: 2, с. 36-40], кандидата экономических наук И. В. Курниковой и магистрантки А.Е.Ивашиной (кредитование малого бизнеса как приоритетное направление для коммерческих банков, система государственной поддержки малого бизнеса) [см.: 2, с. 41-44], магистрантки А. Е. Румянцевой (роль государства в технологическом обновлении общественного воспроизводства) [см.: 2, с. 45-50].

За последние 10–15 лет в нашей стране сформировался устойчивый интерес к проблематике регионального воспроизводства. С одной стороны, это объясняется тем, что возросло значение децентрализованно принимаемых решений, резко повысилась ответственность регионов за свое собственное социально-экономическое развитие, с другой – резервы повышения эффективности общественного хозяйствования в очень сильной степени находятся в регионах, в силу этого специалисты заняты их поисками и оценками. В этом ключе доктор экономических наук Е. Е. Николаева рассматривает роль промышленного производства в развитии экономики Ивановской области с XVIII в. до наших дней (рубрика «Мезоуровень общественного воспроизводства») [см.: 2, с. 51-58].

Традиционно наибольшая часть сборника представлена статьями, посвященными вопросам функционирования микроуровня общественного воспроизводства. Систематизации понятийного аппарата для исследования устойчивого развития предприятий уделили внимание доктор экономических наук В.И.Куликов и аспирант Т.Р.Камилли [см.: 2, с. 69-81]. Вопросы повышения конкурентоспособности предприятий и выбора конкурентной стратегии рассматривают студентки магистратуры Ю.А.Антипина [см.: 2, с. 59-62] и А.И.Куделькина [см.: 2, с. 63-68]. На важность диверсификации при составлении рационального инвестиционного портфеля делают акцент в своей статье кандидат экономических наук Т.М.Малёнкина и магистрантка А.М.Казанцева [см.: 2, с. 82-86]. Корпоративной социальной ответственности бизнеса в условиях цифровизации посвящает свой материал кандидат экономических наук О. С. Романова [см.: 2, с. 87-94].

Представленные статьи отличаются квалифицированностью постановки и решения вопросов, актуальностью проблематики, чувствуется стремление авторов не просто ограничиться изложением имеющегося у них материала, но и попытаться выдвинуть определенные позитивные предложения.

Но главное, что необходимо отметить применительно к теме нашей рецензии, - это то, что второй сборник, как и первый, как и выпускавшиеся ранее, резонно выступает основой для дальнейшей разработки теоретической экономики. Во-первых, самим фактом обращения к теме общественного воспроизводства, принадлежащей к важнейшему объекту исследования в русле развития классической экономики. Во-вторых, в отличие от неоклассики, усматривающей предмет

экономической науки в анализе обмена, рыночного хозяйства, редакторы и многие авторы рецензируемых сборников придают особое значение фазе производства и производственным отношениям. Не случайно, например, статья Е.Е. Николаевой в 2-м сборнике называется «Значение промышленного производства для экономического развития Ивановской области» и в ней показано влияние обрабатывающей промышленности на развитие Ивановского края с XVIIIв. до наших дней. Подчеркивается, что для обеспечения экономического роста в настоящее время требуется инвестировать в высокотехнологичное промышленное производство [см.: 2, с. 51-58] .

Заключение. Таким образом, рецензируемые сборники продолжают характерный для многолетней работы научной школы Б.Д. Бабаева и Е.Е. Николаевой полиметодологический подход к исследованию экономических категорий с приоритетом развития классической политэкономии применительно к рассмотрению сущностно-содержательной стороны этих категорий. Читатель может убедиться в подтверждении этого вывода на примере опубликованной в нашем журнале статьи Е.Е. Николаевой к юбилею Б.Д. Бабаева [см.: 3].

В указанном качестве материалы рассматриваемых сборников справедливо можно квалифицировать как важный материал для дальнейшей разработки и развития теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. При этом нельзя закрывать глаза на то, что некоторые статьи в рецензируемых сборниках отдают определенную дань неоклассике и институционализму и даже простой описательности, особенно у молодых авторов, но не в этом главное у этих книг. Главное в них, повторяю, в наличии фундаментальной основы для разработки и развития теоретической экономики, над чем мы трудимся вместе с ивановскими коллегами.

Значимость отмеченного главного достоинства работ ивановских коллег, в том числе и рецензируемых сборников, тем более велика, что большинство сегодняшних авторов и их публикаций всё ещё далеки от изучения социально-экономических реалий в русле теоретической экономики. Даже в журналах Scopus и Web of science, настоятельно рекомендуемых министерством российским вузовским преподавателям для публикаций, пока истинно теоретико-экономический подход остается исключением. Так, за 2020 год в журналах Scopus таковых нахожу лишь две работы [см.: 4 и 5]. Хотя встречаются попытки авторов позиционировать себя как развивающих классическую политэкономия, но, по сути, они остаются в плену институционализма и неоклассики [см., например, 6]. Значит, ещё настойчивее следует изучать современные социально-экономические реалии в русле теоретической экономики с приоритетом развития классической политэкономии, что достойно, на мой взгляд, осуществляют ивановские коллеги, исследуя многоуровневое общественное воспроизводство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. Б.Д. Бабаева, Е.Е. Николаевой. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – Вып. 20 (36). – 80с. – ISBN 978-5-7807-1364-7
2. Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. Б.Д. Бабаева, Е.Е. Николаевой. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – Вып. 21 (37). – 100с. – ISBN 978-5-7807-1352-4.
3. Николаева, Е.Е. «Вперед и выше! (К 90-летию профессора Бронислава Дмитриевича Бабаева)» [Текст] / Е.Е. Николаева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 2. — С. 95-98. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Garminder K. Bhambra. Colonial global economy: towards a theoretical reorientation of political economy // Review of International Political Economy (2020), 10. 1080 / 09692290.2020. 1830831 (Дата обращения 3.01.2022)

-
5. Diego Santos Vieira de Jesus. The Theoretical Foundations and Limitations of the Concept of “Creative Economy” // *Philosophy Study* (2020), 10. 17265 / 2159 – 5313 / 2020. 03006 (Дата обращения 3.01.2022)
6. Peeters R. The Political Economy of Administrative Burdens: A Theoretical Framework for Analyzing the Organizational Origins of Administrative Burdens // *Administration and Society* (2020), 10/ 1177 / 0095399719854367 (Дата обращения 3.01.2022)